

АРХИТЕКТУРА

L'architecture de l'URSS

Architecture of the USSR

Architektur der UdSSR

2

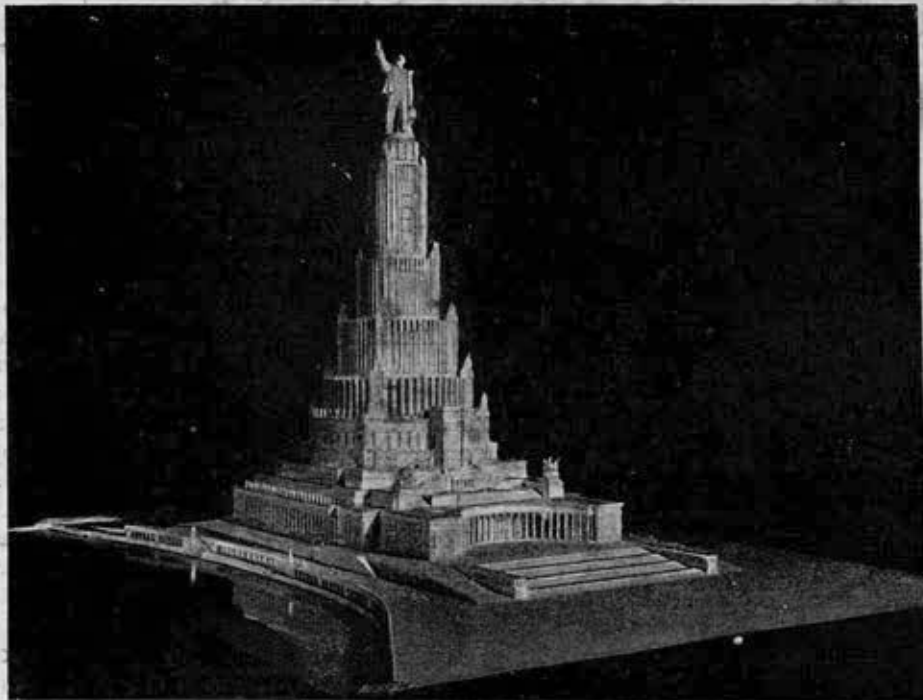
1
9
3
4

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ТЕЛЕГРАФНО-ТЕЛЕФОНОГРАФСКОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ

АВИАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ

Макет — художник Эль Лисицкий
Техническая редакция — Б. Соморов
Фото — Союзфото, И. Сосфенов
Репродукции — Д. Козлов
Сдано в производство 29 I 1934 г. Подписано к печати 21 III 1934 г.
Формат 62×14 1/2 9/16, листов. Тираж 4 000. 128 тыс. знаков в бум. листе. Заказ № 131
Ул. Главлита В-82211
7-я типография Мосполиграффа „Искра революции“. Москва Филипповский пер., 13
Клише изготовлены в цинкографии Жургазобъединения. Москва, 1-й Самотечный пер., 17

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее постановление, завершающее собою целый ряд ответственных этапов проектирования величайшего в мире сооружения — памятника эпохи социалистического строительства, было опубликовано в момент, когда номер нашего журнала находился уже в печати.

В ближайшем номере „Архитектуры СССР“ будет опубликован полностью проект, утвержденный Советом строительства Дворца советов. Редакция кроме того поместит в ряде номеров статьи, сообщения и материалы, посвященные отдельным проблемам, связанным со строительством гиганта социалистической архитектуры.

**Постановление
 Совета строительства Дворца советов
 при Президиуме ЦИК Союза ССР
 19 февраля 1934 г.**

Совет строительства Дворца советов постановляет:

1. Утвердить и принять к исполнению архитектурный проект Дворца советов, составленный согласно постановления Совета строительства от 10 мая и 4 июня 1933 г., на основе принятого по конкурсу проекта архитектора Б. М. Иофана, группой архитекторов в составе профессора В. Г. Гельфрейх, архитектора Б. М. Иофана и академика архитектуры В. А. Щуко (см. приложение).

2. Руководство архитектурно-художественной стороной проектирования Дворца советов возложить на вышеуказанных авторов.

3. Предложить начальнику строительства тов. Михайлову в месячный срок представить свои предложения о плане и порядке производства работ, сроке начала работ и мероприятиях для наиболее успешного их выполнения.

Совет строительства Дворца советов.

СЪЕЗД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

XVIII съезд ВКП(б) войдет в историю международной пролетарской борьбы за социализм величайшей вехой. Никогда, ни на одном из предыдущих этапов революционного движения и социалистического строительства, партии еще не удавалось обеспечить столь мощные всемирно-исторического значения победы, такого большевистского единства своих рядов и величайшей поддержки миллионных масс генеральной линии — как это было достигнуто за период с XVI по XVII съезд. Вот почему XVII съезд по великому праву назван съездом победителей. Завершив построение фундамента социалистического общества, СССР идет к победоносной реализации мечты лучших людей человечества — к построению бесклассового социалистического общества.

Наши победы дались не легко. Жестокая борьба с классовыми врагами и их агентурой внутри партии, преодоление индустриальной, аграрной и культурной отсталости — наследия капитализма — требовали напряжения всех сил, воли и энергии. Но эти задачи были успешно разрешены потому, что во главе борьбы стоял великий Сталин, чье гениальное предвидение, мудрое руководство и железная воля явились решающим фактором этих побед.

Опираясь на гигантские успехи первой пятилетки, на созданную ими мощную базу социализма, Советский союз подошел к решению еще более грандиозных по своим масштабам задач второй пятилетки. Программа второй пятилетки, утвержденная XVII партийным съездом, есть программа построения полного бесклассового социалистического общества. Основными задачами второй пятилетки съезд установил:

« а) ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, окончательную ликвидацию, на основе полного завершения коллективизации крестьянских хозяйств и кооперирования всех кустарей, частной собственности на средства производства, ликвидацию многоукладности экономики Советского союза и установление социалистического способа производства как единственного способа производства, с превращением всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества;

б) завершение технической реконструкции всего народного хозяйства СССР на базе, созданной в период первой пятилетки и идущей по пути дальнейшего быстрого подъема промышленности, производящей средства производства (тяжелой промышленности);

в) более быстрый подъем благосостояния рабочих и крестьянских масс и при этом решительное улучшение всего жилищного коммунального дела в СССР;

г) укрепление экономических и политических позиций пролетарской диктатуры на основе союза рабочего класса с крестьянством для окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще;

д) дальнейшее укрепление обороноспособности страны».

Разрешение этих всемирно-исторических задач возможно только на основе полного выполнения грандиозного народно-хозяйственного плана второго пятилетия, далеко превосходящего по своим масштабам, по размаху и объему строительства план первой пятилетки. Капитальные вложения во второй пятилетке составят 133,4 млрд. руб. против 50,5 млрд. в первой пятилетке. Для разрешения этой задачи во второй пятилетке развертывается огромная строительная работа. Достаточно указать, что в этом пятилетии будет строиться и реконструироваться более 175 машиностроительных заводов, будет строиться 248 каменноугольных шахт, 79 районных электрических станций, 46 трубчаток и 96 крекингов, 18 крупнейших заводов черной металлургии, 25 заводов цветной металлургии, 313 наиболее крупных предприятий легкой промышленности и около 350 наиболее крупных предприятий пищевой промышленности.

Темпы ежегодного роста промышленной продукции во второй пятилетке намечены в 16,3 проц. Успешное проведение намеченных заданий обеспечит возрастание промышленной продукции к концу второй пятилетки до 92,7 млрд. руб. против 43 млрд. руб. в 1932 году.

Во второй пятилетке СССР обгонит в технико-экономическом отношении все передовые капиталистические страны Европы, обеспечит свою полную независимость, выйдя на первое место в Европе по уровню развития основных отраслей промышленности.

Существенной чертой плана второй пятилетки является превышение темпов развития производства предметов широкого потребления над темпами развития производства средств производства. Создав за первую пятилетку мощную тяжелую индустрию, как базу технического перевооружения всего хозяйства, мы можем теперь в соответствии с указаниями тов. Сталина ускоренно двинуть вперед и тяжелую и легкую промышленность, обеспечив особо быстрый рост производства предметов широкого потребления. По всему народному хозяйству прирост капитальных вложений составит 164 проц.; по промышленности в целом — 180 проц.; по легкой промышленности — 360 проц. В соответствии с этим среднегодовой прирост производства предметов широкого потребления составит во вторую пятилетку 18,5 проц. против 14,5 проц. среднегодового прироста производства средств производства.

Во второй пятилетке наиболее полно выступает проводимая партией линия на социалистическое размещение производительных сил. Будет закончено строительство Урало-Кузнецкого комбината, на завершение которого затрачивается четверть всех средств, вкладываемых в народное хозяйство СССР, и свыше трети средств, вкладываемых в тяжелую промышленность.

Создается ряд новых центров тяжелой и легкой индустрии на Востоке. Районы Востока (Урал, Западная и

Восточная Сибирь, ДВК, Башкирская и Казахская АССР, Средне-Азиатская республика) получают 33 проц. всех капиталовложений в народное хозяйство и 37 проц. всех капиталовложений в тяжелую промышленность.

Характеризуя огромное принципиальное значение этих сдвигов в размещении производительных сил, XVII съезд подчеркивает в резолюции по докладу тт. Молотова и Куйбышева, что они обеспечивают изживание хозяйственной и культурной отсталости национальных республик и областей, более равномерное размещение производительных сил и приближение промышленности к источникам сырья, специализацию основных районов по сельскохозяйственным культурам и отраслям, завершение экономического районирования страны в целом.

Завершение реконструкции всего народного хозяйства означает, что во второй пятилетке произойдут дальнейшие глубокие технико-экономические сдвиги в народном хозяйстве, доступные по своим масштабам и по своим принципиальным основам только социалистической системе хозяйства. В СССР за вторую пятилетку будет создан самый новый и технически самый передовой в мире производственный аппарат. К концу пятилетки около 60% всех действующих орудий производства составят орудия производства, направляемые в народное хозяйство только за годы второго пятилетия.

Вторая пятилетка есть пятилетка качества, пятилетка борьбы за высокие качественные показатели во всех областях народного хозяйства. Исключительное значение имеет намеченный на вторую пятилетку план роста производительности труда и снижения себестоимости. Производительность труда в промышленности должна возрасти на 63% и себестоимость продукции должна быть снижена на 26%. Эти задания являются решающими для выполнения второй пятилетки, ибо экономия от снижения себестоимости должна составить около 40% всех капиталовложений в промышленность за пятилетку.

СССР должен не только по технико-экономическим показателям, но и по производительности труда выйти на первое место в Европе. Этот мощный рост производительности труда будет базироваться на огромном насыщении производства новой техникой, на росте активности масс и дальнейшем подъеме социализма и ударничества, на росте хозяйственных и научно-технических кадров и широких масс квалифицированных рабочих.

Центральной задачей второй пятилетки является задача освоения широкими массами новой техники и нового производства. Освоение новой техники всей промышленностью есть основа завершения технической реконструкции страны.

XVII съездом утверждены весьма напряженные задания по освоению. Они характеризуются задачей введения в эксплуатацию предприятий стоимостью 132 млрд. руб. при общей сумме всех капиталовложений 133,4 млрд. руб.

Гарантией успешной реализации этой задачи является мощный расцвет творческих сил рабочего класса и трудящихся масс, колоссальный опыт борьбы за период первой пятилетки, огромный подъем социалистического соревнования и ударничества, новый подъем активности рабочих масс и колхозников и широкое внедрение коммунистического отношения к труду.

Огромные успехи и достижения социалистической промышленности бесспорны. Но это не значит, что можно закрыть глаза на имеющиеся в ее работе слабости и недостатки. Тов. Сталин в докладе на XVII съезде вскрыл и показал главные из них. Это — отставание черной и неупорядоченность цветной металлургии, слабая работа по развитию добычи местных углей, созданию новой нефтяной базы в восточных районах, разворачиванию производства предметов широкого потребления и местной промышленности, низкое качество продукции, отставание в росте производительности труда, снижении себестоимости и внедрении хозрасчета, плохая организация труда и зарплаты и канцелярско-бюрократические методы руководства в хозяйственных наркоматах и их органах. Быстрое и полное устранение этих недостатков — вот что определяет практическую программу дальнейшей работы.

Узловыми народно-хозяйственными проблемами являются сейчас, как подчеркнул тов. Сталин, разворачивание товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железнодорожного. Резкое улучшение организации советской торговли и максимальное ее разворачивание, все больший переход от закрытой торговли к открытой на базе быстрого роста количества продуктов и организованности советской торговли должны стать мощным орудием дальнейшего расцвета и подъема всего народного хозяйства, мощным орудием дальнейшего сближения города и деревни. Но разворачивание товарооборота, как и развитие всего хозяйства страны, упирается в проблему транспорта. Подчеркивая значение транспортной проблемы, тов. Сталин говорил в докладе на XVII съезде: «Может случиться, что товары есть, имеется полная возможность развернуть товарооборот, но транспорт не поспевает за развитием товарооборота и отказывается везти грузы. Как известно, оно так и бывает у нас сплошь и рядом. Поэтому, транспорт является тем узким местом, о котором может споткнуться, да, пожалуй, уже начинает спотыкаться вся наша экономика и прежде всего наш товарооборот».

Вот почему во второй пятилетке грузооборот по основным видам транспорта (железнодорожный, речной, морской и автомобильный) должен возрасти с 214 млрд. тонно-километров в 1932 г. до 433 млрд. в 1937 г. Эти цифры достаточно убедительно говорят о грандиозности и решающем значении транспортной проблемы во второй пятилетке.

Подъем сельского хозяйства шел в первую пятилетку более низкими темпами, чем в промышленности, а в развитии поголовья скота замечен явный упадок. Это были годы глубочайшей перестройки сельского хозяйства. Перестройка мелкотоварного социально-экономического уклада деревни в социалистический неизбежно была связана со значительными издержками, ибо решалась и была победоносно решена самая трудная задача пролетарской революции. «Очевидно, — говорит тов. Сталин, — что громадные трудности объединения разрозненных мелких крестьянских хозяйств в колхозы — трудное дело создания почти на пустом месте большого количества крупных зерновых и животноводческих хозяйств и вообще реорганизационный период перестройки и перевода единоличного сельского хозяйства на новые колхозные рельсы, требующий много времени и больших издержек, — все эти факторы неизбежно предприняли как медленные темпы подъема сельского хозяйства, так и сравнительно долгий период упадка в развитии поголовья скота». Однако успешное решение глав-

ной реорганизационной задачи в сельском хозяйстве — задачи социалистической перестройки его общественно-экономической структуры, создало прочные предпосылки для быстрого подъема и мощного разбега в ближайшем будущем. С окончанием реорганизационного периода в 1932 г. партия взяла твердую линию на отказ от огульного расширения площадей и на поднятие урожайности, как главной в настоящий период. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, проблема качества есть сейчас центральная проблема. Для иллюстрации этого достаточно сказать, что из всего прироста валового сбора зерновых культур в 1937 г. по сравнению с 1932 г. 87 проц. прироста осуществляется за счет роста урожайности.

В 1933 году на январском пленуме ЦК и в своей речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников тов. Сталин дал партии исторические лозунги величайшей мобилизующей силы — лозунги превращения всех колхозов в большевистские и всех колхозников в зажиточных. Эти лозунги были подхвачены миллионными массами и обеспечили победы первого года второй пятилетки, который явился переломным годом в развитии зерновых и технических культур. 1933 г. — первый год после окончания реорганизационного периода — был переломным годом в организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов и дал никогда невиданный в нашей стране и самый высокий во всем мире сбор хлеба.

На второе пятилетие XVII съезд наметил грандиозную программу подъема и расцвета сельского хозяйства, создания устойчивой и высокопроизводительной продовольственной и сырьевой сельскохозяйственной базы. Основой этой программы является полное завершение коллективизации крестьянских хозяйств и завершение технической реконструкции сельского хозяйства. Социалистическая форма хозяйства станет единственной формой нашего сельского хозяйства.

С особой остротой и неотложностью стоит животноводческая проблема, которая «является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая» (Сталин). Только по свиноводству в истекшем году наметился перелом к подъему. Текущий 1934 г. должен стать годом решительного перелома к подъему во всем животноводстве, обеспечивая рост его продукции за вторую пятилетку в два с четвертью раза.

Резко повышается во второй пятилетке материально-бытовой и культурный уровень рабочих и трудящихся масс. «Социализм, — говорит тов. Сталин, — может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культуры. Ибо социализм, марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно развитых трудящихся людей». Численность рабочих и служащих увеличивается почти до 30 млн. человек в 1937 г. Реальная заработная плата вырастет в два раза при окончательной ликвидации паразитического потребления и быстром росте народного дохода. В 2—3 раза увеличится потребление мяса, жиров, рыбы и промтоваров, при значительном снижении розничных цен. Затраты на

здоровоохранение, рабочий отдых и физкультуру вырастут с 5,4 млрд. руб. до 20 миллиардов. Общая сумма затрат на финансирование социально-культурного строительства составит за пятилетку свыше 80 млрд. руб. или более $\frac{1}{4}$ всего финансового плана. Капиталовложения в жилищное строительство вырастут в 3 раза и составят свыше 12 миллиардов, что обеспечит ввод в эксплуатацию 66 млн. метров жилищной площади. Реконструкцией будет охвачено свыше 400 городских центров.

Всеобщей станет за пятилетку зажиточность колхозных масс. Быстрые темпы и массовость роста благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства составят одну из основных черт второй пятилетки. На этой основе изменяется весь облик нашей деревни. Уже сейчас, как это ярко и красочно подчеркнул тов. Сталин, начинает исчезать «старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане». На место этой старой деревни, насквозь пропитанной косностью и темнотой деревенского идиотизма, — «выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями». За вторую пятилетку этот процесс перестройки социально-культурного облика деревни будет одним из замечательнейших явлений нашей великой эпохи.

Бурными темпами поднимется во вторую пятилетку культурность рабочих и трудящихся масс, социалистическая культура советской страны. Количество зрелищных предприятий увеличится больше, чем вдвое, вдвое вырастет книжная и журнальная продукция, разовый тираж газет достигнет 66 млн. экземпляров. Будет осуществлено всеобщее политехническое обучение не только в городе, но и в деревне.

СССР во вторую пятилетку станет страной массовой технической грамотности. Это будет пятилетка полного разрешения проблемы кадров и создания глубоких предпосылок для решительного сближения физического и умственного труда и уничтожения противоположности между ними. Это будет пятилетка небывалого расцвета научной мысли в Союзе и исключительно всестороннего и глубокого переплетения науки и техники, науки и труда. Не случайно первый год второй пятилетки ознаменовался рядом крупнейших научно-технических побед и достижений в различных областях науки и техники. Беломорско-Балтийский канал, завоевание стратосферы, кара-кумский пробог, арктические экспедиции — все это только первые звенья в цепи великих научно-технических и культурных задач второй пятилетки, которые по самому существу своему носят глубоко социалистический характер.

Сквозь всю грандиозную программу реконструктивно-строительных работ второй пятилетки красной чертой проходит социалистический характер этих работ.

На самом деле: пятилетка решает задачу завершения экономического районирования страны в целом на основе равномерного размещения производительных сил, изживания хозяйственной и культурной отсталости национальных областей и республик, приближения промышленности к источникам сырья и создания новой сельскохозяйственной географии страны. Совершенно очевидно, что это есть задача социалистическая по самой ее природе. Анархия

капиталистического общества, органически свойственный ему отрыв промышленности от источников сырья, непримиримая противоположность капиталистического города и деревни, национальный гнет, неотделимый от империализма и т. д. — исключают самую возможность постановки подобно! задачи в условиях капитализма.

Пятилетка решает задачу завершения в основном механизации всех трудоемких и тяжелых процессов в промышленности.

Впервые в истории будет произведена столь широкая, почти всеобщая замена человека машиной на самых тяжелых и трудоемких работах, и этот процесс выражает глубочайшую черту всей социалистической эпохи — превращение труда из проклятия, чем он был при капитализме, в первую естественную потребность человека, чем он будет при коммунизме. Исключительно велико экономическое значение завершения механизации трудоемких и тяжелых работ. Но не менее велико ее значение для подготовки условий уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом. Для того чтобы эту противоположность уничтожить, необходимо раньше уничтожить самые тяжелые, самые варварские виды труда, породившие знаменитую «Дубинушку». Завершение механизации уничтожает полностью эти варварские виды труда, недалеко ушедшие от бурлацкой лямки и широко распространенные даже в передовых капиталистических странах.

Пятилетка решает задачу создания новой энергетической базы, создания крупнейшей в мире системы электроснабжения (Донбасс—Приднепровье), завершения кольцевания районных станций и перехода к межрайонному кольцеванию станций. Сходной с этой по своему принципиальному значению является задача создания за пятилетку единой водной системы Европейской части СССР, связывающей Белое, Балтийское и Каспийское моря. Не приходится доказывать, что рамки частной собственности и свойственное загнивающему капитализму сопротивление техническому прогрессу совершенно исключают возможность разрешения подобных задач в условиях капитализма.

Пятилетка решает задачу завершения технической реконструкции сельского хозяйства и превращения на этой базе сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального.

Трактор и комбайн имеются и на полях капиталистической Америки. Автомобилей там даже больше, чем будет на наших полях к концу пятилетки. Но как в XVIII веке овцы «съедали» английских крестьян, так теперь трактор давит и глотает американского фермера. Трактор глубоко пашет, но он не в силах перепахать межи частной собственности на землю. Только пролетарская революция и победа социалистических форм хозяйства в земледелии открывает возможность полной технической реконструкции сельского хозяйства.

XVII съезд партии вооружил всю великую армию социализма ясной перспективой и конкретной программой борьбы за построение бесклассового общества. Он дал партии также и развернутую программу организации сил для обеспечения победы в этой борьбе, которая неизбежно будет напряженной, острой и упорной.

Величие задач второй пятилетки подняло уже новую волну творческого энтузиазма и самоотверженного героизма рабочих и трудящихся масс и чем дальше, тем выше будет подниматься эта волна. Но вместе с этим неизбежно вырастает обостренное сопротивление классовых врагов; трудности, растущие из пережитков капитализма в экономике и в сознании людей, из недостатков организационной практики в работе различных организаций, требуют величайшего напряжения для их окончательного преодоления.

Борьба за государственный аппарат, стоящий на уровне задач и требований эпохи социализма, должна развернуться еще более широко. Величайший вред и опасность канцеляреко-бюрократических методов работы и связанное с ними разбухание штатов, громоздкость аппаратов, обезличка, функционалка, ослабление ответственности и единоначалия, отсутствие авторитетной и систематической проверки исполнения — потребовали продолжения и углубления перестройки всех органов и аппаратов диктатуры пролетариата на новых началах. Особенно большое значение имеет перестройка самих методов работы, система управления и руководства и центральный пункт последнего — подбор кадров и проверка исполнения.

На XVII съезде партии тов. Сталин поднял задачу правильного подбора людей и проверки исполнения на гигантскую принципиальную высоту. Он подчеркнул, что «правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной. Проводятся ли решения руководящих организаций или кладутся под сукно бюрократами и канцеляристами. Проводятся ли они правильно или извращаются. Работает ли аппарат честно и по-большевистски, или вертится на холостом ходу, — обо всем этом можно узнать во-время лишь в результате хорошо поставленной проверки исполнения. Хорошо поставленная проверка исполнения — это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводит на свет божий бюрократов и канцеляристов».

Тов. Каганович в своем докладе на XVII съезде остроумно и блестяще вскрыл всю неудовлетворительность постановки контроля и проверки исполнения. Резолюция XVII съезда партии связывает проблему проверки исполнения со всей организационной перестройкой, ставит все организационные вопросы комплексно, указав, что все эти недостатки суть наследие буржуазных методов управления, несовместимых с принципами социалистического хозяйствования. В условиях, когда социалистические формы хозяйства стали абсолютно господствующими, дальнейшее отставание от организационной практики прямым образом тормозит решение основных народнохозяйственных задач.

Советские контрольные органы в лице РКН, сыгравшие большую положительную роль на прошлом этапе своего существования, в новых условиях работы не могли уже справиться с задачами проверки, контроля и наблюдения за осуществлением соответствующих директив партии и правительства. XVII съезд партии постановил упразднить наркомат РКН и передать его аппарат Комиссии советского контроля. Решение съезда имеет огромное принципиальное значение. То, что контрольные функции становятся сейчас неотъемлемой частью организации, которая руководит всей конкретной практической работой, что дача директив и проверка их исполнения стано-

вятся двумя органическими частями системы и функции руководства, что общий контроль за выполнением директив руководителей учреждения будут осуществлять совершенно независимые от местных органов уполномоченные Комиссии советского контроля, облеченные авторитетом избрания на съезде партии, поднимет принципы единоначалия, полноту ответственности и дисциплину на ту высоту, которой добивается партия.

Ликвидация РКН связана не с ослаблением, а с усилением борьбы с канцелярско-бюрократическими методами работы и извращением директив партии и правительства. Природе советского государства, советской социалистической системе бюрократизм по своему существу чужд и враждебен. Корни бюрократизма ероются в унаследованных нами прошлых экономических укладах.

За последние 16 лет классовый, технико-экономический и культурный облик СССР коренным образом, принципиально изменился. На базе этих успехов развернулась величайшая инициатива и активность миллионов масс, революционная, большевистская самокритика, вовлечение подлинных миллионов в управление страной и хозяйством. Госаппарат значительно улучшился, хотя имеет еще много недостатков. В этих условиях очевидно, что база существования и развития бюрократизма в нашей стране резко сузилась. Но тем энергичнее, действеннее, решительнее мы должны бороться со всеми бюрократическими проявлениями, ибо они отражают буржуазное наследие в нашу эпоху социализма.

Социализм есть прежде всего организация, всеобщая, глубокая, разносторонняя, захватывающая все поры общественных отношений и сферы материального производства.

Значение организационного вопроса определяется таким образом тем, что в самом существе, основе социалистического строительства лежит организаторство. Ведь речь идет не о том, чтобы управлять уже созданной готовой системой управления вещей и людей, а о том, чтобы ломать старые традиции и навыки работы, отжившую систему управления, создавать новую систему, небывалую и невиданную, творить новое — в самом глубоком смысле слова. Буржуазная система управления есть по существу своему и в главном — система разностороннего и разветвленного насилия, угнетения и подавления народных масс. Она построена на принципе решительного отрыва его от масс, стоит над ними и против них. Для социалистического пролетариата — управлять значит организовывать и организовывать как отдельные предприятия, так и всю экономику хозяйства страны, организовывать массы — миллионы, десятки миллионов, для масс и во имя их лучшего будущего. И чем размах организаторства шире, тем глубже он захватывает основы материально-идеологического состояния масс, тем значение принципа организации сильнее и ярче.

Ленин, лучший марксист современной ему эпохи, жестоко бичевал всех, недооценивавших значение организационного вопроса. Воплощением лучших традиций Ленина является учение Сталина об организационном вопросе. Его замечательная формулировка: «после того как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии, — ее выполнение, или ее провал» выражает с предельной глубиной и гениальностью всю суть проблемы. Именно это положение являлось генеральной линией партийной политики на всем протяжении и рекон-

структивного периода. Не случайно поэтому одновременно с проблемами второй пятилетки XVII съезд в блестящем докладе тов. Кагановича обсудил и организационные вопросы, которые дают ключ к разрешению сложнейших задач, поставленных второй пятилеткой.

XVII партийный съезд предупредил всю партию и рабочий класс о недопустимости ослабления бдительности, указал, что осуществление задач второй пятилетки «не может не вызывать обострения классовой борьбы. Гигантские успехи социализма заставили кулака изменить форму его классового сопротивления. Кулачество разгромлено, но еще не добито и в своей борьбе против социализма оно перешло к «тихой саце».

Вредительские элементы не сложили оружия. Еще очень сильны у значительной части колхозников мелко-собственнические пережитки и предрассудки, которые всячески пытаются использовать классовый враг.

В рядах рабочего класса имеются известные слои, не прошедшие еще школы пролетарской классовой выучки, подверженные мелкобуржуазному влиянию.

Внутри партии неизбежно еще в отдельных ее слоях проявление чуждого классового давления, проявление оппортунистических пританкий.

Много еще среди нас «честных болтунов», много еще отставания в нашей практической работе, много слабостей в организационной практике.

Борьба за разрешение задач второй пятилетки неизбежно будет поэтому протекать в условиях обостренной классовой борьбы в стране, в условиях непримиримой борьбы с различными проявлениями оппортунизма за проведение ленинской линии партии, в условиях беспощадного искоренения расхлябанности, дезорганизованности и болтовни и насаждения железной партийной и государственной дисциплины, высокой организованности во всех звеньях, на всех участках социалистического строительства.

Все это подчеркивает сложность задач, стоящих перед нами во второй пятилетке. Железное единство и сплоченность партии, рабочего класса и миллионов колхозников вокруг своего гениального вождя тов. Сталина составляют замечательнейшую черту нашей эпохи.

Победа линии партии, выраженная в построении фундамента социалистической экономики и успешном строительстве всего великого здания социализма — обеспечила разгром всех оппортунистических уклонов и группировок. Тов. Сталин указал, что в современных условиях спор о главной опасности есть уже «формальный и поэтому пустой спор».

«Главную опасность, — говорит тов. Сталин, — представляет тот уклон, против которого перестали бороться», которому дали разрастись, который поэтому стал государственной опасностью. Так стоит вопрос о дальнейшей борьбе с оппортунизмом в современных условиях, ибо полностью победила линия партии, вдребезги разгромлены и правый и «левый» уклон, оба уклона целиком стоят на позициях контрреволюционной капиталистической реставрации.

Линия партии проверена на опыте миллионов, самоотверженность и героизм трудящихся беспримерны, величайший вождь — тов. Сталин, гениально владеющий компасом побед, — стоит во главе борцов за социализм. Все это — величайшая, абсолютная гарантия того, что исторические задачи построения социализма будут выполнены точно и в срок.

Д. А.

Творческая энергия большого напряжения пронизывает сейчас нашу архитектурную жизнь. Период критического пересмотра накопленных приемов явился одновременно периодом больших исканий. Эти искания проходят в обстановке исключительного общественного внимания к работе архитектора. Никогда архитектуре не было так много дано, и, следовательно, никогда еще с нее не спрашивалось так много.

Поэтому нельзя, никак нельзя ограничиться одной лишь констатацией успехов тех или иных архитектурных начинаний и работ. Борьба за качество, под знаком которой происходит вся творческая перестройка советской архитектуры, не терпит легких побед и легких эффектов. Самое требование «высокого архитектурного качества» имеет совершенно определенное качественное содержание, — меньше всего оно может быть понято с точки зрения какого-то эластичного, универсального, всепримлющего качественного критерия. Речь идет о совершенно определенном качестве, — о том качестве, какое нужно сейчас советской архитектуре, — а не о каком-то безотносительном и в конечном итоге мнимом «архитектурном качестве» вообще.

Нельзя сказать, чтобы эти протестные истины были всегда в почете у многих работников нашей архитектуры. Иначе вряд ли пришлось бы наблюдать сейчас, в пору большого и глубокого перелома, ряд легкомысленных решений этой самой проблемы качества, попытки подойти к ней с негодными средствами, с явно устаревшим и изрядно проржавевшим вооружением.

Эти попытки уже успели достаточно наглядно проявиться в некоторых конкурсах, в работах ряда коллективов и отдельных мастеров. Перед нами прошел ряд проектов, густо пропитанных стародавними традициями добротного академического эклектизма. Глубоко провинциальные стилизации «под ренессанс» и «под классику», эклектические украшения в духе непереваженного палладианства, напоминающие архаические образчики продукции Эколь-де-Бозар, начали выходить также и из-

под тех самых карандашей и рейсфедеров, которые еще недавно усердно варьировали «пять тезисов» неугомонного Корбюзье. Услышав слова «усвоение наследства» и «художественное качество», — слова, столь важные для нашей архитектуры и произнесенные столь своевременно! — некоторые мастера быстро сделали вольный перевод: «усвоение наследства» начало звучать как «реставрация старых стилей», а художественное качество стало пониматься как бутафорская разделка фасада «порожковой».

Всякий большой сдвиг — в культуре, в художественном творчестве, в мышлении, — не обходится без своих вульгаризаторов, стремящихся свести трудную и сложную простоту революционной задачи к легковесному упрощенчеству. Эклектика — одна из форм такого упрощенчества в любой отрасли культурной деятельности. Эклектическое решение художественной задачи соблазнительно прежде всего потому, что это — наиболее легкое решение. Оно не требует ни тяжелых творческих усилий, ни неизбежных в каждом творческом акте жертв, оно почти не знает производственного риска. Эклектик заменяет процесс творческой чеканки произведения собиранием уже готовых, уже отчеканенных — и притом порядком стертых, разменных монет.

По самому своему существу всякое эклектическое решение есть решение по линии наименьшего сопротивления. Потому-то эклектика, помимо всего прочего, всегда является синонимом дурного качества, — и эклектическая архитектура есть прежде всего плохая архитектура, — архитектура низкокачественных «легких» решений, подменяющих целостное построение архитектурного организма набором готовых архитектурных элементов и форм.

Самое понятие эклектики, конечно, приложимо к различнейшим архитектурным течениям и системам. Эклектичными могут быть в равной мере произведения внешне противоположных друг другу архитектурных школ. Ведь сама эклектика — не течение и не школа, а лишь определенное качество тех или иных

течений и школ, притом качество по своей природе всегда отрицательное.

Впрочем, были периоды и целые эпохи в истории архитектуры, когда это отрицательное качество превращалось в целое направление архитектурной работы, становилось символом веры определенных архитектурных концепций. Такое значение эклектическая архитектура впервые приобрела в XIX веке, в эпоху упадка архитектурного творчества буржуазии. Через весь XIX век, через всю историю новейшей архитектуры проходит безнадежная мечта о стиле, о создании органической стилевой системы. На начальном периоде своего исторического бытия буржуазия пыталась воплотить эту мечту в героические формы, заимствованные у античности. «В классически строгих преданиях Римской республики гладиаторы буржуазного общества находили художественные формы-иллюзии», — писал Маркс, характеризуя классицизм Французской революции, как стремление искусственно возвысить буржуазную действительность, скрыть ограниченный характер ее идеалов. Таким образом буржуазия начала свое архитектурное творчество созданием художественных иллюзий, — иллюзий классической героики. Но если этот начальный классицизм еще мог создавать мощные и целостные архитектурные образы, хоть и отмеченные печатью вторичности и некоторой искусственности, то дальнейшее развитие архитектуры XIX века показывает измельчание и эклектическое перерождение стиля.

Архитектура переживала огромные технические сдвиги, индустриальная техника предоставляла в ее распоряжение новые материалы и новые методы обработки этих материалов, создавалась новая строительная индустрия; в то же время архитектура наполнялась многообразием новых объектов, новых типов сооружений, вызванных к жизни развитием индустриального города. Но в глубочайшем противоречии с этой технической новизной и с этим богатством новых заданий оказывалось художественное содержание господствующей линии архитектурного творчества, застывшего в мертвенных канонах, в бездушных имитациях старых стилевых форм; эта эклектика говорила, в частности, и о резком отставании архитектурного мышления от прогресса техники. Неумение найти новый архитектурный язык, неумение художе-

ственно (а не конструктивно только) овладеть новыми материалами и новыми техническими средствами строительства, — вот что ярко характеризовало отставание и регресс буржуазной архитектуры. Попытки же создать новый, «свой» стиль выражались в вычурную и упадочную эстетику «модерна», в поверхностную нарядность декадентской декорации Архитектура становилась бутафорией, прилепленной к техническому костяку сооружения.

Таким образом, архитектурное развитие XIX столетия — от классицизма до модерна — знаменует, по существу, глубокий распад архитектурного творчества, глубокий разрыв между его техническим развитием и его стилевым выражением. Эклектика во всех ее разновидностях и являлась характерным продуктом этого распада, этой невозможности, в условиях архитектуры капитализма, добиться единства художественного языка и технических средств архитектуры. В то же время (и это главное) эклектика означала отсутствие больших художественных идей, большого жизненного содержания в архитектурном творчестве капитализма.

Когда же, разрывая эклектические и модернистские каноны, новейшие течения западной архитектуры пытались выдвинуть новую архитектурную систему, основанную на внимательном учете требований новейшей техники и на «рациональном» изучении новых бытовых требований и новых типов сооружений, — то преодолеть эклектику им пришлось ценой тягчайших жертв. Стремясь архитектурно осмыслить новые материалы и новые технические возможности архитектуры, эти течения не смогли решить проблемы стиля иначе, как в чисто отрицательном плане. Становление стиля они целиком обуславливали факторами той же самой техники, из которой предлагалось «вычитать» все художественное содержание современной архитектуры. Практически это привело к замыканию архитектурного творчества в тесную клетку новых формальных канонов, — хотя бы вроде тех, какие были выдвинуты Корбюзье.

Означают ли эти внутренние противоречия новых архитектурных течений, что, стремясь преодолеть эти противоречия, надо вернуться опять к пережевыванию эклектических стилизаций, или к псевдоклассицизму? Такого рода вывод означал бы гру-

бую ошибку для советской архитектуры, строящей свою работу на новейшей и наиболее совершенной технической базе и стремящейся в основу всего архитектурного творчества положить не какую-нибудь классическую или не-классическую иллюзию, а самое доподлинное, самое реальное содержание самой жизни — то огромное новое содержание, какое дает архитектуре наша действительность.

Между тем именно такого рода ошибку склонны сделать те архитекторы, которые, желая преодолеть ограниченность конструктивизма и функционализма, не находят ничего лучшего, как под флагом «усвоения наследства» вернуться на исхоженную дорогу все той же эклектической архитектуры и сделать вид, как будто не существовало всего того, что было сделано в архитектуре за последние 15 лет, и как будто эклектическая архитектура в ее прежнем виде не сдана бесповоротно в архив. Попытки вытаскивать из архива всю эту грустную эпигонскую архитектуру давно пройденного исторического периода не заслуживали бы большого внимания, если бы они не вызвали такого усердного подражания со стороны части молодого поколения наших архитекторов.

Сейчас можно наблюдать ряд проявлений этого архитектурного эпигонства. Можно даже различить как бы две струи в этой эпигонской практике.

Одна из них характеризуется, мы бы сказали, весьма наивным подходом к задаче, — это наивная и откровенная в своей наивности эклектика доброго старого образца. Эклектика вообще легка, — и особенно легко сварить архитектурную похлебку из самых разных стилей, собрав ее некоторыми «современными» формами, да прибавив еще кое-чего из области «синтеза искусств» (какое-нибудь панно на фасаде и обязательные барельефы). В этой сборной солянке можно разглядеть и кусочки палладианства, и кое-какие модернистские приправы, и обязательную «классику» и еще многое другое. Увлеченные этой стряпней, иные мастера не прочь погрезить о том, как хорошо было бы соединить в одном здании формы ренессансного палаццо с новейшим американским оборудованием и деталями из «Синтез-каталога» издания 1933 года. Получив задание на постройку крупного об-

щественного сооружения, скажем, в Закавказьи, они, не смущаясь, соединяют ренессансные аркады, мавританские своды вполне современными лестничными клетками и застекленными эркерами. Но замечательнее всего то, что, решая такое же общественное сооружение для советского города, расположенного... за полярным кругом, они оперируют примерно теми же элементами, умудряясь и здесь дать комбинацию из ренессансных, «классических» и «современных» форм.

Другая струя той же эпигонской архитектуры исходит из концепции гораздо более строгой. Здесь речь идет уже не о наивной эклектике, не о смеси различных стиливых форм, а о последовательном воспроизведении совершенно определенной стиливой системы. На первый взгляд здесь как будто не приходится и вовсе говорить об эклектике, ибо эта концепция резко отвергает какое бы то ни было смешение стилей и ратует за строгое и «чистое» следование определенному стиливому единству. Обычно за такую исходную стиливую систему принимаются каноны больших мастеров итальянского Возрождения, — и их строгие и целомудренные последователи из числа советских архитекторов ревниво оберегают эти каноны, отстраняясь от всего того, что было сделано после XVI века. Но эта «строгая» архитектурная школа по сути дела является не менее эклектичной, — как эклектичен всякий отрыв формы от содержания, всякий формализм, эклектична всякая попытка надеть на современность старинный костюм или вернуть эту современность к прадедовским способам производства.

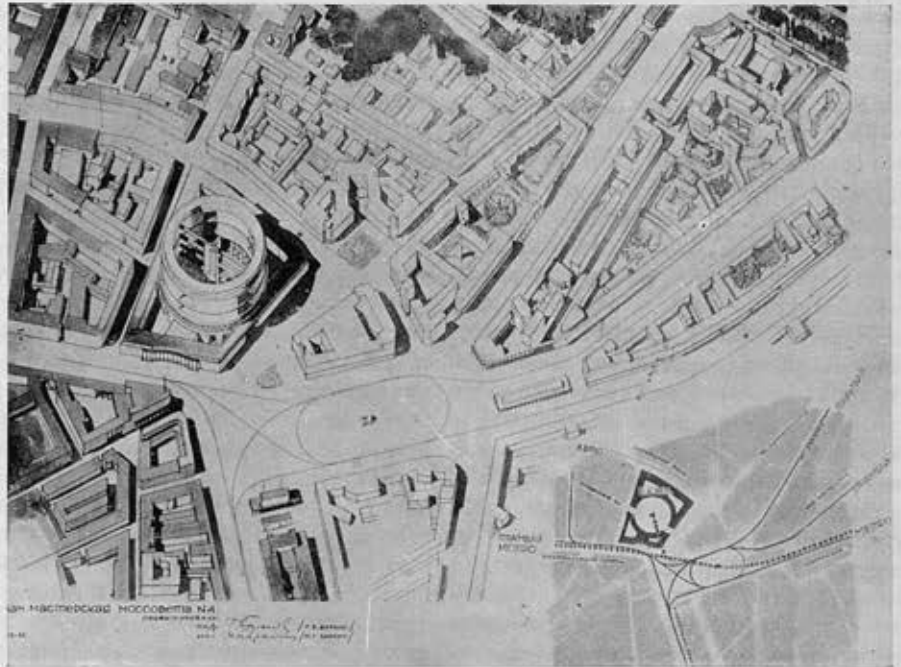
Совершенно неизбежным следствием эклектических тенденций в архитектуре является технический архаизм. Реставрируя старые стиливые формы в «чистом» или нечистом виде, эти течения вместе с тем тянут и к старой строительной технике. Эклектические имитации готовых стиливых форм толкают на такую, например, архаику, как изготовление на месте, ручным способом различных деталей, на полное игнорирование современных методов механизации строительства и применения современных конструкций. Еще хуже то, что эта эклектическая архитектура, зачастую чрезвычайно невнимательно разрабатывает внутреннее пространство сооруже-

ния, — забывает о всем своеобразии плановых решений, какого требует наше строительство с его специфическими типами общественных и жилых зданий. Пора понять, что стиль советской архитектуры выработается не на путях имитации тех или иных совершенных стиливых форм прошлого, а только охватом нового социального содержания нашей архитектуры.

Пора понять, что решения стиливых проблем советской архитектуры должны быть неотрывно связаны с самой высокой и совершенной технической основой архитектуры — с наиболее высоким и подлинно современным уровнем строительной техники, и что, в частности, стиливые искания советской архитектуры должны идти рука об руку с исканиями наиболее рациональных и соответствующих бытовым требованиям плановых решений. Наконец, пора понять, что критическая переработка всего лучшего из старой архитектуры означает не эпигонское копирование этой последней, а создание новых, еще более высоких и полновозвучных форм, выражающих нашу эпоху, ее подлинную жизнь ее великие идеи, ее многообразное и бесконечно глубокое содержание.

Нет никакого сомнения в том, что эклектическое понимание архитектурных задач и попытки эклектических решений являются только издержками того большого и многообещающего движения и творческого соревнования, которое развертывается и быстро нарастает в советской архитектуре. Но чем эти издержки будут меньше и чем скорее можно будет их преодолеть, — тем более полно сумеет наша архитектура ответить на громадные требования, предъявляемые ей жизнью, тем более полноценной и творчески содержательной будет ее работа. Внимательное и углубленное изучение самой жизни, выразителем которой призвана быть архитектура, чеканка архитектурного мастерства, повышение его технической вооруженности (не в проектной работе только, но и на стройке), упорная и сознательная работа над овладением архитектурного наследства, — все эти моменты являются важнейшими предпосылками громадного качественного роста советской архитектуры.

АРХИТЕКТУРА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ

Площадь Дзержинского (Москва)
Общий вид
Проект проф. Г. Б. Бархина
и арх. М. Г. Бархина

Place Dzerjinsky à Moscou
Vue générale
Projet du prof. G. Barkhine
et de l'arch. M. Barkhine

ТРИ ПЛОЩАДИ

(ПЛОЩАДЬ ДЗЕРЖИНСКОГО,
СУХАРЕВА ПЛОЩАДЬ,
ПЛОЩАДЬ КОММУНЫ)

Г. Б. БАРХИН

Ближайшей задачей организованных планировочных мастерских является архитектурная реконструкция основных магистралей и площадей столицы, начиная от центра и постепенно передвигаясь к периферии, причем в этой реконструкции вопросы уличного транспорта и архитектурного оформления столицы являются одинаково важными и должны быть совместно и одинаково хорошо разрешены.

В деле архитектурной планировки особое значение имеют узлы пересечения основных магистралей движения. Эти узлы образуют городские площади. В Москве мало или почти совсем нет хороших площадей. Старые площади Москвы тесны, неправильны по конфигурации; архитектура большей части этих площадей, не считая, конечно, Красной площади, совершенно незначительна, провинциальна. Таким образом эти площади ни в каком отношении не отвечают современным требованиям столицы Союза. В плане реконструкции Москвы вопросу реорганизации и широкой перепланировки площадей еще не было уделено необходимого внимания, и сейчас новым планировочным мастерским предстоит

посвятить этому важнейшему и очень ответственному делу значительную часть своего времени и внимания. Создание хорошей площади в старом городе упирается не столько в трудности расширения и реконструкции самой площади, связанные со сносом и перестройкой существующих зданий, и не столько в создании соответствующего значению площади архитектурного оформления, сколько в наличие выпадающих под разными произвольными углами в эту площадь улиц. Эти улицы, пересечением которых образуются площади разных габаритов, совершенно случайно по своему осевому положению и в большинстве случаев крайне неудачно выпадают уже в площадь и чрезвычайно затрудняют придание такой площади правильного геометрического очертания и сколько-нибудь значительного серьезного и цельного архитектурного выражения. Таким образом реконструкция площади не может производиться оторвано, сама по себе, а вызывает необходимость проведения надлежащей взаимной увязки выпадающих в нее уличных магистралей.

Значение площади определится занимае-

мым ею местом в плане города и характером или тематикой площади. Размеры площади главным образом определяются транспортными условиями, т. е. значительностью входящих в нее улиц, интенсивностью и характером движения по ней, а также особыми целевыми задачами и задачами идеологического порядка, если таковые к данной площади предъявляются. Отсюда вытекает и общий характер площади. Значительность архитектуры площади, как узлового пункта, с которого открывается ряд перспектив, играет исключительно большую роль в архитектуре города в целом. Площади в большом городе представляют место, где томительное впечатление от длинных улиц перебивается впечатлением раздвинутых стен, архитектурного простора и архитектурного разнообразия. Поэтому на площадях и сосредотачивается все наиболее красивое: лучшие дома, главным образом общественного назначения, памятники, фонтаны, скульптура, зелень. Создание новой городской площади — это благодарнейшая задача для архитектора, однако, удовлетворительное разрешение этой задачи, в условиях реконструкции запутанного узла старого города, чрезвычайно трудно. Нам пришлось столкнуться с этими трудностями на опыте проводимой мастерской реконструкции двух или, вернее, трех важнейших площадей Москвы: площади Дзержинского, Сухаревой площади и площади Коммуны.

Трудности планировки площади Дзержинского заключаются в необходимости выведения на эту площадь трех основных магистралей, из которых двух раньше не существовало (Малая Лубянка, реконструируемая в широкую магистраль продолжения Сретенки и 1-й Мещанской, и вновь проектируемая Новая Мясницкая).

Сухарева площадь чрезвычайно трудна из-за неправильной кривизны Садового кольца и сбитости осей улиц 1-й Мещанской и Сретенки. Находящаяся на этой площади Сухарева башня и здание бывш. Шереметьевской больницы, поставленные случайно друг к другу, также весьма осложняют задачу планировки этой площади.

Площадь Коммуны, испорченная находящимся против ЦДКА новым зданием и не имеющая надлежащей связи с центром, представляет для архитектора тоже значительные трудности.

В плане работ мастерской № 4 намечается коренная реконструкция основной магистрали Сретенка—1-я Мещанская (план реконструкции — арх. Г. Б. Бархин и М. С. Жиров), причем между улицей Дзержинского и Малой Лубянской предполагается запроектировать комплексный квартал. На пересечении магистрали с Сретенским бульваром проектируется новый архитектурный узел в виде небольшой круглой площади (архитектурное оформление — арх. М. С. Жиров). Внешняя площадь Дзержинского по проекту, проработанному в мастерской на основе последнего варианта бывш. АИУ, предложенного арх. В. М. Маяком, совершенно видоизменяется как по положению в направлении северных магистралей, так и по размерам. Площадь увеличивается до 58 000 кв. м вместо теперешних 18 000. На площади Дзержинского намечается к осуществлению колоссальное сооружение — новый дом Наркомтяжпрома — с застройкой этим аданием двух кварталов, разделенных в настоящее время Пушечной улицей. Для выявления возможности постройки на намечаемом месте огромного здания объемом в один миллион куб. м мастерской был составлен эскизный проект

этого здания. На рисунке аксонометрический вид реконструируемой площади Дзержинского (арх. Г. Б. Бархин и М. Г. Бархина).

Однако и в этом новом виде нельзя считать площадь Дзержинского разрешенной достаточно удовлетворительно: приводимый здесь вариант удовлетворительно решает соотношение между Дзержинским районом и центром, но не предусматривает выхода из этой площади через Китай-город к Красной площади. Кроме того и конфигурацию площади нельзя считать в этом варианте решенной. Поэтому в связи с прорабатываемым новым вариантом дома Наркомтяжпрома на площади Дзержинского мастерская продолжает работу и над самой площадью.

Мастерская, как указано выше, работает сейчас над проектом новой Сухаревой площади, которая в своем настоящем виде является крайне неудовлетворительной в отношении транспорта и которая по своему оформлению представляет нетронутое место. Между тем наличие на этой площади чудесного архитектурного памятника — Сухаревой башни и столь же значительного произведения архитектуры — бывш. Шереметьевской больницы, работы Гваренги, эти два обстоятельства заставляют отнестись к архитектуре Сухаревой площади с исключительной серьезностью. Положение Сухаревой площади на пересечении двух основных магистралей города (Сретенки — 1-й Мещанской и Большого Садового кольца) еще более подчеркивает первоначальное зна-

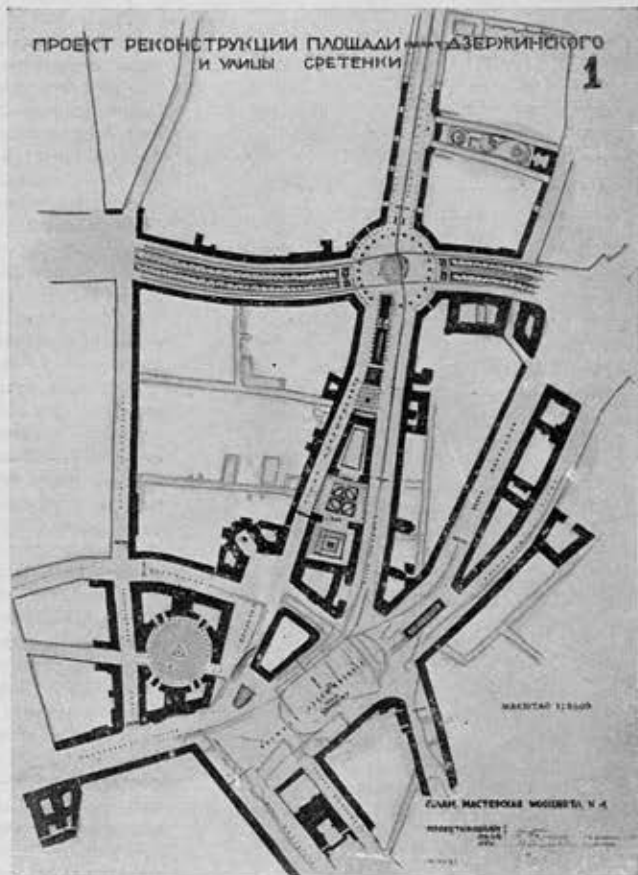
чение этой площади. В проекте, исполняемом мастерской (арх. Г. Б. Бархин и М. Г. Бархин) реконструкция Сухаревой площади имеет в виду сохранение Сухаревой башни и развитие весьма значительного архитектурного ансамбля на площади.

Из центральных городских площадей, над которыми в настоящее время работает мастерская, выше была названа площадь Коммуны. Эта площадь в архитектурном отношении приобретает сейчас весьма серьезное значение в связи с предполагаемой постройкой на ней театра Красной армии и Музея обороны. Эти два сооружения вместе с существующим здесь Центральным домом Красной армии сообщают площади определенное тематическое содержание, которому должна соответствовать и цельность архитектурного оформления площади.

В ряде архитектурно-планировочных задач мастерской намечается весьма благодарная и в то же время ответственная художественная задача по парковому строительству и озеленению. Мастерская приступила к проекту реконструкции пылевого Цветного бульвара вместе с Трубиной площадью с значительным уширением зеленой полосы и архитектурным оформлением.

В предстоящей работе мастерская имеет в виду создание новой районного значения площади возле будущей приокзальной площади центрального Дзержинского вокзала (арх. Е. Г. Вейс).

Проект реконструкции площади им. Дзержинского и улицы Сретенки
Проект проф. Г. Б. Бархина
арх. М. Г. Бархина

Projet de la reconstruction de la Place Dzerzhinsky et de la rue Sretienka
Projet de prof. G. Barkhine et de l'arch. M. Barkhine

ПЛОЩАДЬ ДВОРЦА СОВЕТОВ

Б. М. ИОФАН И В. А. ЩУКО

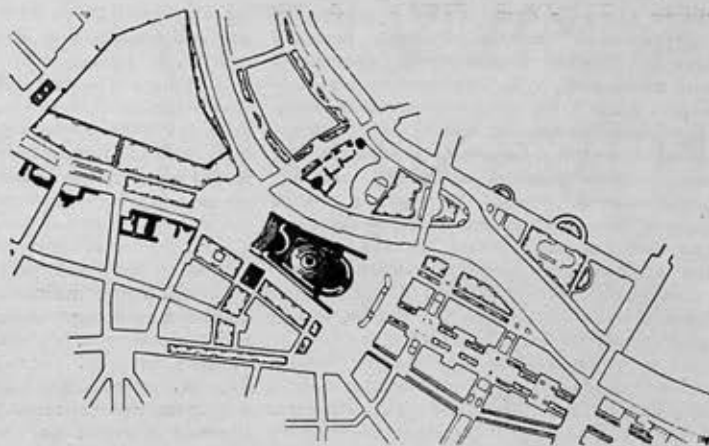
Дворец советов с площадью перед главным входом размером около 9 га (т. е. в 2 раза больше Красной площади в Москве) будет воздействовать не только сам по себе, но и определять характер всего окружающего архитектурного ансамбля. Лейтмотивом Дворца советов пронизываются прилегающие ансамбли, объемно-пространственные решения общественно-культурных зданий. Начиная от Свердловской площади, куда стекаются артерии, ведущие от ряда площадей (Каланчевской, Красной площади, Советской и др.), основная поточность включается в новую магистраль шириной около 150 м с Александровским садом и вливается затем в площадь Дворца советов. Вдоль нового проспекта наряду с существующими общественно-культурными зданиями (Большой академический театр, МХТ 2, Востоккино, 4-й Дом советов, гостиница «Националь», университет, манеж, бывш. Румянцева музей, Музей изобразительных искусств) строятся: Дом комитетов СТО, гостиница Моссовета, Дом специалистов, Ленинская библиотека; проектируются: Музей мировой революции с памятником К. Марксу на площади Дворца советов, Институт Маркса—Энгельса—Ленина, примы-

Земельный план территории, прилегающей к Дворцу советов

Планировочная мастерская Моссовета № 2

Esquisse de l'aménagement du territoire entourant le Palais des Soviets

Atelier d'urbanisme № 2 du Mossoviet

кающий к площади Малого зала Дворца советов, и др. Далее следуют новые объекты с иной тематикой по основной магистрали в 100 м ширины до Ленинских гор. Здесь мы будем иметь: 2-й Дом правительства и гостиницу против Кремля и площади Дворца советов, Дворец молодежи со спортивной «стрелой», обтекаемой водопроводным каналом и Москва-рекой, и с новыми более развитыми площадями у Крымского моста, Дворец техники с соответствующими площадями, Парк культуры и отдыха с Ленинскими горами с ополноженной Москва-рекой в связи с проведением канала Волга—Москва.

Площади перед Дворцом советов со всех сторон проектируются с обработкой фонта-

нами, газонами, цветниками, декоративной зеленью, скульптурой, широкими парадными лестницами, трибунами, открытыми, как и сами площади и Дворец советов, для свободного доступа широких масс трудящихся. Новый социалистический форум — комплекс общественно-культурных зданий с Дворцом советов во главе — олицетворяет архитектурно-планировочными средствами высший тип пролетарской демократии. Высота монументального сооружения Дворца советов в 415 м, увенчанного фигурой Ленина в 80 м, свидетельствует о необходимости раскрыть перспективу дворцового ансамбля с любой точки, обеспечить свободное и полное «дыхание» величественному памятнику.

СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

С. Е. ЧЕРНЫШЕВ

Площади — эти своеобразные нервные узлы современного города — дают исключительно благодарный материал для планировки. Задача планировщика состоит здесь в изыскании композиционных приемов, использующих наилучшим образом все индивидуальные особенности площади: ее назначение, форму, характер застройки и т. д. Каждая площадь, составляющая звено магистрали, должна получить архитектурное разрешение, выявляющее тематику площади и включающее ее в общий архитектурный ансамбль магистрали.

Советская площадь будет спланирована в качестве нового административного центра Москвы.

Между зданиями ТАСС на Пушкинской площади и зданием телеграфа на ул. Огарева будет воздвигнуто новое громадное сооружение — здание Моссовета. Оно займет с левой стороны ул. Горького огромный квартал между Гнездинковским и Брюсовским переулками. Ряд расположенных здесь переулков может быть перекрыт арками для образования значительного непрерывного фасадного фронта. Существующее здание Моссовета включается как историко-революционный памятник в общую композицию и, по образному выражению т. Кагановича, как бы берется в «архитектурный плен».

Это новое здание Моссовета и расположенное у противоположного конца Советской площади здание нынешнего Института Ленина образуют архитектурную ось реконструируемой Советской площади. Площадь будет значительно расширена прежде всего за счет всего ряда домов, расположенных между площадью и Глинцевским пер., затем ча-

стично за счет здания бывшей гостиницы «Дрезден». Таким образом вместо терпешней ширины в 80 м образуется огромная симметричная площадь шириной в 155 м.

Вместо снесенных домов между площадью и Глинцевским переулком будет воздвигнут ряд новых общественных сооружений высотой в 6—7 этажей, прикрывающих боковой фасад гостиницы «Люкс» и прилегающие дома.

Фасад Института Ленина будет заново обработан, однако, свою архитектурную форму сооружение сохранит полностью. К нему будут с обеих сторон прилегать два новых сооружения с арками.

На площади намечено разбить инский партерный сквер с рядом цветников. Вся зеленая площадь будет значительно шире ныне существующего небольшого сквера перед фронтом Института Ленина. Одновременно в проекте предусматривается обеспечение свободного доступа массовых демонстраций к зданию Моссовета.

Для транзитного движения площадь будет закрыта. Ее будут обтекать по бокам потоки автотранспорта.

Рельеф площади планируется с учетом спуска в сторону Столенникова пер. Площадь будет снижаться в сторону переулков террасообразными уступами, оформленными возможно в виде пандусов. Площадь будет украшена фонтанами, скульптурами и памятниками.

Вопрос об обелиске будет решен дополнительно, после окончательной разработки и утверждения проекта реконструкции всей площади.

А. МЕШКОВ

Никитская площадь, находящаяся на пересечении весьма напряженных магистралей кольцевого и радиального направления (кольцо «А», ул. Герцена и Спиридоновка), подлежит значительной реконструкции.

Вопросы транспортной разгрузки побуждают значительно расширить площадь. Вбирая в себя оживленные улицы, по проекту подлежащие расширению от 30—40 м (ул. Герцена, Спиридоновка), Никитская площадь увеличивается примерно в 3 раза. Если в существующих габаритах площадь имеет около 4000 кв. м, то после реконструкции (согласно эскизу планировки) площадь расширится до 15 тыс. кв. м.

Таким образом габариты новой Никитской площади определяются, в первую очередь исходя из интересов городского транспорта.

В процессе доработки границы площади корректировались рядом факторов (объемно-пространственный облик площади, высотная застройка, расположение прилегающих проездов и т. п.).

Реконструируемая площадь в плане имеет форму почти правильной трапеции. Главная композиционная ось площади совпадает с осью ул. Герцена.

Основным архитектурным объемом, доминирующим на площади и подчиняющим

себе весь ансамбль площади, является монументальное общественное сооружение, расположенное между вновь пробиваемой и расширяемой ул. Спиридоновкой и продолжением ул. Герцена.

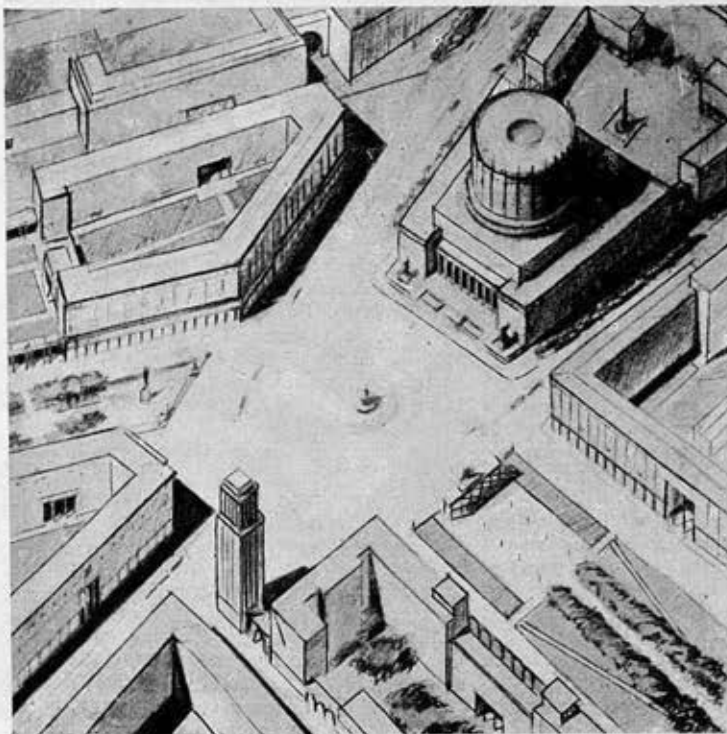
Против этого центрального объема, находящегося на перспективе ул. Горького, на перспективе ул. Спиридоновки намечается вертикальный объем, дающий решение внутреннего угла у выхода ул. Герцена на площадь.

Высота соподчиненных зданий (преимущественно жилых), окаймляющих площадь, определяется в 7—8 этажей, с возможным варьированием высот, в зависимости от архитектурных проектов.

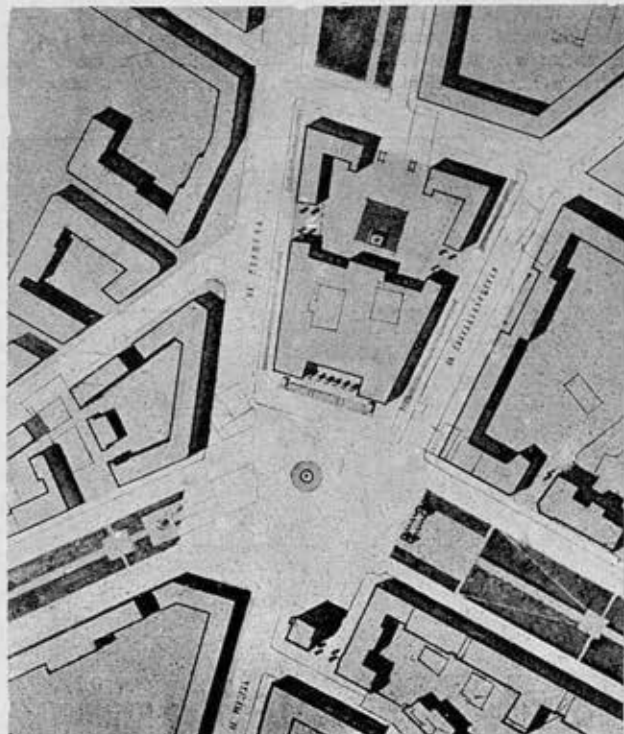
Один из участков по границе площади подлежит застройке в 1934 г. (дом ИМЭЛ). Кольцо «А», проходящее через площадь, имеет ширину от 60—80 м. Здание, находящееся на кольце со стороны Никитского бульвара, запроектировано к сносу, что позволит раскрыть перспективы на зеленый массив кольца, с расположенными в нем фонтанами, статуями, памятниками и т. д.

Предлагаемый эскиз следует рассматривать как решение основных принципиальных задач, на базе которого последует более углубленная разработка проекта в мастерской.

Эскиз реконструкции Никитской площади
Арх. А. А. Озерникович и Л. Я. Талалай

Esquisse de la reconstruction de la Place Nikitskaïa
Arch. A. Ozernikowitch et L. Talalaï

И. В. ЖОЛТОВСКИЙ

Город — не случайно и не стихийно развивающаяся сеть улиц, площадей и сооружений, а живой социальный организм. Именно так смотрели на «urbs» безмянные гениальные зодчие древнего Рима, приступая к решению своих планировочных и архитектурных задач. Если улицы являются магистралями, по которым движется поток населения, если они динамичны по своей архитектуре и утилитарному назначению, то площади являются центрами отдыха, эстетической культуры, завершенной и целостной статикой в городе.

Есть города, в которых центром архитектурной статикой являются площади. Это — Венеция со своей площадью св. Марка, Виченца с площадью Баллики, Помпеи со своей Древней площадью. И есть, наоборот, города, центром архитектурной статикой которых является не площадь, а одно какое-нибудь крупное сооружение, объемно и декоративно господствующее над городом, подчиняющее себе все другие сооружения и магистрали. В Риме — это Коллизей Трояна, в древних Афинах — Акрополь с Парфеноном, в Ленинграде — здание бывшей Биржи. И есть, наконец, такие города, которые лишены великого архитектурного египетского. Они не имеют ни статичной площади, ни господствующего сооружения. Таковы — Нью-Йорк, Берлин, Турин, Париж, Лондон.

Старая дореволюционная Москва имела свой архитектурный статичный центр в храме Василия Блаженного. Сейчас, в связи с коренной социальной и архитектурной реконструкцией города, это сооружение не является таким центром. Новый центр социалистической Москвы в ближайшие годы, вероятно, образует мощные сооружения типа Дворца советов, Дворца Наркомтяжпрома, сооруже-

ния вдоль аллей Ильича и т. д., и т. п. Город должен получить новый архитектурный статический центр, который подчинит себе весь городской ансамбль, господствуя над его отдельными магистралями и районами.

Возможно, что таким статическим архитектурным центром является Дворец Наркомтяжпрома, расположенный на площади между Ильинкой и Никольской ул. Господствующей же основной площадью Москвы останется и впредь площадь Свердлова, через которую пройдут две основных магистрали реконструированной красной столицы: Лубянская площадь — Дворец советов и Петровка — Замоскворечье.

В античном мире площадь играла в городе роль своеобразного средоточия общественной жизни. Тут располагались и судища, и места для ученых и философских диспутов, и термы, и места для увеселения и т. д., и т. д., но прежде всего площадь была насыщена памятниками архитектуры, долговечной культурной и эстетической ценности.

В феодальном городе площадь являлась городским центром, расположенным вокруг замка феодала. Она чаще всего являлась своеобразным центром общественных нужд (рынок, торговые учреждения и т. д.), а не средоточием общественной жизни.

Капиталистический город знал площадь — пространство, оборудованное для парадов и военных маневров. Если вспомнить, как выглядела бывшая Театральная площадь еще лет 30—35 назад, то станет совершенно ясным, как жестоко, антикультурно подошла капиталистическая Москва к освоению своей основной и центральной площади. Это была незаможенная, залитая грязными лужами, огороженная площадь, куда в определенные дни в году сгонялись военные части для парадных маршировок и маневренных мунштры.

В социалистической Москве площадь Свердлова является таким центром города, в котором будет много черт сходства с площадью древнего Рима. И здесь не хочу быть докно понятным. Говори о некотором сходстве с назначением площади в античном городе, и имею в виду не конкретное планировочное или архитектурное сходство, а только общность социальной роли, которую площадь бу-

дет играть в городе как его господствующий культурный центр.

В отношении циркуляции движения площадь относится к улицам, как озеро к реке. Улицы — артерии обращения людских масс, площади — центры отдыха или своеобразные аккумуляторы, распределяющие потоки движущихся людей и транспорта по основным магистралям.

Главным сооружением на площади Свердлова является и останется Большой театр. По бокам это сооружение будет соединено колоннадой со зданиями Малого театра и МХТ 2. Колоннада будет насыщена скульптурой. По ее флангам будут сооружены возвышенности (над Малым театром и МХТ 2). Таким образом здание Большого театра будет зажато как бы в тисках, что сделает чрезвычайно острым и выразительным его архитектурное лицо.

Площадь все будет каменная, без зелени. Впереди Большого театра, там, где сейчас распланирован большой сквер с цветниками, будет сооружен огромный каменный фонтан. Китайская стена будет разрушена и закрыта террасами с лестницами и пандусами. За террасами, в стороне от транспортной магистрали, будут зеленые массивы вплоть до Никольской и предполагаемого в будущем здания Наркомтяжпрома.

Трамвайное движение пройдет под площадью, под землей. На ней останется только конный и пеший транспорт. Основной транспортный поток со стороны Замоскворечья будет течь вдоль Малого театра, обратный поток — вдоль здания МХТ 2.

Таким образом площадь является по своим архитектурным сооружениям театрально-репрезентативным, культурным центром города, на котором расположены три крупнейших театра страны, а в непосредственном соседстве и три самых больших гостиницы города. Гостиница Месселега и Дом СТО должны быть архитектурно подчинены площади. Это будет нечто вроде социалистического форума красной столицы, художественно оформленное средоточие города.

Из Китай-города на эту магистраль откроется вид, как на огромную каменную площадь, внушительную по своим объемам и пропорциям, а со стороны площади откроется мягкая и спокойная перспектива на зеленые массивы и террасы.

ПЛОЩАДИ ТРИУМФАЛЬНАЯ, ОХОТНОРЯДСКАЯ, ДВОРЦА ТЕХНИКИ

А. В. ЩУСЕВ

Москва еще встарину обладала рядом площадей, из которых лучшими по своей планировке были Красная площадь и площадь внутри Кремля. Второй по пространству и качеству была Ильинская площадь, уничтоженная в 70-х годах прошлого столетия сооружением на ней здания Политехнического музея.

Полоса беспланового архитектурного хозяйничанья в городе особенно сказалась в конце XIX столетия, в эпоху роста российского капитализма, когда хищническое застраивание улиц и переулков громадными доходными домами достигло своего апогея.

Это было типично не для одной только Москвы. Даже такой великолепный зеленый массив, как Кропиверский парк в Ленинграде, был застроен ортопедической клинкой, уничтожившей часть этой великолепной зеленой площади.

В настоящее время картина планировки города резко меняется. Густота и высота застройке улиц и переулков строго регламентированы. Создается целый ряд новых площадей

в городе, но уже по определенной строго продуманной системе.

К числу таких площадей, подлежащих реконструкции, в первую очередь относится Старо-Триумфальная площадь по магистрали ул. Горького. Площадь застраивается рядом крупнейших сооружений — Гостим, Межрабпом и, наконец, Межрабпомфильм, который сооружает здесь звуковое кино на 2500 мест. Кроме того, сквер, расположенный по центральной части площади, перепланируется и под ним устраивается стоянка для автомобилей.

Транспортная проблема на площади разрешается пересечением движения по ул. Горького и по Садово-Триумфальной — в одной плоскости. Ввиду того, что сама площадь является вышей точкой пересечения этих двух основных магистралей и ввиду создания для гужевого движения второй Тверской улицы (параллельно ул. Горького), такое пересечение не является опасным. Тем более, что по кольцу «Б» в будущем пройдет метро, посадочные площадки которого будут находиться

в сквере Старо-Триумфальной площади и в одном из углов окружающих ее зданий.

Сквер будет озеленен. По направлению к площади Восстания он будет заканчиваться широкой лестницей из гранита (4 м). Из гранита же будет выведена и балюстрада сквера. Лестница и балюстрада будут обработаны в мраморе и бронзе. В самом сквере намечено сооружение большого гранитного фонтана и памятника или колонны с барельефами, изображающими историю революционного театра.

Таким образом по своему характеру площадь решается как площадь зрелищно-театральная, так как на ней и в ее непосредственной близости располагается значительное количество зрелищных предприятий.

Окончательной разработкой здания Гостим с конструктивными и отделочными работами занята архитектурная мастерская Моссовета № 2. Группа архитекторов в составе А. В. Щусева, Жукова, Чечулина и инженера-конструктора Красильникова работает сейчас над окончательным уточнением деталей.

В настоящее время утверждён вариант фасада Гостим с угловой башней высотой в 50 м, которая своей вертикалью должна символизировать взлет творческой мысли театра им. Мейерхольда. Ее обработке поставлено придать большую архитектурную остроту, увенчав ее железобетонной с медным порошком скульптурной фигурой в 7 м высоты, изображающей Маяковского. Эта работа поручена скульптору Чайкову, который сделает также и скульптурный фриз по самому фасаду Гостим с барельефами, изображающими эпизоды из жизни театра.

Здание Гостим будет решено в тех же простых и строгих формах, которые определяют архитектурный характер всей площади в целом. При этом будут акцентированы пропорциональность объемов и соотношения архитектурных деталей.

Здание Межрабпомфильм оформляется также в мастерской № 2 архитекторами Жуковым и Чечулиным. Одновременно над проектом этого здания работают планировочная мастерская № 5 (архитекторы Попов и Крутиков) и мастерская № 4 под руководством академика Фомина.

Здание Межрабпорма (авторы Жуков и Чечулин) уже наполовину отстроено. Его фасад также имеет угловую башню, соответствующую с башней на фасаде Гостим.

В комплексе социалистической Москвы Охотнирская площадь решается как один из административных центров столицы, оформляемый с одной стороны новым зданием СТО, а с другой — одиннадцатипятиэтажной гостиницей Моссовета. Прилегающий к зданию СТО Дом союзов будет подвергнут коренной архитектурной реконструкции. Гостиница Моссовета одним из своих пяти фасадов, обрабатываемых тремя монументальными арками, выходит на площадь Свердлова.

Оформленная таким образом Охотнирская площадь (пора уже подумать о переименовании этой центральной площади) является началом будущей аллеи Ильича, ведущей к Дворцу советов. По своей конфигурации Охотнирская площадь войдет в композиционную систему четырех центральных площадей Москвы — площадей Свердлова, Революции, Красной и Охотнирской. Это будет решением вполне правильным, так как оба вышеупомянутых сооружения одинаковой высоты и завязаны одинаковой центральной осью — вход в дом СТО и въезд во двор гостиницы.

Одной из самых значительных площадей новой Москвы является площадь Дворца техники.

Она будет разбита на правом берегу Москва-реки против Центрального парка культуры и отдыха на участке в 100 га, отведенном под будущий Дворец техники.

Площадь займет не менее 15 га и является самой большой площадью Москвы (в 3½ раза больше Красной площади). Площадь Дворца техники будет находиться на одной оси (вдоль реки) с площадью Дворца советов. Ее входная часть запроектирована в виде парка, в который ведут аллеи и лестницами от Крымского моста вдоль реки по направлению к будущему Дворцу техники. В поперечном направлении площадь пересекается магистралью будущего кольца «В», которая пройдет через Тиминскую улицу по новому мосту через Москва-реку. Таким образом новая площадь будет связана с Нескучным парком и одновременно с Замоскворецким и Краснопресненским районами.

На противоположном парку конце площади Дворца техники запроектирована остановка метро магистрали второй очереди. Таким образом площадь будет загружена с трех сторон — с боковых магистралей трамвая и метро, а с центра пешеходным потоком от Крымского моста. При этом необходимо

учесть, что Дворец техники вмещает при полной нагрузке до 200 тыс. человек.

Сама площадь без зеленых насаждений занимает 6 га. Таким образом площадь в целом состоит из двух частей — зеленой в 9 га и не зеленой, что составляет вместе 15 га.

Здание Дворца техники на конкурсе решалось чрезвычайно разнообразно. Большинство мастеров запроектировало его в виде большого комплекса зданий, небольшого выстающего городка с внутренними площадками и площадями, открытыми на Москва-реку (группа архитектора И. Голосова).

Второе решение (мое и проф. Крестовникова) трактует дворец как единое гигантское здание, типа английских или североамериканских технических музеев, сплошной застройкой с целой системой одноэтажных зал, освещенных верхним светом. Залы перемежаются высокими десятиэтажными корпусами, в которых размещены залы меньшего размера.

Главный вход дворца задуман нами как железобетонный каркас с облицовкой и большой стеклянной поверхностью, освещающей помещение. Организация объема главного входа во дворец решается нами при помощи четырех семидесятиметровых башен, которые придадут зданию его специфический технический облик.

План системы четырех центральных площадей Москвы: Охотнирской, Свердлова, Революции и Красной

Проект акад. арх. А. Щусева, арх. А. Куровского, при участии арх. А. Ростковского, С. Кулагина и Э. Дюльгера

Tracé du système des quatre places centrales de Moscou: Okhotniorskaja, de Sverdlov, de la Révolution et Place Rouge

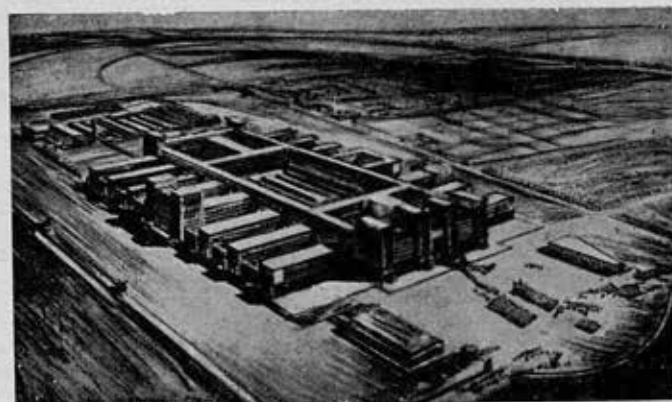
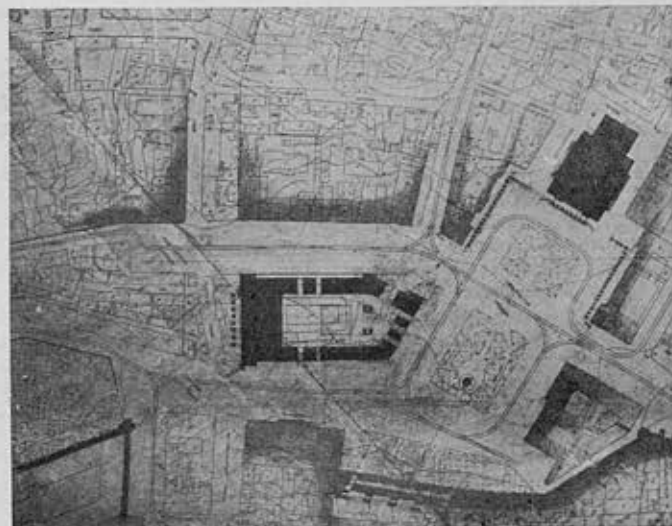
Projet de l'arch. acad. A. Tchoussév, arch. A. Kourovsky en collaboration avec les arch. A. Rostkovsky, S. Koulaghin et E. Douliguère

Площадь Дворца техники в Москве

Проект акад. арх. А. Щусева

Place du Palais de la Technique à Moscou

Projet de l'arch. acad. A. Tchoussév

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРК им. МОСПС

Б. КОНДРАШЕВ

В проблеме озеленения Москвы, ее магистралей, улиц и кварталов чрезвычайное значение приобретает выбор участков озеленения. Необходимо наметить участки, во-первых, быстро и безболезненно поддающиеся освоению под зеленые насаждения и, во-вторых, с таким расчетом, чтобы они в архитектурном отношении способствовали украшению Москвы и превращению ее в образцовый благоустроенный город.

Планировочная мастерская Моссовета № 10 наметила под зеленый парковый массив территорию кварталов, окружающих место расположения театра МОСПС (быв. сад «Эрмитаж»).

Благоприятные условия освоения намеченного массива под парк делают выбор этого участка чрезвычайно заманчивым, тем более, что освоение этого массива размером в 15 га облегчается значительным количеством существующих зеленых насаждений и относительно небольшими затратами на сносе старых строений.

Центральный парк Москвы будет расположен между двумя магистральными зелеными улицами шириною в 64 м каждая.

Двумя другими границами парка являются кольца «А» и «Б».

Планировка парка определяется необходимостью расположения на его территории ряда театрально-артистических предприятий.

На территории парка намечено к строительству с 1934 г. новое здание театра МОСПС. Проекты этого театра сейчас разрабатываются в 5 проектных мастерских Моссовета. Он располагается на месте старого здания театра МОСПС. Парадный подъезд театра будет со стороны Каретного ряда, где запроектирована организация площади, которая связывается с Цветным бульваром около здания цирка расположенным террасам бульваром.

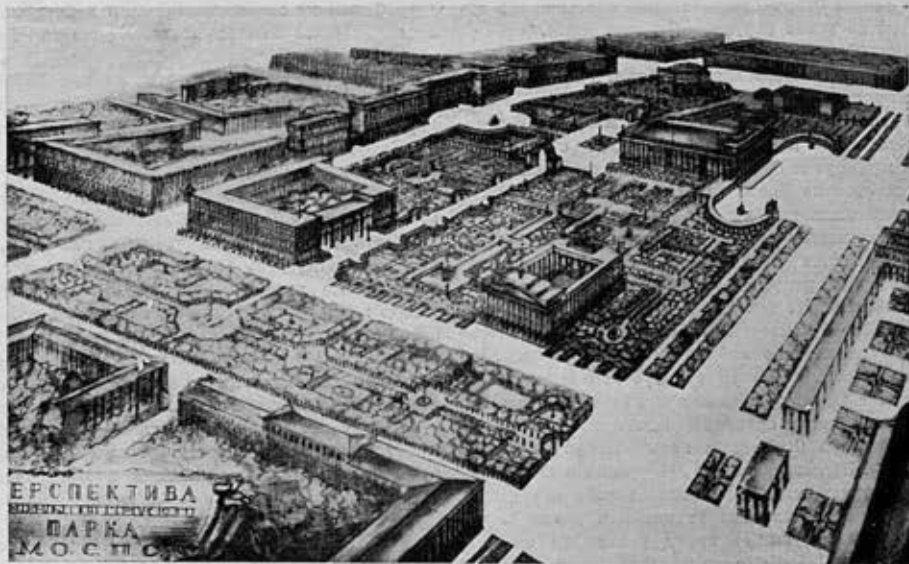
Этот бульвар образует парадный подход к главному театру на территории парка. Он будет украшен каскадами, падающими по водным лестницам в пруды, располагаемые на площадках. Бульвар будет обсажен аллеями декоративных деревьев и украшен цветником партеров. По бокам дорожек пойдут аллеи статуй, посвященных героям строительства.

Другой театральный объект парка — это приспособление, в связи с намечаемой реконструкцией, здания поликлиники 2 МГУ в его наиболее ценной средней части (с колоннадой со стороны кольца «А») под концертный летний открытый зал-площадку.

Это осуществляется сломкой крыльев больницы и пристройкой в сторону прекрасного парка больницы колоннад и портиков, образующих площадку для слушателей.

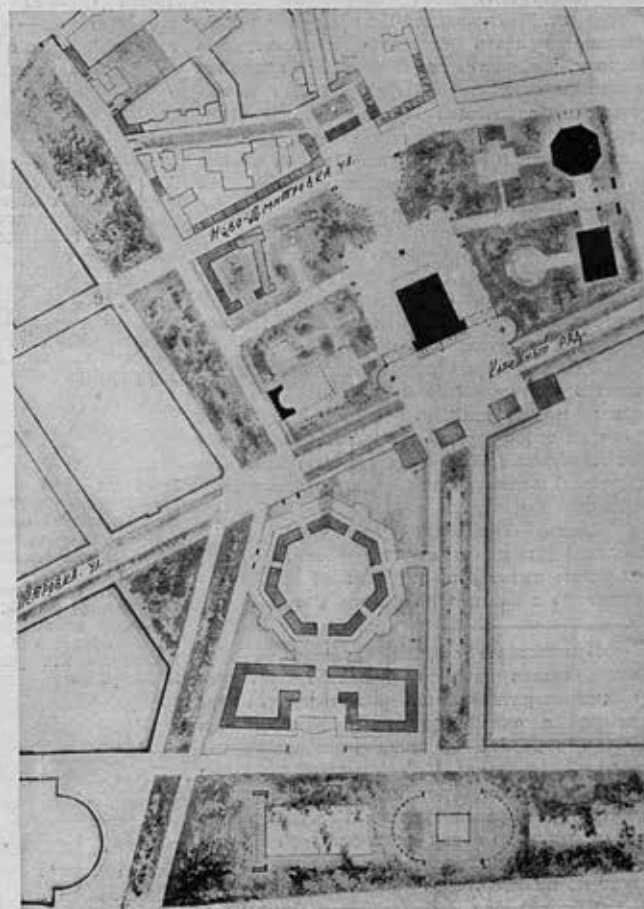
В результате реконструкции может быть получен очень интересный архитектурный объем, который позволит оформить угол парка, выходящий на Каретный ряд и кольцо «А».

Для третьего театрального объекта — Театра сатиры — ориентировочно намечается место на углу Садовой и Малой Дмитровки. Здесь улица М. Дмитровка по проекту мастерской расширяется до 60 м и по середине улицы

Центральный парк им. МОСПС. Перспектива и план участка

Проект планировочной мастерской Моссовета № 10

Parc Central du nom du MOSPS. Perspective et plan du terrain

Projet de l'atelier d'urbanisme № 10 du Mossoviet

разбивается парадная площадь перед главным входом в парк им. МОСПС.

Главный вход ведет от портиков к внутренней главной площадке парка — к парковому фасаду главного театра им. МОСПС. Последний обрабатывается парадными террасами и сходами в сторону парка. Фойе театра и парк сливаются в одно целое.

Наконец, четвертый театральный объект — открытый эстрадный театр — будет расположен на углу Каретного ряда и Садово-Каретной улицы.

Кроме того на площадке парка должны

быть организованы: открытая киноплощадка, большой ресторан с отделениями по всему парку, кафе, зал-аудитория для лекций, ряд аттракционов, киосков, площадок и пр.

Все же в основном парк трактуется как место отдыха. Его планировка должна быть выдержана в плане садового паркового оформления с богатой садово-парковой архитектурой зелени, газонов, воды, фонтанов, статуй.

Весь комплекс парка должен быть монолитным архитектурным целым и образцом произведенным садово-парковой архитектуры социалистического города.

ГОЛОВНАЯ ПЛОЩАДЬ ДВУХ ОРДЫНОК

Н. А. ЛАДОВСКИЙ

Планировочная мастерская № 5 планирует несколько площадей. Из них самой крупной по размерам и своему архитектурному значению является новая площадь, которая пока еще носит условное название «Главная площадь начала двух Ордынок».

Идея распланировки этой главной площади возникла в связи с существующим вариантом сооружения именно здесь будущего Дворца Наркомтяжпрома. Являясь одной из ближайших магистралей при въезде в замоскворецкую часть Москвы из центральных кварталов города, новая площадь дает возможность скомпоновать торжественный въезд в этот район города через существующий Москворецкий мост и два новых моста, которые будут построены через Москва-реку и Обводный канал.

Предполагаемое к сооружению здесь будущее здание Наркомтяжпрома — или вместо него какое-нибудь другое аналогичного архитектурного и общественного значения сооружение — явится господствующим для всех близлежащих магистралей.

Участок, предложенный для сооружения этого будущего дворца, в отношении планировки делится на три самостоятельных сектора, условно названных кварталами. В функциональном отношении они могут быть связаны между собой. Средний сектор образует площадь местного назначения ДНТН. На ней будут расположены системы главного и второстепенных вестибюлей с соответствующими частями наркоматов. Связь между всеми корпусами наркомата будет осуществлена радиальной системой из главного вестибюля,

расположенного в центральном квартале участка. Связь же корпусов центрального квартала с корпусами, расположенными с восточной и западной сторон участка, осуществится при помощи перекидных коридоров, проходящих над магистралью общегородского назначения. Площадь завершается главным вестибюлем Дворца Наркомтяжпрома.

По обоим бокам этого основного сооружения возводятся ряды небоскребов и низких зданий.

Транспорт решается таким образом, что трамвай и автобусы будут обтекать площадь с обеих ее сторон по боковым магистралям. По самой площади будет проходить только автотранспорт.

На площади будут развиты три больших зеленых площадки партерного характера в центре и с рядами деревьев по бокам.

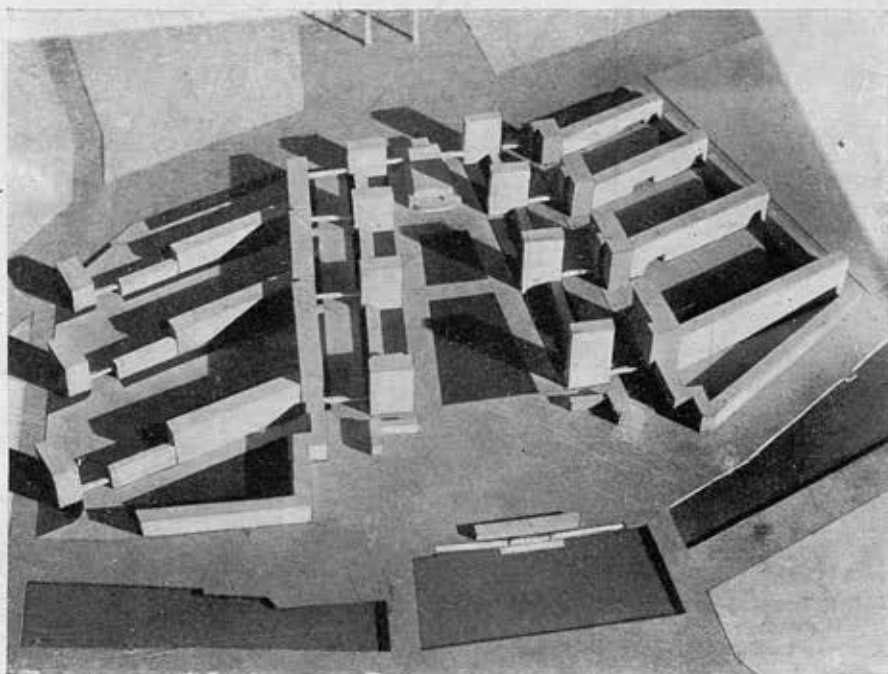
Благодаря дешевизне и удобству водного транспорта по Обводному каналу обеспечено дешевое и быстрое осуществление строительства.

Обе Ордынки у места сращения с расширенным бульварным кольцом «Б» образуют Добрынинскую площадь (бывш. Серпуховская). Она будет в результате новой планировки и сооружения на ней ряда новых объектов превращена в культурный и административный центр двух замоскворецких районов — Москворецкого и Лешинского.

Даниловскую площадь предполагается оформить в виде торгово-кооперативного центра Замоскворечья и центра сбора массовых шествий для части Пролетарского, Лешинского и Замоскворецкого районов.

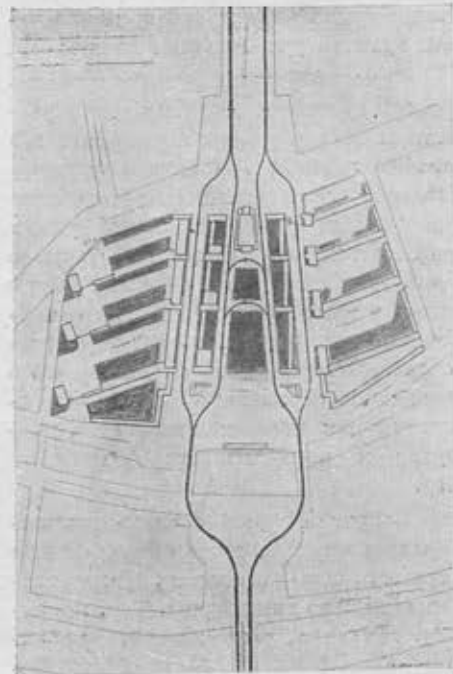
Площадь обеих Ордынок. Макет и план

Проект арх. Н. А. Ладовского

Place à la jonction des deux rues Ordynka. Maquette et plan

Projet de l'arch. W. Ladowsky

АРХИТЕКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ ПЛОЩАДИ

А. БУНИН и М. КРУГЛОВА

Современная городская площадь, в ее функциональном и архитектурном значении, ведет свою историю от античности. Родоначальниками площадей были агора и форумы древнего мира.

Агора и форумы возникали в тех городах Древней Греции и Рима, где под влиянием интенсивно развивавшейся торговли разрушались замкнутые формы натурального хозяйства. В Греции, Риме и греко-римских колониях на побережье Средиземного моря появляются новые торговые города, рядом с ними перестраиваются старые, выгодно расположенные по отношению к торговым путям. В V и IV вв. до нашей эры для Греции и несколько позднее для Рима наступает новая эпоха в развитии городов. Архитектурный образ античного города коренным образом изменяется. Новые города стремятся создавать по заранее разработанному плану; город рассматривают не только с утилитарной, но и с художественной точки зрения. Впервые в истории человечества зарождается комплексная архитектура больших масштабов.

Римские форумы являются преемниками греческих агора. Вместе с развитием города форум переживает несколько периодов. В начале это торгово-общественная площадь с общим (смешанным) рынком. Затем рынок разделяется на несколько форумов (так, например, форум быков, форум вина, рыбный форум). Рядом с торговыми появляются так называемые «гражданские» или «политические» форумы, специально предназначенные для народных собраний, диспутов и всевозможных физических игр.

Вокруг форума обычно группировались крупнейшие общественные здания города — базилики, храмы, торговые помещения и суды. Так, например, три зала, расположенные напротив храма Юпитера (помпейский фо-

Рис. 1. Помпейский форум
В глубине площади
храм Юпитера

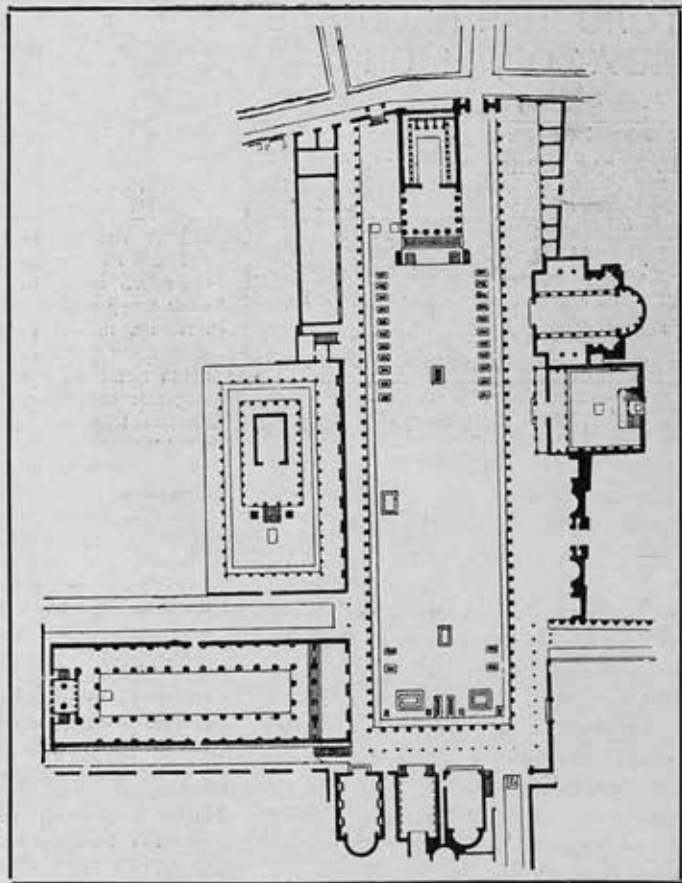

Рис. 2. Побережье
Неаполитанского залива
Заштрихованы селения и города
А — Помпея, В — вершина
Везувия

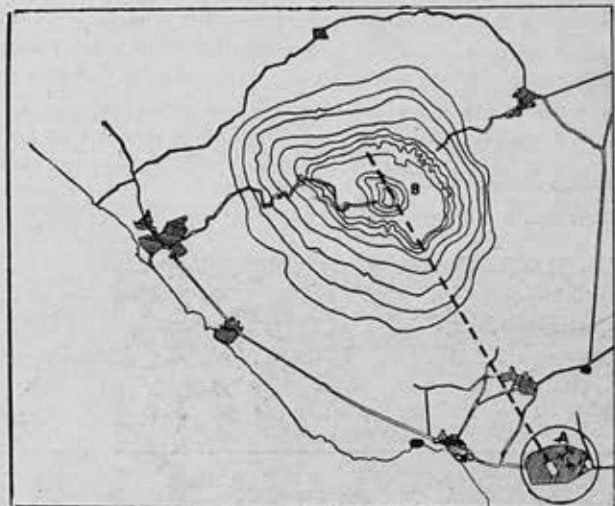
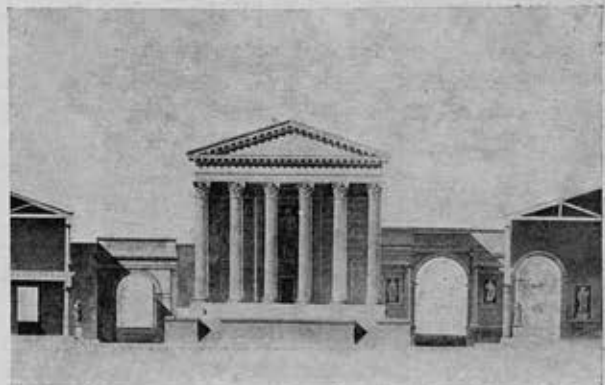

Рис. 3. Форум
Поперечный разрез
В центре храм Юпитера
(реконструкция)

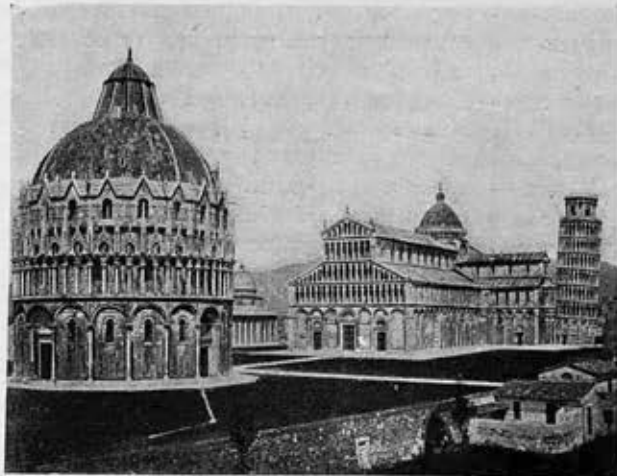

Рис. 4. Пиза. Соборная площадь. На первом плане Баптистерий, дальше собор. В глубине площади Кампо Санта

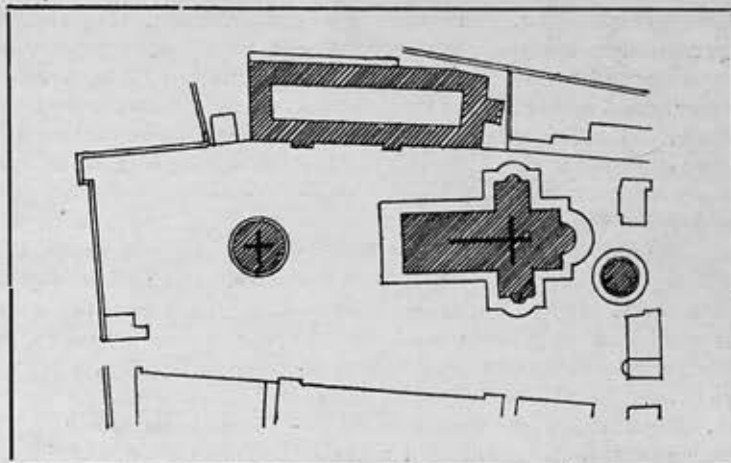

Рис. 5. Соборная площадь в Пизе
Штрихом показаны основные здания комплекса

рум) (1), были залами заседаний курий; средний одновременно принадлежал муниципальному совету. Рядом с Пантеоном помещался зал заседаний декврионов; налево от храма Юпитера — казначейство, далее здание фруктовой и овощной торговли (по некоторым предположениям — галерея станковой и фресковой живописи), потом храм, базилика и т. д.

В решении архитектурного целого города форуму (подобно греческим агора) принадлежит доминирующее положение. Форум — основной центр политической, экономической и культурной жизни города и в то же

время архитектурный центр его.

Форум всегда стремились широко показать городу. Нередко для него выбирали низкое место с тем, чтобы он был виден извне. В тех же случаях, когда город располагался на равнине, форум выделяли высокой застройкой или открывали вид на него с уличных магистралей.

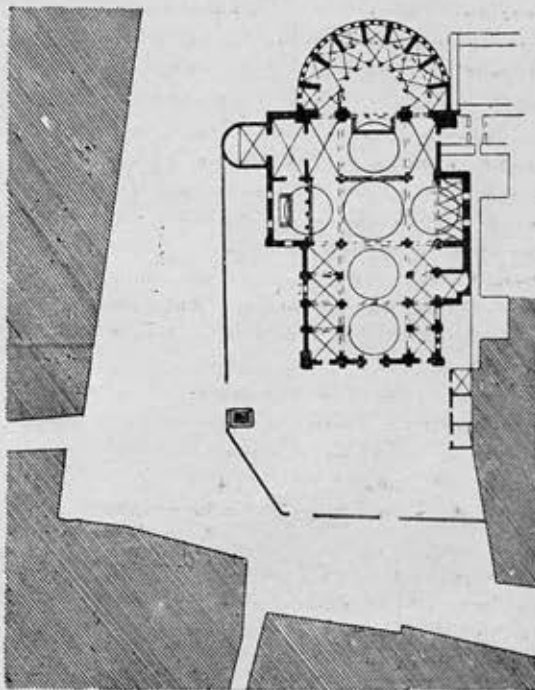
Форуму как главному элементу города придавали компактную форму. Компактность есть основное условие для построения архитектурного центра, ибо вместе с компактностью появляются монументальность и выразительность формы как активного, спо-

собного господствовать элемента. По словам Витрувия, форумы первоначально были квадратными, затем квадрат сменился прямоугольником с соотношением сторон 2 : 3, и только позднее форумы стали все больше и больше вытягивать. Помпейский форум нарушает эти правила: отношение ширины площади к ее глубине — 1 : 3,7 (38,5 × 142,5 м).

Форум обыкновенно окружали крытыми галереями; у входов строили триумфальные арки. Нередко галереи делались многоярусными: они служили ложами для публики в то время, когда на самом форуме проходили бои гладиаторов, шествия и

Рис. 6 и 7. Падуа. Площадь Санта. Памятник Гаттамелате и базилика Сан-Антонио. На плане черный прямоугольник у парапета — место памятника Гаттамелате

общественные суды. Размерами и богатством архитектурного оформления форум превосходит все остальные архитектурные ансамбли города, однако он никогда не отрывается от города. Общий модуль реальной и зрительной размерности положен в основу построения города: этот модуль является модулем форума. Измерения форума кратны размерам кварталов или пропорциональны им. Многочисленные перкетили, открытые дворы перед храмами, базиликами и банями повторяют пространственный тип главного форума. Колоннады и портики, чередуясь с открытыми пространствами, придают общий и целостный образ античному городу, в котором форуму принадлежит самый звучный аккорд.

Ролью форума как центра политической и культурной жизни города объясняется его замкнутая форма. Торговые форумы всегда были проезжими, и тот же помпейский форум вначале не имел ни колоннад, ни арок. Только тогда, когда форум превратился в общественную площадь, когда на площади и вокруг нее сосредоточилась общественная жизнь всего города, — тогда потребовалось изолировать площадь от внешнего мира, закрыть улицы, построить колоннады — сделать площадь монументальной и величественной, достойной того высокого назначения, которому она должна была отвечать. Площадь расчищают; ее середина становится свободной: она принадлежит народу, человеку, т. е. тому главному, что в идеализированных формах воспитывалось античным

искусством. Человек, мерило классической архитектуры, становится мерилом для площади, и через площадь, улицу и храм, через ансамбли он передает свои пропорции городу. Разве не органичны и не пропорциональны человеку города античной Греции — Пергам, Приена и Селинунт, разве не органична та же Помпея. Но дело не в самом плане города.

План города — это лишь препарат анатомического изучения организма. Красота и гармония появляются

только тогда, когда архитектор работает над реальным пространством, когда появляются третье и четвертое измерения (время), когда вырастают здания и площади, когда они окутываются воздухом, пространство наполняется людьми, когда появляются свет и цвет. Чтобы понять это, представим себе афинский Акрополь — колоссальная фигура Афины Промехос свободно стоит среди зданий, не нарушая масштаба. Отношения человеческого тела, получившие пропор-

Рис. 8. Ассизи. Собор и группа площадей при нем
Слева — оформленная аркадой нижняя площадь
По оси собора — верхняя

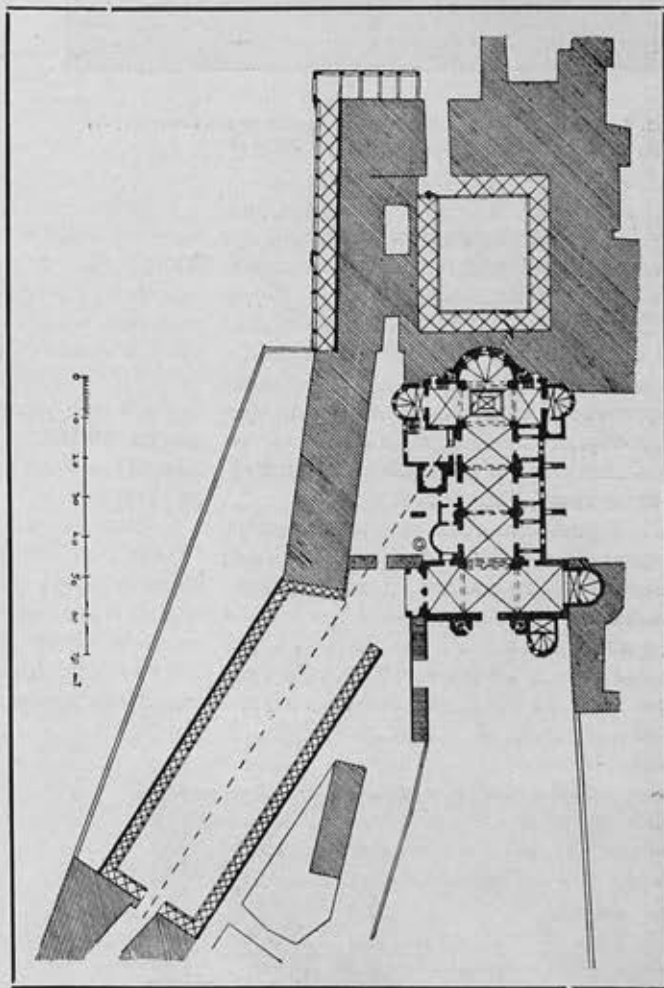

Рис. 9. Ассизи. Собор и нижняя площадь

Рис. 10. Ассизи. Собор и верхняя площадь

циональное увеличение в фигуре богини, не спорят со всем окружающим, ибо в архитектуре храма и пространств, окружающих храмы, заложены те же отношения.

В античных примерах соподчинение элементов, составляющих комплекс площади, решается преобладанием пространства. Господство пространства над объемами опять-таки вырастает из желания повысить значение человеческой фигуры. Здания делаются плоскими. Членения фасадов строятся с таким расчетом, чтобы здание принадлежало площади, а не наоборот. Это достигается не одним освобождением середины площади от построек и также не наличием колоннад. Средства, которыми располагали античные зодчие, были чрезвычайно ограничены. В их распоряжении была колонна и интервал между колоннами. Массой колонны, расчленением тела колонны и частотой метрического шага достигалось растворение здания в пространстве, лежащем перед ним (расстоянии между колоннами боковых галлерей почти как правило были не меньше двух диаметров колонны). Это правило переносится и на главные здания форумов. Главное здание играет роль ориентирующего, направляющего элемента. Оно акцентирует площадь, устанавливая ее лицо; однако и в этом случае здание все же принадлежит площади. Портик храма Юпитера (3) прозрачнее портика Парфенона. Разные задачи, стоявшие перед зодчими, заставили в первом случае разредить колонны, а во втором — сгустить с тем, чтобы масса расчлененной стены стала оптически плотной и здание приобрело самостоятельность.

Античные зодчие в совершенстве умели сочетать природу с архитектурой. Равнина, падения почвы, водные пространства и горный ландшафт учитывались при построении города и органически включались в его общую пространственную структуру. Связь с окружающей средой для площади — форума — являлась обязательной, ибо как бы ни были грандиозны постройки, природа всегда остается сильнее. Центр города — площадь — искала сближения с природой с тем, чтобы усилить выразительность центра и обогатить его линиями неорганизованной среды. Не потому ли и форум помпейский получает радиальное направление, ориентируясь на конус горы (2). Нельзя было не учесть колоссальную массу, господствовавшую над горо-

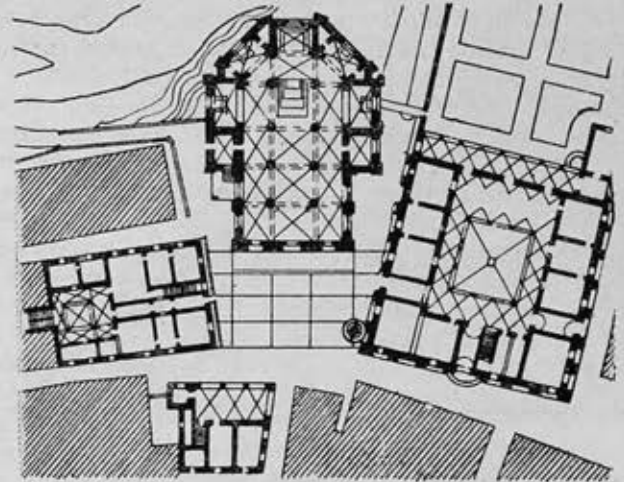

Рис. 11. Пиецца. Соборная площадь. В центре собор, справа палатце Пиколомини, напротив собора лоджия

Рис. 12. Площадь в Пиецца Лоджия и башня с часами

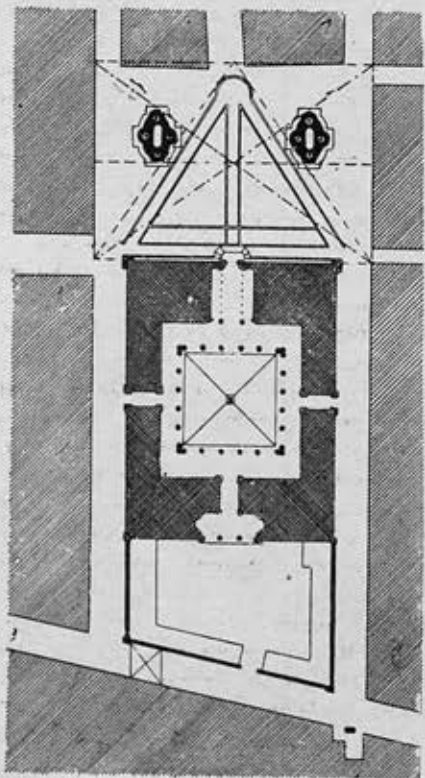
Рис. 13. Соборная площадь в Пиецца. Вид из лоджии

дом, ибо Везувий был виден почти с каждой улицы и площади древних Помпей. Он притягивал к себе все окружающее; вокруг него уступами понижался рельеф, постепенно спускаясь к берегу моря. И вот — площадь ориентируют на гору. Храм Юпитера, стоящий в ее глубине, четко очерчивается на дымчатом фоне горы; скаты фронтона как бы повторяют ее профиль, сам храм становится активным, а площадь приобретает направленность.

Города феодальной эпохи можно разделить на несколько архитектурных типов, среди которых так называемый «нерегулярный город» получил наибольшее распространение. Правильные, построенные по плану города

Рис. 14 и 15. Площадь Фарнезе в Риме (по гравюре Пиранези). На плане пунктиром показаны линии, определяющие местоположение фонтанов

почти не встречаются в раннем средневековьи; лишь с XIV и XV вв. в Италии, а позднее в Центральной Европе, вместе с ростом торговых городов возникают потребности в урегулированном строительстве и целостном архитектурном оформлении. Комплексная архитектура в средневековом городе не выходила за пределы бургов, соборов и монастырей. Здесь совместными усилиями горожан, объединенных общей строительной идеей, создавались ансамбли, нередко достигавшие высокой художественной выразительности. Так возник бессмертный пизанский ансамбль с собором, баптистерием и Кампо-Санто (5); так строились центры средневековой Флоренции — Бадиа и Барджело, комплексе собора Святой Марии дей Фьоре во времена Арнольфо¹, так образовались центральные ансамбли Нюрнберга, Руана и других городов.

Площадь средневекового города никогда не имела самостоятельного архитектурного значения; она сопровождала крупнейшие постройки города и целиком принадлежала им. Названия средневековых площадей указывают на их второстепенное значение по отношению к зданиям: Соборная площадь, площадь перед ратушей, площадь перед палаццо и т. д. Рыночные площади, которые начинают появляться в средневековом городе в XII и XIII вв., вначале не оформлялись; по большей части это были «Самро», т. е. поле, пустое место среди города. Нередко эти площади застраивались балаганами и навесами, под которыми, скрываясь от духоты и зноя, в летние месяцы работала ремесленная беднота.

Господствующим типом площадей средневекового города можно считать соборную площадь, ибо то лучшее, что могла дать архитектура, относится именно к ней. Площадь со зданием собора или группой зданий посередине получила наибольшее распространение. Этот тип площадей особенно часто встречается на севере: соборы во Фрейбурге, Страсбурге и Кельне, окруженные впоследствии пристройками, первоначально рассчк-

¹ Арнольфо д и Камбио — флорентийский зодчий. С 1279 г. по 1301 г. им заложены и частично осуществлены крупнейшие соборы и дворцы Флоренции: Святой Марии Новеллы, Святой Кроче, Бадиа, Святой Марии дей Фьоре, Дворец Синьории и др.

тывались на центр площади. В средневековом городе нередко встречались Г-образные площади с зданием собора или ратуши во внутреннем углу. (По большей части это были площади итальянских городов. Наиболее типичные из них — площадь Синьории во Флоренции, площадь Санто в Падуде, площадь Сиенского собора и площадь перед зданием городского управления в Прато). Площади с свободной серединой не получили развития в средневековом городе.

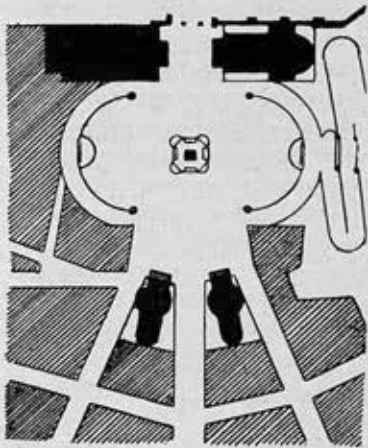
Выбор места для площади целиком зависел от сооружения соборов, ратуш и монастырей. Главные здания не распылялись по городу; напротив, их старались сосредоточивать в немногих пунктах с тем, чтобы в каждом случае была возможность построить крупный и многообразный ансамбль.

Площади нередко возникали на окраине города у городских стен, т. е. в тех местах, где можно было осуществить крупное строительство без помех и предотвратить борьбу городских корпораций за выбор места, поэтому в Пизе, средневековой Флоренции и Ассизи соборы были основаны за городом. Этим как бы восстанавливалась архитектурная схема эллинистических городов эпохи античного средневековья. Подобно древним храмам свободно стоят соборы на площади в Пизе. Вокруг них за невысокой стеной простирается открытый пейзаж, почти нетронутый рукой человека. В оформлении зданий стремятся использовать все средства архитектуры и монументальной пластики; цвет естественных материалов — камня, мраморов, гранита и черенцы, зеленая лужайка — площадь с бегущими по ней дорожками, небо и дымчатый абрис отдаленных гор — все это складывается в одно стройное гармоничное целое¹.

Но где же сам город? — Город оставался как бы в стороне. Город почти ничего не получал от этого богатства.

¹ Соборный комплекс вместе с площадью сложился не сразу. Первым был начат собор (1063г.). Затем рядом с собором закладывается баптистерий (1153 г.) и колокольня (около 1174 г.). С значительными перерывами строительство продолжается в течение XII и XIII веков. Лишь в 1350 г. заканчивают последнее здание — колокольню Кампо-Санто — более позднее сооружение. Основной скелет его построен между 1278 и 1283 годами. Последние 28 окон относятся к XV в. (1451 г.). В строительстве комплекса принимали участие Диотисальви, Вильгельм фон Шнебрук, Джованни Пизано и др.

Рис. 16 и 17. Рим. Площадь дель Попаля

Здание церкви было олицетворением могущества и небесной природы божества. Поэтому неудивительно, что архитектура стремилась противопоставлять храм всему тому, что его окружало. Через посредство размеров, через изменение модуля, через стеснение окружающих церковь пространств или, наконец, через отрыв ее от города — величие бога противопоставлялось человеческому ничтожеству. Градостроительство средневековья, проявившееся преимущественно в строительстве крупных церковных ансамблей, создавало замкнутые в себе вещи.

Площадь средневекового города, и преимущественно соборная площадь, не имеет правильного очертания. Здания, расположенные в середине площади, загромождают пространство (8); правильная форма становится бессмысленной, ибо площадь никогда не воспринимается в целом. Площадь дробится на ряд малых площадей, ориентированных на детали собора.

Здание, господствующее на площади, почти никогда не рассчитывается на фронтальный аспект. Несмотря на то, что лицевые фасады романских и готических церквей чаще всего представляют собой плоскость с ясно выраженной осью симметрии, — преобладают точки зрения с угла (площадь перед базиликой Сан-Антонио в Падуе, площадь Санто (6, 7), площади перед церквями Фрари и Санта-Мария-Формоза в Венеции, площадь Ульмского собора и др.). Это дает возможность сделать здание активным и в то же время показать его не сразу. В процессе осмотра что-то всегда остается скрытым и не разгаданным. В неполном показе целого, в скрытии его от непосредственно

зрительного охвата заключается одна из стилистических особенностей готики.

Не безынтересно отметить, что расширением старых средневековых площадей не увеличивали, а уменьшали художественный эффект, производимый зданием, ибо здание получало удаленные точки зрения, а вместе с ним исчезали и ракурсы и неполное видение и выразительность косых направлений и величина. Так, например, Миланский собор получил после расширения площади приземистую форму, а Нотр-Дам потерял свою грандиозность.

Площади эпохи Возрождения вместе с развитием торговых городов переживают три основных периода: период становления архитектурного типа (поздне-готические площади), период расцвета (площади раннего ренессанса) и период перерождения типа (высокий ренессанс и начало барокко). Эти периоды особенно отчетливо выявились в градостроительстве итальянского Возрождения. В общем, они соответствуют трем этапам развития культуры эпохи первоначального капиталистического накопления. В Италии, как известно, их называют именами столетий — треченто, кватроченто и чинквеченто.

Первые рыночные площади, из которых образовались затем площади ренессанса, появляются еще в средневековом городе. Вначале это были торжища, расположенные за городской стеной, и лишь с течением времени, вместе с развитием торговли и увеличением значения рынка, площадь включается в город. Однако, чтобы рыночная площадь сделалась общественной площадью, чтобы она за-

воевала себе признание, как заслуживающий внимания строительный объект, потребовалось много времени. Только с победой денежного хозяйства, с ломкой экономического и социального уклада городского общества меняется облик старого города и вместе с ним изменяется утилитарное и архитектурное значение площадей.

Подобно форумам древности торговая площадь становится центром города. Она — место народных собраний, турниров и празднеств; она приемный зал синьории, место суда, и театр, и трибуна. Площадь перестает быть неоформленным пространством среди города. Площадь приобретает самостоятельное архитектурное значение. Свободное пространство, рассчитанное на заполнение его людьми, пространство, оформленное со всех сторон зданиями, замкнутое или частично замкнутое с простыми и ясными отношениями, — вот тип площадей ренессанса, характерный для всех его трех периодов вплоть до барокко.

Вместе с ослаблением духовной гегемонии церкви, с раскрепощением философии и науки от уз средневековой схоластики, вместе с возрождением светского искусства, в архитектуре происходит переоценка ценностей. Храм уже больше не подавляет окружающего и не замыкается в себе. Храм приобретает размеры и формы близкие к размерам и формам светских сооружений. Значение церкви уже не подчеркивается в той степени, в какой его подчеркивали готические мастера. Правда, возникают новые большие соборы и соборные площади; однако соборы уже никогда не занимают середины площади — их место

у ее границы, рядом с лоджиями приоров, библиотеками, торговыми помещениями и дворцами разбогатевшего бюргерства.

Меняется закон соподчинения. В ренессансе не здание господствует над площадью, а площадь подчиняет себе здание. Она является диктующим началом. Форма, размеры, характер членения фасадов зданий и т. д. определяются замыслом пространственной организации площади. В этом ренессансе снова сближается с классикой.

Сравнивая площади ренессанса с форумами античного Рима, с теми непосредственными «подручными» для Италии остатками древности, на которых учились мастера Возрождения, можно найти много общего между ними. Однако происхождение композиционного типа площадей ренессанса нельзя объяснить влиянием античности, ибо площади, воспроизводящие тип форума, появляются еще в конце XIII и XIV вв., т. е. за 100—150 лет до Брунеллески. Планировочная (а затем композиционная) схема площади ренессанса рождается потребностями «нынешнего дня» (утилитарная сторона архитектуры всегда идет впереди ее стилового выражения) и лишь впоследствии вместе с утверждением искусства ренессанса начинают изучать классические образцы и применять их в строительстве площадей.

Поздне-готические площади в большинстве своем были площадями торгово-общественного значения. С ростом города и с разделением функций площади, с образованием чисто общественных и чисто торговых площадей распадается монолитная площадь. Появляются так называемые «групповые

площади». Так возникают площади Синьории и д'Эрбе в Вероне, площадь св. Марка и Пьяцетта в Венеции, Санта Андреа в Мантуе и др.

В решении сложной пространственной системы, которую представляют собой групповые площади, чрезвычайно интересен и ценен принцип, положенный в основу их построения, — принцип экономии изобразительных средств. Крупное общественное здание — палаццо, лоджия или собор — использовалось как средство оформления нескольких площадей. Площади группировались вокруг здания с таким расчетом, чтобы для каждой площади, для каждого пространства, здание давало все новые и новые не повторяющиеся картины, чтобы процесс восприятия ансамблей был аналогичен чтению увлекательной книги, обновляющей свое содержание по мере переворачивания страниц. Так, собор св. Марка в Венеции используется как основная картина для трех площадей; базилика Палладио в Виченце оформляет три пространства, образующие собою площадь Синьории, а Сан-Франческо в Ассизи (8, 9, 10) дает две площади и двор.

Но в чем же заключается «секрет» такого умелого использования архитектуры здания и почему в современном строительстве больше одной-двух не повторяющихся картин не удается дать? Разберем это на примере Ассизи¹. Собор, представляющий собой сложный комплекс, объе-

¹ Собор Сан-Франческо, начатый постройкой при папе Григории IX в 1228 г. (по Вазарри — немецким лодчим Якопо Тедеско), был закончен при Сиксте IV в 1485 г. Площади и двор построены в эпоху Возрождения.

мом строится асимметрично по отношению к оси главного корабля. Основному телу собора придают удлиненную форму. Подчеркнуты лицевой фасад и фасад со стороны двора. Обе площади расположены на разных уровнях и под разными углами к собору. Площадь, обнесенная аркадой (нижняя площадь), ориентирована на ось колокольни; собор с нее воспринимается в полупрофиль — он сложное соединение трехмерных форм. Для верхней площади собор превращается в плоскость. Фасад, расположенный в глубине площади, чрезвычайно скупо оформлен. Вход и окно над входом, четкий профиль почти не разделенной стены и вертикаль колокольни — вот все, что можно увидеть с этой площади. Точка зрения со стороны двора дает совершенно новую картину. Прижатый к абсидам собора двор представляет собою замкнутое пространство, оформленное двухъярусной аркадой. Собор воспринимается в ракурсе. Высоко поднятые окна, чередование больших проемов с малыми и сильные, чисто готические стрелы пиллер поднимают здание. Оно возносится вверх, увлекаемое общим порывом движения.

Итак, принцип экономии изобразительных средств заключается в обновлении впечатлений. Чередованием крупных и малых, закрытых или полузакрытых пространств, различием ракурсов и показаний, полным или неполным показом здания, игрой света и теней картины могут быть сделаны разнообразными, вечно меняющимися, никогда не пресыщающими глаз.

В XV и XVI вв. наряду с группо-

Площадь св. Петра в Риме

Площадь Вог в Париже

выми площадями существуют одиночные, типа флорентийской Аннуциаты, Фарнезе в Риме или площади перед собором в Пизе. Эти площади больше предыдущих напоминают классический форум. Открытая форма простого рисунка, пропорциональная завершенность между измерениями площади и размерами зданий, оформляющих ее, характерны для этих решений. Форму площади, если площадь — пространство, доступное непосредственному зрительному охвату, строят аналогично фасадам палат. Нередко она приобретает геометрическое очертание. Прямоугольник, многоугольник, и трапеция кладутся в основу плана площади. Компактные площади применяются в решении композиционного центра города, вытянутые чаще всего служат вспомогательными элементами в решении единства его и объемно-пространственной структуры.

Размеры площадей мастера Возрождения выводят из соотношений между зданием, человеческой фигурой и пространством площади. В тех случаях, когда композицией учитывался показ здания в целом, глубина площади определялась углом наилучшего видения. Таким образом отношения размеров здания к площади были: а) минимум — $m : n = 10 : 19$ и б) максимум — $m : n = 10 : 15$, где m — общая высота или ширина здания, а n — глубина площади, лежащей перед ним. На этих соотношениях построены лучшие площади Возрождения; площадь св. Марка в Венеции, площадь Капитолия в Риме, двор Уффиций во Флоренции и др.; однако эти отношения не всегда соблюдались. В ряде случаев площадь получала малые раз-

меры. Тогда для композиции решающее значение имели детали. Углом наилучшего видения деталей здания определялись размеры площади. Так, площадь перед собором в Пизе¹ определяется восприятием среднего поля фасада собора (от ступеней до тимпана); ее глубина обеспечивает отчетливую видимость самых мелких деталей и исключает ракурсные искажения (11, 12, 13).

Высокому ренессансу соответствуют тенденции к строительству декоративных площадей. Площадь все более и более раскрывается; богатое и пышное зрелище заменяет строгость ранних образцов; здание снова начинает приобретать доминирующее положение, а середина площади застраивается.

В XVI столетии на площадях в изобилии появляется скульптура. Статуи, обелиски и фонтаны наполняют площадь. Античное правило не ставить скульптуру в центре площади с тем, чтобы она «принадлежала не статуям, а гладиаторам» (Витрувий), правило, которого придерживались мастера кватроченто, теперь нарушается. Скульптуру размещают и в центре площади, и у ее границ. На смену портретной скульптуре приходит идеальная; нередко парадные площади украшаются статуями, найденными в развалинах терм, мавзолеев и цезарских дворцов (Марк Аврелий, «Тибр» и «Нил» на площади Капи-

¹ Площадь и здания, оформляющие ее, возникли одновременно. Постройка была произведена Бернардо Росселлино для папы Пия II Пикколomini, желавшего возвысить свой родной городок.

толия; бассейны фонтанов перед палатой Фарнезе в Риме и др.).

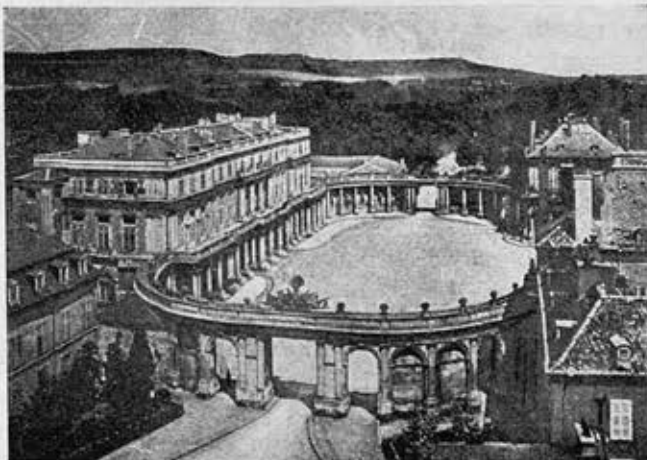
Скульптура для площадей Возрождения служила двойкой цели: чисто пластическая роль скульптуры всегда соединялась с архитектурной ролью. Скульптура служила средством членения пространства площади и средством построения его. Размещая скульптуру на площади, старые мастера стремились обеспечить скульптуре место, отвечающее ее композиционным особенностям, именно, объемная скульптура всегда получала у них свободное пространство, а «плоскость» и «силуэт» строились в расчете на фон.

Фонтаны на площади перед палатой Фарнезе в Риме получили место в связи с основными линиями построения ансамбля. Анализ расположения фонтанов вскрывает связь их с зданием, площадью и центральной улицей, ориентированной на вход во дворец (14, 15).

Эпохой феодального перерождения бюргерства заканчивается высокый ренессанс.

Барокко открывает новые горизонты в градостроительстве. Постепенно город преодолевает тесноту крепостных стен; колоссальные площади и безграничные перспективы улиц разрушают замкнутость городского пейзажа; ширятся границы города, вырастают размеры ансамблей с тем, чтобы в образцах классицизма утвердить новые принципы градостроительства и через них притти к отрицанию феодального города.

Правительственная площадь в Нанси

Площадь Звезды в Париже

Рис. 1. Вид Нью-Йорка. Бруклинский мост (1870—83) построен Роблингом. Впереди Мангаттанский (1903—10), построен Стивенсом и Модески

Пролеты	Ширина	Высота двух-яр. полотна	Диам. кранов
Б: 287+476+287 м	26 м	5,6 м	48 см
М: 121+448+221	36,6	7,3	54

Vue de New-York. Pont de Brooklyn (1870—83), construit par Rebling

МОСТ И ГОРОД

Проф. ПАВЕЛ ЩУСЕВ

В советских условиях все сооружения как собственно архитектурные, так и инженерные, должны быть строго между собой увязаны и рассматриваться, как единый архитектурный комплекс.

Если такой взгляд не является новостью при создании отдельных кусков города, то он существенно нов по отношению к инженерным сооружениям в особенности по отношению к мостам, проектирование которых обычно преследовало удовлетворение главным образом технических целей.

Мост представляет собою такой же архитектурный элемент города, как дом, площадь, улица, и заслуживает такого же, если не большего, внимания к себе со стороны архитектора.

Между тем часто полагают, что мост так же легко, быстро построить, как и дом, упуская из виду трудности заложения опор в реке и выполнения верхнего строения, требующих особых и весьма точных приемов.

В этом отличие моста от гражданских сооружений. В чем же его сходство? Оно заключается в таком архитектурном подходе к мосту, какой считается обязательным для каждого дома. Придание архитектурной выразительности формам и линиям моста в соответствии с окружающим архитектурным ансамблем — первый шаг к этому.

Всякий водный поток придает городу красоту. Большая река всегда является центром, «задающим тон» городу. Естественно, что и мост на такой реке также играет центральную роль. Компановка моста будет естественна его роли тем в большей степени, чем более она подчеркнет это эстетическое значение моста.

Грандиозный пролет, мощные элементы моста воздействуют на зрителя и привлекают его внимание своей величиной, размерами, или оригинальностью формы. Такое впечатление производят, например, мосты Нью-Йорка (рис. 1), Тоуэрский мост в Лондоне (рис. 3) и др. В этом случае форма и линии моста часто стетупают перед его масштабом, и самые причудливые, а иногда и грубые формы, если они оправданы технически, являются вполне уместными и не нарушают общей гармонии.

Неожиданные перебои линий даже придают особую, чисто инженерную остроту сооружению, его крупные детали приковывают к себе внимание, как на Бруклинском мосту (рис. 1), соединяющем части Нью-Йорка: Мангатаи и Бруклин.

Вот как описывает впечатление от этого моста наш поэт Маяковский:

...Вхожу смиренный на Бруклинский мост.
 ...Здесь еле звучит элеваторов зуд
 И только по этому тихому звуку
 Поймешь: поезда с дребезжающим ползут,
 Как будто в буфет убирают посуду.
 ...И горд вот этой стальною милей,

Рис. 2. Бруклинский мост. Двухпутное движение поездов электрической тягой в нижнем ярусе. Езда в обоих ярусах. Пешеходы — поверху

Pont de Brooklyn

Рис. 3. Вид Лондона. Туэрский мост (1886—94) пролетом 82 + 61 + 82, висяче-разводной. При разведенном положении пешеходы идут поверху

Vue de Londres. Pont du Tower (1886—94)

Живьем в ней мой виденья ведали:
Борьба за конструкцию вместо стальной,
Расчет суровый гаск и стали.
...Напомнит машину ребро вот это,
Сообразите, хватит рук ли,
Чтоб, став стальной погой на Мангатаи,
К себе за губу притягивать Бруклин.
...Смотрю, как на поезд глядит эскимос,
Вываюсь, как в ухо вивається плещ.
Бруклинский мост —
Да, это вещь!

Когда масштаб моста не так велик, то недочеты формы гораздо заметнее, а потому изящество и тонкая прорисовка конструкции особенно необходимы.

Для городских мостов следует предпочитать такие приемы компоновки, при которых мост является естественным продолжением улицы и не закрывает перспектив на реку.

Поэтому мосты с ездой поверху в городах являются наиболее удобными и дают, безусловно, наилучшее решение при любой системе моста.

Езда понизу в центре города может быть оправдана только при очень изящной композиции или же при наличии разводной части, где конструкция, без которой обойтись нельзя, является решающей.

В окрестностях города, где причудливое очертание мостов проектируется на фон ландшафта, езда понизу вполне уместна. Так, например, мосты Окружной дороги у Нарк культуры и отдыха очень хорошо гармонируют с окружающим пейзажем. Охтинский мост в Ленинграде, расположенный в городе, производит более грубое впечатление, чем остальные

ленинградские мосты, хотя оно значительно сглаживается благодаря крупным его массам.

В такой системе должно быть больше изящества. С этой точки зрения новопроектируемый железобетонный мост Володарского в Ленинграде, обладающий весьма тонкими пологими арками, приятнее для глаза (рис. 4).

Роль мостов мелких, которыми изобилуют мировые столицы и крупные города, лучше всего выявляется на примерах уже осуществленных планировок.

Рассмотрим некоторые из таких планировок, дающие возможность почувствовать влияние окружающего их пейзажа и условия расположения моста.

Рис. 4. Новый железобетонный разводной мост им. Володарского в Ленинграде. Пролет: 100 + 40 + 100 м. Арки Лангера сечением 0,7 × 1,4 м армированы стальными трубами, наполненными бетоном. Проект проф. Передерия

Nouveu pont tournant en béton armé du nom de Volodarsky à Léningrad

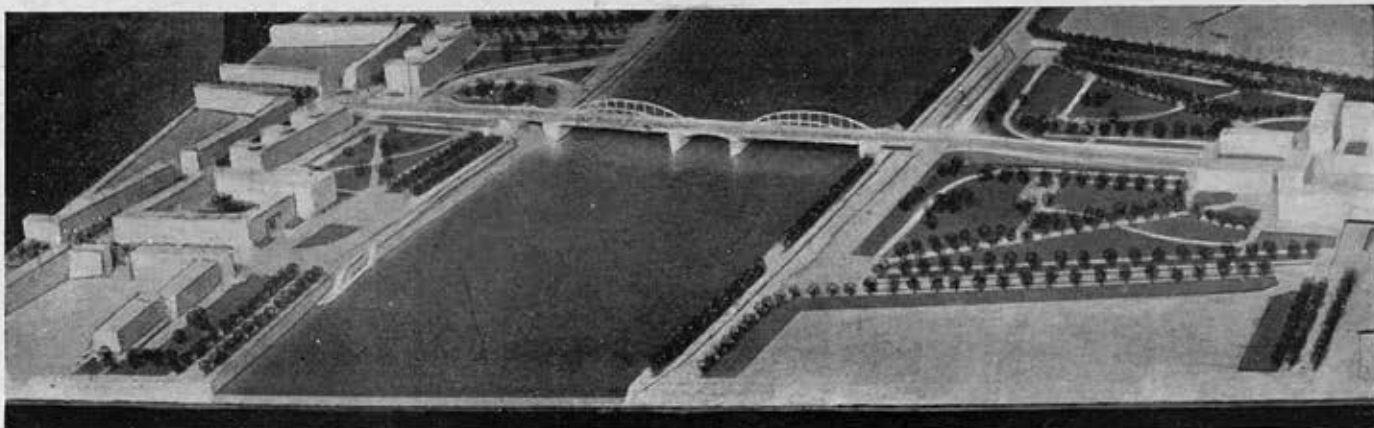

Рис. 5. Мост Риальто в Венеции (1587), построен Да-Понте из мрамора
Пролет 28,5 м

Pont Rialto à Venise (1587)

Рис. 6. Венеция. Мост Вздохов. Проект Антонио Контино. 1605 г.

Venise. Pont des Soupirs

Всем известны исторические примеры компоновки сравнительно небольших мостов, как центральных пунктов, к которым, так сказать, прикомпонованы окружающие здания. Особенно много таких компоновок осуществлено в средние века и эпоху Ренессанса, когда мосты служили крепостями, защищающими город, или же центральными пунктами, где сосредоточивалась торговля. Такого типа был знаменитый Лондонский мост, ряд мостов в средней Европе и, между прочим, старый Каменный мост в Москве. Классическим примером этого типа служит мост Риальто в Венеции (рис. 5), являющийся и поныне рынком ювелирных изделий. Лучшие архитекторы Италии: Палладио, Да-Понте и др. выступали на конкурсе,

объявленном на этот мост, который служит блестящим памятником итальянского ренессанса, а в свое время представлял крупный вклад и в практику инженерных конструкций. Его центральная роль подчеркивается наличием трех симметрично расположенных осей, его композиция статична. Она завершает окружающий архитектурный пейзаж. Этот оригинальный мост очень типичен для Венеции, о которой Байрон сказал когда-то:

Взошел на мост я Вздохов, где видишь
По сторонам его дворец с тюрьмою
И, крыльями веков осенены,
Вздыхают громады из волны,
Как бы волшебной вызваны рукою...

На рис. 6 виден мост Вздохов, перекинутый через канал у палатцо Дукале.

Гораздо чаще мост приходится рассматривать как одно из звеньев, соединяющих части города. Когда динамичность такой связи подчеркнута композицией моста, то выразительность последней повышается. Исторический пример — мост в Вероне (рис. 7), где движение, связывающее низовой берег с противоположным, до того известно, что кажется совершенно реальным.

Этому помогает нарастание пролетов, увеличивающихся в арифметической прогрессии, и односторонний уклон полотна.

Говоря о мостах в городе, нельзя не упомянуть об архитектурных фантазиях Пиранези (1720—1778) в духе римской классики.

Превосходные примеры плановой

Рис. 7. Мост Капель Веккио в Вероне (1354). Пролеты: 12 + 24 + 48
Крепостной стиль, послуживший образцом для московского Кремля
Pont Castel Vecchio à Vérone (1354)

Рис. 8. Мост Саларно через Тибр в Риме. Гравюра Пиранези

Pont Salarno sur le Tibre à Rome

Рис. 9. Мост Согласия в Париже (1787—90), построенный Перроне
5 пролетов, от 25 до 31 м. На быках раньше были статуи

Pont de la Concorde à Paris (1787—90)

Рис. 10. Париж. Площадь Согласия. Мосты через Сену
Общая планировка района

Paris. Place de la Concorde. Les ponts sur la Seine

увязки с окружающими площадями даны такими крупными мастерами мостового дела, как знаменитый французский инженер-архитектор Перроне. На рис. 9 и 10 дан вид моста и площади Согласия в Париже. Здесь все рассчитано. Стоя у Палаты депутатов перед мостом, как бы направляющим движением, зритель видит вдали широкую площадь, окруженную зданиями и зеленью. С любой точки площади окружающие сооружения и сам мост рисуются в удачных выразительных ракурсах. Таков тип классической плановой композиции, особенно часто встречающийся в Париже и других новых городах с их прямыми, правильно пересекающимися улицами.

В старых городах с запутанным и сложным планом подходы к мостам

разбиты несколько иначе. Здесь уже нет откровенной прямолинейности. Выходы к мосту часто бывают очень запутаны, но каждый изгиб, каждая извилина используются для того, чтобы попутно показать с наилучшей точки зрения отдельные детали и целые сооружения.

При перекомпоновке таких старых городов с запутанным планом, например, Москвы, могут быть использованы оба эти планировочных приема. В новых частях города наиболее приемлем французский классический прием, в центре же города, где прокладка новых прямых магистралей почему-либо невозможна или нежелательна, следует прибегать к другому типу планировки (так называемому итальянскому).

Можно привести ряд примеров любовного отношения больших мастеров к планировке мостов. В Ленинграде мы встречаем такие мастерские композиции, как старый Колюшенин мост, представляющий комплекс пересекающихся между собою улиц. Умело используя архитектурными эффектами, строители ленинградских мостов придавали им в одних случаях простые протяженные очертания, гармонирующие с плоской местностью, в других, наоборот, играли на силуэтах, контрастирующих с ней. Таковы превосходные силуэты мостов у Летнего сада, у Зимней канавки, висячих и т. д., превратившие этот город мостов и каналов в один из красивейших в мире.

С особенным интересом большие

Рис. 11. Остров Сите в центре Парижа и его восемь мостов

Les huit ponts de l'île de la Cité au centre de Paris

Рис. 12. Каменный мост в Люксембурге (1903). Пролет 85 м
Проект Сежурне

Pont de pierre au Luxembourg (1903)

Рис. 13. Виадук в Праге. Один из представленных на конкурсе домов-устьев под аркой большого пролета

Viaduc à Prague

Рис. 14. Акведук в Сеговии (Испания). Высота 34 м. Верхние арки по 6 м

Aqueduc à Ségovie (Espagne)

мастера относились к оформлению островов, расположенных в центре города. Еще с римских времен известен блестяще обработанный в виде триремы остров на Тибре с двумя ведущими на него мостами. К тому же типу планировки относится композиция мостов, соединяющих остров на р. Шпре, расположенный в центре Берлина, остров Сите в Париже (рис. 11) и др. Своеобразны оригинальные подходы к крупнейшим мостам Нью-Йорка в виде длинных эстакад (рис. 1 и 21). Заслуживает внимания также грандиозный мост через овраг в центре Праги (рис. 13), быки которого использованы в качестве домов.

Самостоятельную отрасль городских устройств представляют мосты и эстакады для метрополитена, столь

излюбленные в Берлине, Нью-Йорке и т. д. Одна из таких эстакад с мостом через Сену у Орлеанского вокзала в Париже дана на рис. 15. Длинные эстакады в центре города стесняют движение и потому переход к подземным дорогам является вполне логичным.

Рассмотрим теперь наиболее распространенные типы городских мостов, различающиеся между собой материалом и системой.

ТИПЫ ГОРОДСКИХ МОСТОВ

Ветарину господствовали типы каменных мостов, архитектура которых была доведена до высокого совершенства еще римлянами. Римское государство с его 75 000 км усовершен-

ствованных, сохранившихся до нашего времени дорог, имевшее в одном только Риме до 450 км водопроводов (55 км акведуков), по масштабам было близко к современности.

Римские строители были художниками, пришедшими на производство, а в архитектурном отношении римские инженеры и строители мостов остаются непревзойденными до сего времени. В их постройках есть спокойствие, ясность, гармония, о которых мы можем только мечтать, — и это результат полного овладения средствами, которыми они располагали, и умения, поднимающегося над деталями и распоряжающегося целым. Римская стена — что-то непреодолимое, в кладке — какая-то железная сила.

Рис. 15. Эстакада парижского метрополитена у Аустерлицкого моста (1904—05). Пролет арки 140 м. Фермы эстакады криволинейные в плане. Проект Резалья

Estacade du métro de Paris, près du Pont d'Austerlitz (1904—05)

Рис. 16. Гудзонский мост в Нью-Йорке (1927—31). Пролет: 198 + 1067 + 198 м. Ширина 32,2 м, 10 рельсовых путей, высота двухъяр. полотна 12,3 м, диаметр канатов 91 см. Высота 172,5 м. Стоимость: 75 млн. долларов

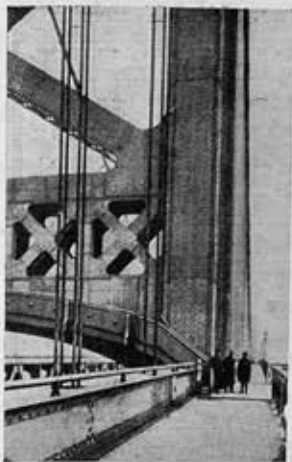

Рис. 17. Висячий мост в Филадельфии (1926), пролет 533 м. Инж. Амман, арх. Жильберт. Детали клепаной конструкции пилонов

Pont suspendu à Philadelphie (1926). Ing. Amman, arch. Gilbert

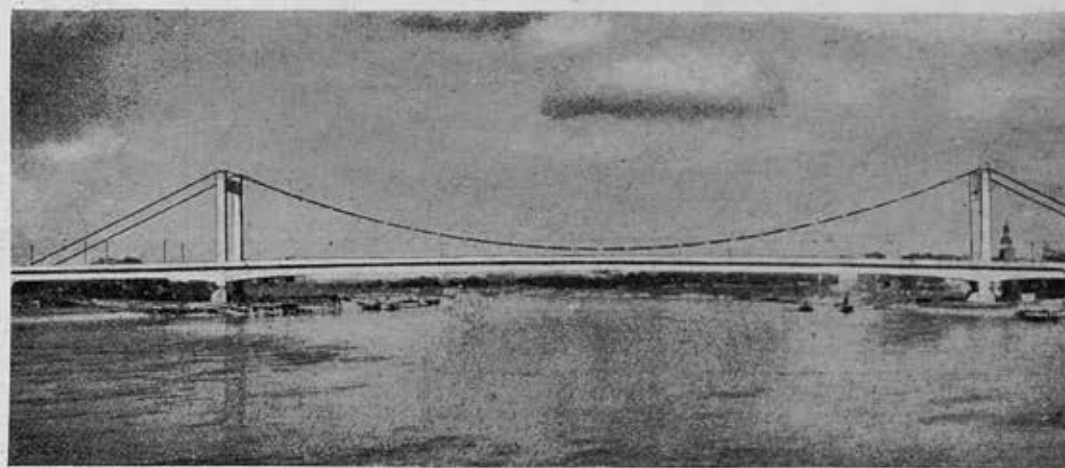

Рис. 18. Новый Кельнский мост (1927—30) в Германии, наибольший висячий пролет (310 м) в Европе. Изящная и четкая композиция

Nouveau pont à Cologne (1927—30)

Из ряда сохранившихся еще мостов — Фабриция и Цестия с островом Триремы, Элия с мавзолеем Адриана и др. — упомянем Палатинский с его богатейшими реставрированными впоследствии скульптурами, мост Римини близ Рима, сделанный из мрамора, испанский мост в Саламанке, богато обработанный рустами.

Из акведуков, большая часть которых находится в развалинах, увековеченных Пиранези (рис. 8), следует упомянуть Нимский и особенно испанский — в Сеговии (рис. 14), сложенные из камней насухо. Последний производит необыкновенно гармоничное, никем не достигнутое впечатление скульптурной лепки, несмотря на кажущуюся грубость камней.

Мы научились строить своды из камня пролетом до 100 м, но если сравнить с римскими один из лучших мостов большого пролета (85 м) в Люксембурге (рис. 12), то сразу видно, что по мастерству и тонкости проработки он бесконечно уступает римским. Можно было бы привести очень большое количество прекрасно задуманных и монументально проработанных каменных городских мостов средневекового периода, эпохи Ренессанса, персидских, китайских, японских, которые, как правило, уступают римским, но по недостатку места обращаемся к примерам мостов современных.

Современные приемы строительства вместе с ростом техники, породившей новые материалы и новые спо-

собы, заставили переродиться и типы мостов. Мы живем в век безраздельного господства железа, бетона и железобетона и нарождающихся материалов. Однако давно выработанные системы мостов — балочная, арочная и висячая — в общем остаются неизменными; меняются только пролеты и детали, а не самый принцип.

Если говорить об огромных пролетах и возможности пропуска морских судов, то на первом месте приходится поставить в и с я ч и е мосты, пролеты которых достигают уже полутора километров (проект моста через морскую гавань в Нью-Йорке). Особенно интересны последние достижения на Гудзонском мосту в Нью-Йорке со средним пролетом в километр и высотой башен, приближающейся к

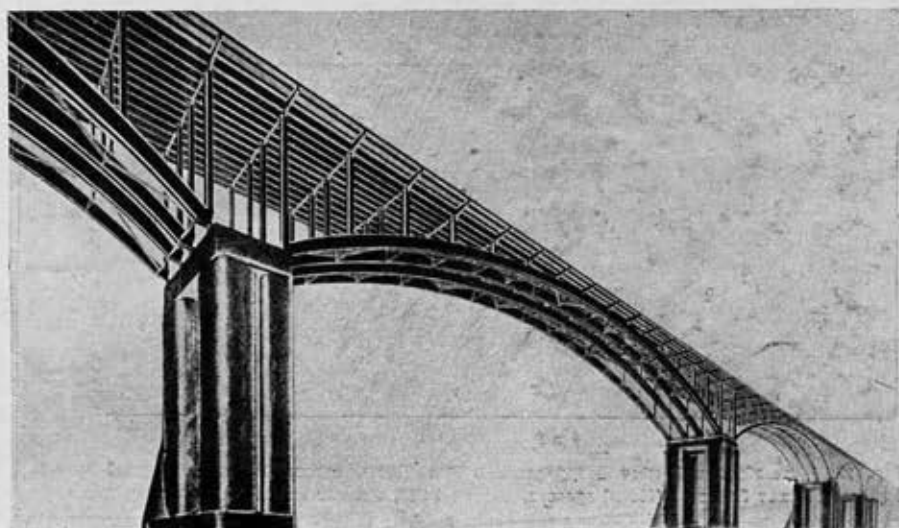

Рис. 19. Мост в Горьком (1930—33), пролет 6×120 м, подъем арок 1:12. Конкурсный проект проф. П. Щусев и инж. Крылова, арх. Француз и Помазанов. При постройке четыре арки заменены двумя. Отверстия в быках заменены впадинами, отчего вид их слишком упростился

Pont à Gorki (1930—33)

Рис. 20. Мост Кильванкул в Нью-Йорке (1928—32), пролет 510 м. Красивая форма двухшарнирной сквозной арки. Характерные для Нью-Йорка подземные эстакады
Pont de Kilvankul à New-York (1928—32)

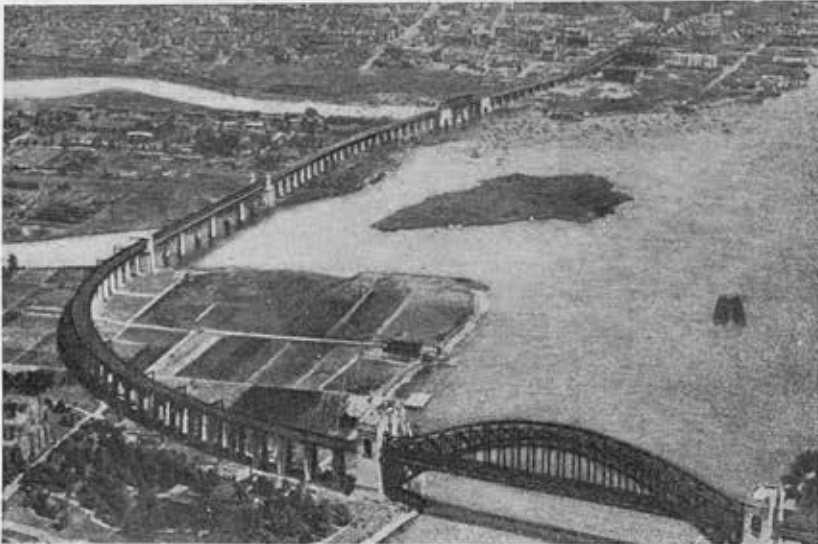

Рис. 21 и 22. Мост Гельгет в Нью-Йорке (1915), пролет 298 м под ж. д. Проект Лиденталя, арх. Горбестель. Форма двухшарнирной арки, приспособленная для удобства сборки, архитектурно не оправдана

Pont de Helgate à New-York (1915)

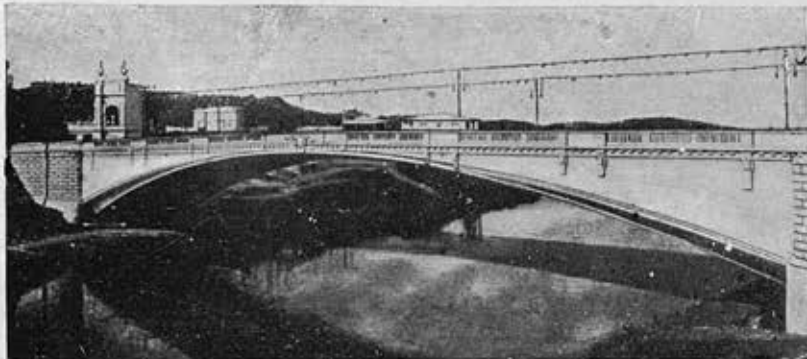

Рис. 23. Железобетонный мост Возрождения в Риме (1911), проект Геннобика. Первый коробчатый мост большого (100 м) пролета, подъем 1 : 10, заложен на слабом грунте
Pont de la Renaissance en béton-armé à Rome (1911)

Эйфелевой (рис. 16). Несмотря на огромную ширину и двухэтажную езду, мост производит впечатление легкости, простоты и изыска. Предполагавшаяся первоначально заделка башен моста в бетон, к счастью, осталась невыполненной.

Металлическая конструкция этих башен чрезвычайно эффектна и имеет простые монументальные формы. Проезжая часть кажется тонкой по сравнению с полотном Бруклинского моста (рис. 2), который в 3 раза меньше Гудзонского.

Столь же интересен другой височий мост в Филадельфии, меньшего пролета, у которого также очень удачно сконструированы массивные по конструкции и четкие по форме башни (рис. 17).

Огромные затраты на подобные сооружения позволяла себе до сих пор только Америка и ее столица. В Западной Европе до последнего времени избегали височных мостов, которые строились в небольшом количестве и сравнительно скромных размеров. Наибольшие пролеты приходится на долю Германии с ее двумя очень изящными кельнскими мостами (рис. 18).

Большое распространение не столько в городах, сколько на дорогах, получили височные мосты небольших пролетов во Франции. Благодаря сравнительной дешевизне, устройству деревянной проезжей части эти мосты были очень удобны при быстром создании крупнейшей сети усовершенствованных дорог.

Нам кажется, что и у нас этот тип мостов, в особенности вантовая система, разработанная чрезвычайно подробно нашими учеными, может быть очень широко использована при реконструкции наших городов и дорог (при малой ширине мостов). Первые попытки применения этой системы у нас на Кавказе, в Туркестане, на Урале уже имеются.

Не надо забывать, что первые височные мосты на континенте Европы — Египетский и Пантелеймоновский в Ленинграде — были построены именно у нас. У нас же был построен знаменитый височий мост в Киеве. Все эти мосты имели высокую архитектурную ценность. В противоположность обычным мостам с ездой пониже — у височных мостов паутина цепей и подвесок не закрывает вида на реку.

Не будем останавливаться за недостатком места на мостах-трансебор-

дерах, особенно пригодных в городах-портах; они проектировались у нас для Ленинграда и Саратова, но пока остались невыполненными. Не будем также касаться разводных мостов (рис. 3 и 4), знакомых нам по Ленинграду, Ростову и др. Они вызывают перерывы уличного движения и потому применяются в крупных портовых городах при устьях рек, там, где судоходство превалирует над городским движением. Перейдем к другим, более употребительным типам городских мостов: арочным и балочным.

Арочные мосты можно считать наиболее желательным типом городских мостов. Они допускают очень большие пролеты при езде поверху с минимальной толщиной в замке. К сожалению, при низких берегах устройство езды поверху не всегда удается, но все же очень много таких мостов построено и у нас (в Ленинграде), и за границей. Одно время благодаря влиянию германской теоретической школы и увлечению так называемыми комбинированными системами строилось очень много мостов с ездой понизу в виде металлических арок с затяжкой.

В настоящее время, когда так ценится четкость и компактность композиции, намечается возврат к простым, но четким арочным системам. В качестве примеров можно привести проект моста в Стокгольме, а также городского моста в Горьком (рис. 19), только что открытого для движения.

Из металлических мостов с ездой понизу особенно интересен в архитектурном отношении недавно построенный в Нью-Йорке арочный мост пролетом 510 м, дающий при огромном пролете простое и компактное решение (рис. 20). Другой недавно построенный мост такого же пролета в Сиднее повторяет формы Гельгетского моста в Нью-Йорке (рис. 21 и 22), но в увеличенном масштабе. Эти формы значительно уступают по выразительности и простоте Кильванкульскому мосту, значительно грубее и хуже прорисованы. На рис. 36 представлена арка двухъярусного моста, построенного у нас на Днепрогэзе, одна из наибольших в Европе.

Будущее железобетона — в больших пролетах. Этим объясняется, почему мелкие мосты этого типа долго не находили своего архитектурного выражения. Здесь крупную роль сыграл конструктивизм. Архитектурная проработка мостов этого типа

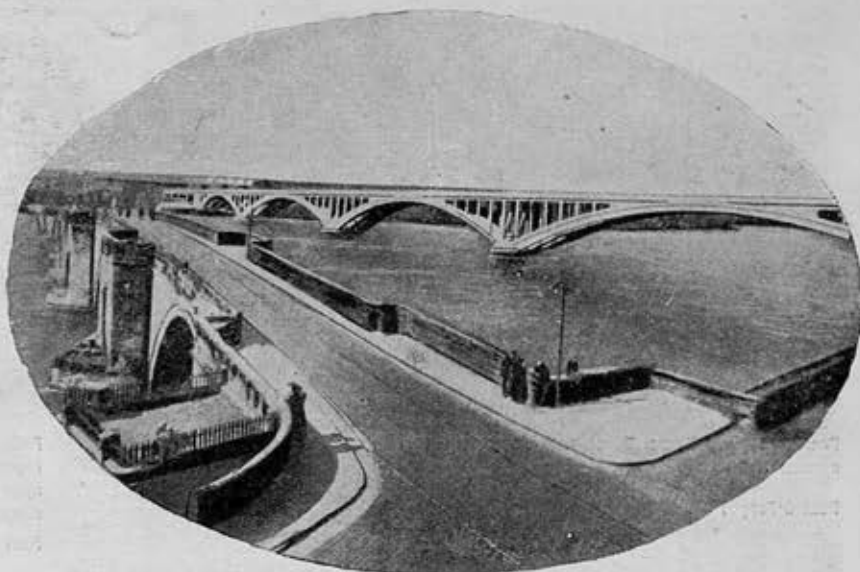

Рис. 24. Бервикский мост в Англии (1928). Железобетонные коробчатые отдельные арки нарастающих пролетов: 51 + 75,6 + 67 + 110 м. Каменный мост впереди подчеркивает изящество железобетонного
Pont de Berwick en Angleterre (1928)

Рис. 25. Мост Конфлан у Парижа (1929). Пролет 126 м, ширина 7 м. Две коробчатых арки для жесткости соединены железобетонной сеткой. Трудный торцовый фасад решен удачно
Pont Conflans près de Paris (1929)

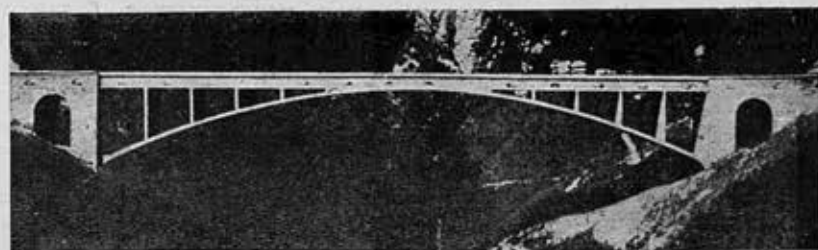

Рис. 26. Мост у Андеера в Швейцарии (1925). Проект Майара. Пролет 43 м. Удачная комбинация, построенная на контрасте тонкой гибкой арки (25 см) и высокой (115 см) балки парапета
Pont près d'Andeer en Suisse (1925)

Рис. 27. Мост в Маннгейме (Германия). Трехпролетная балка. Конкурсные проекты (на Базельский мост) доводят средний пролет такого типа до 110 м.
Pont à Mannheim

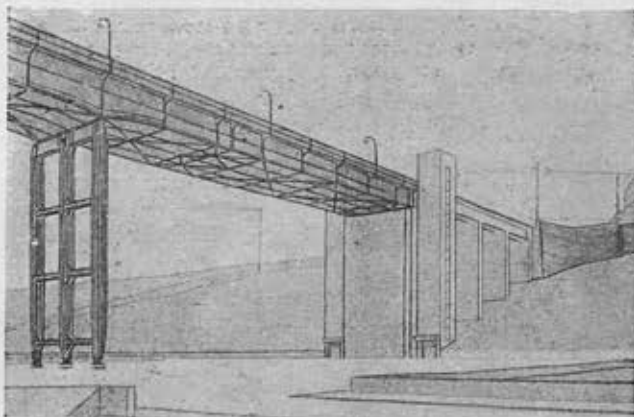

Рис. 28. Мост в Праге. Балочная конструкция эстакады одного из конкурсных проектов

Pont à Prague

Рис. 29. Двухъярусный Элорнский мост во Франции (1927—31). Три коробчатые арки пролетами по 180 м. Поезд проходит сквозь замок арок (высотой 5 м). Проект Фрейссине, арх. Перре. Замечательная композиция, простая и изящная

Pont d'Elorne à voles superposées en France (1927—31)

показала, что законы ритма способны превратить и мелкие конструкции в архитектурный узор. Это видно на рис. 21, изображающем подходы к Гельгетскому мосту в Нью-Йорке.

Овладев свойствами бетона и распораясь его прочностью, уже легко идти к большим пролетам. И начиная с римского моста Возрождения (рис. 23), еще не блестящего архитектурной формой, мы имеем уже целый ряд крупных арочных мостов, в которых использованы все новейшие достижения: коробчатые сечения, система арки с балкой, некустарные способы постройки и т. д.

Довольно красивую форму имеют крупнейшие арочные мосты в Бервике (рис. 24) и Плюастеле (Франция). Очень изящную компози-

цию получили швейцарские мосты в виде балки, усиленной аркою (рис. 26).

Из мостов с ездой понизу кроме Ленинградского следует указать на шведские и финляндские. Интересное устройство соединения между арками дает мост Конфлан близ Парижа (рис. 25).

Большие арки устраивают теперь сквозной конструкции и наибольшие пролеты их достигли уже 460 м на мосту у Сент-Сервана во Франции.

Балочные мосты сквозной системы из металла общезвестны, а потому их не приводим. Сплошные балочные мосты проектируются пролетами до 70 м и даже до 100 м. На рис. 27 дана трехпролетная сплошная металлическая балка моста в Мангейме. На рис. 28 представлена

конструкция железной балочной эстакады для моста в Праге.

Балочные городские мосты из железобетона делаются теперь также очень больших пролетов: сплошного сечения до 100 м, а сквозного — даже до 200 м. На рис. 28 изображен мост сквозной системы в Элорне.

Развитие сложных коробчатых сечений, повидимому, создает большие перспективы и для балочных мостов, хотя и требует большой строительной высоты. На рис. 30 приведено интересное решение этого типа для нового лондонского моста Ватерлоу, которое повторяет в новой интерпретации формы старого железного моста (рис. 31) в Лондоне, также очень оригинальные и красивые.

Рис. 30. Новый мост Ватерлоу в Лондоне. Проект Вильямса. Пролет: 8×42 м, ширина 24 м. Оригинальные колонны диаметром 6 м. поддерживают коробчатую балку около 3 м высоты

Nouveau pont de Waterloo à Londres

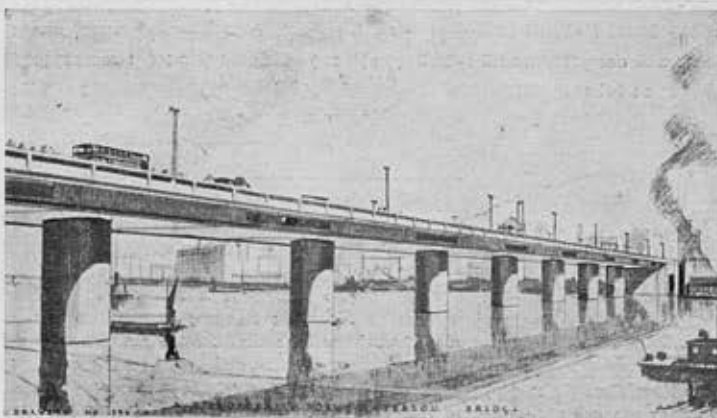

Рис. 31. Мост у станции Кеннонстрит в Лондоне. Металлическая балка-архитрав на металлич. колоннах

Pont près de la station Kennonstreet à Londres

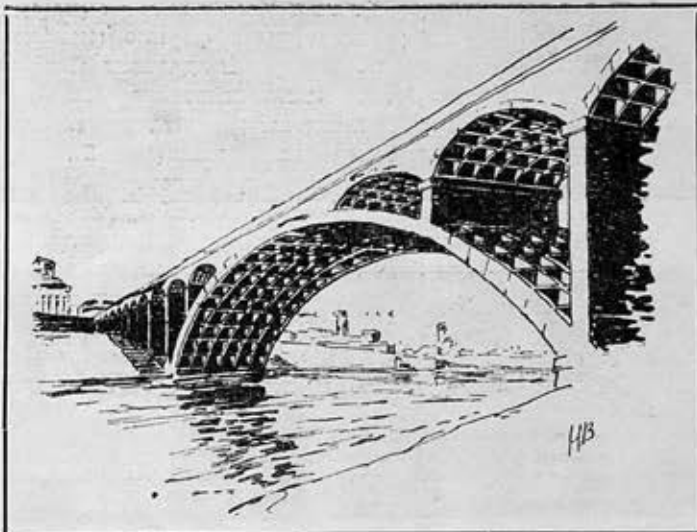

Рис. 32. Мост из плавяного диабзаа (до 100 м)
Pont en fonte de diabase

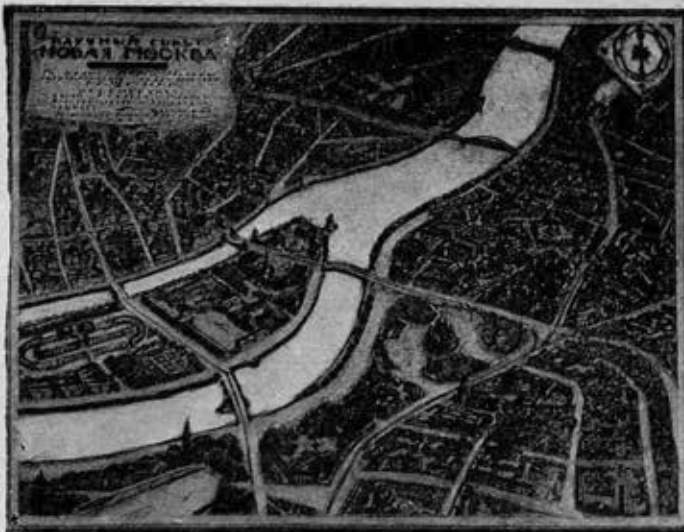

Рис. 33. Перспектива Москва-реки у Кремля согласно планировки 1924 г.
Perspective de la Moscova près du Kremlin selon l'aménagement

МОСКОВСКИЕ МОСТЫ

В короткой статье нет никакой возможности осветить все новости мостостроительства в городах, так как хотелось бы сказать несколько слов и о мостах Москвы, реконструкция которой занимает всех.

Сооружение мостов в Москве тесно связано с несколькими крупными задачами, проводимыми во второй пятилетке.

Это — постройка канала Волга—Москва, создание судоходной Москва-реки с подъемом воды в ней, благоустройство рабочих районов и центральной части города, постройка метрополитена. Мы коснемся каждого из этих крупных вопросов, а затем

остановимся на вопросе выбора материалов для мостов.

С транспортной точки зрения Москву будущего надо рассматривать как речной порт, который с постройкой Волжского канала получит огромное государственное значение. Нам кажется, однако, что нет никакой надобности перегружать центр Москвы лишним движением. Поэтому следует приветствовать решение устроить вокруг Москвы каналы: Восточный или Андреевский, или оба вместе, что освободит центр от излишнего дыма и копоти и даст возможность широко использовать Москва-реку в спортивном отношении. Такое решение позволяет не производить спешной перестройки почти всех московских мостов.

Конечно, устройство каналов потребует немало новых мостов. Но важно то, что их придется строить на сухом месте, т. е. с меньшими трудностями, и в крайнем случае они могут быть временного типа, т. е. деревянные.

В настоящее время хотя и имеются типы деревянных мостов больших пролетов, но для пролетарской столицы Москвы правильнее иметь мосты постоянного типа.

Рабочие районы должны быть снабжены такими мостами в первую очередь, в связи с чем пятилетний план предвидит постройку крайне важных для Москвы мостов: Соймоновского, у Ленинских гор, Трехгорного, у Парка культуры и отдыха, Ново-Арбатского и т. д. Здесь богатое поле

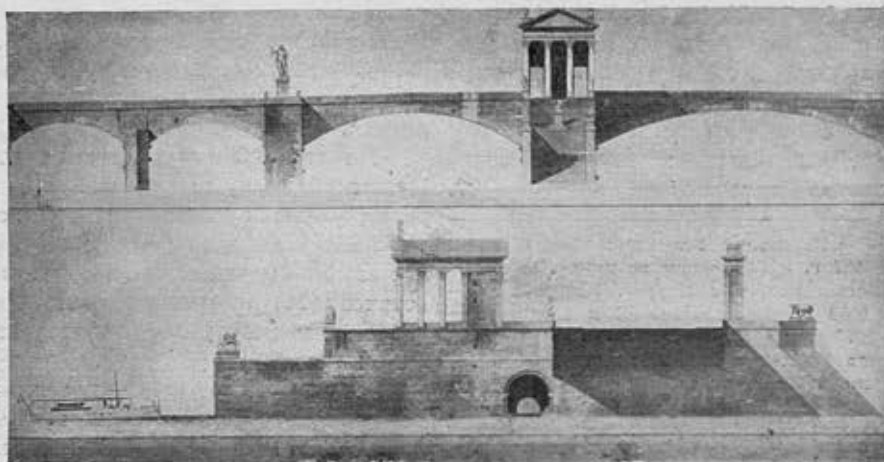

Рис. 34. Проект Б. Каменного моста в Москве (конкурс 1921 г.) акад. Жолтовского и проф. П. Шусева.
Мост — памятник. Связь с берегами подчеркнута нарастающим пролетом

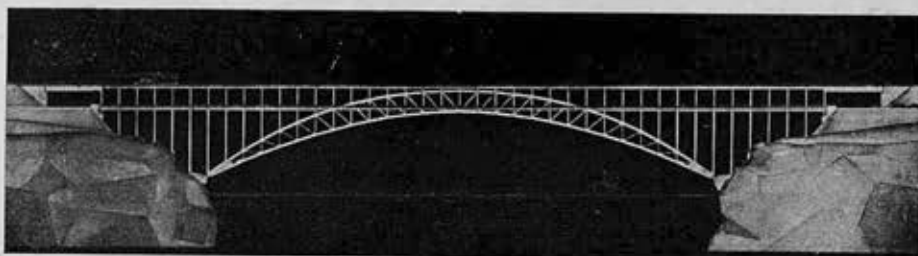
Projet du Grand Pont de pierre à Moscou (concours de 1921)

Рис. 35. Проект моста у Дворца советов. Конструкция из сварных коробчатых железных арок. Пролет 115 м, подъем 1 : 17. Проект проф. Стрелецкого

Projet du pont près du Palais des Soviets. Projet du prof. Strelzky

Рис. 36. Двухъярусный мост через Днепр (1929—31). Наибольший арочный пролет (224 м) в Европе, из кремнистой стали. Проект под рук. проф. Стрелецкого, арх. Веснин

Pont à voles superposées sur le Dniepr (1929—31)

для проектирования, которое крайне важно провести заблаговременно, ибо только заблаговременно можно дать хорошую увязку, хорошее инженерное и архитектурное решение, могущее служить украшением города.

Что касается центральных мостов, то порядок и характер их перестройки в значительной степени зависят от того, какой тип паромов должен будет проходить под ними. Нам представляется, что центр следует освободить от дальних пассажирских перевозок, сосредоточив дальние речные вокзалы по краям его. Тогда с центральными мостами можно будет не слишком спешить и вести их перестройку постепенно¹.

Наиболее животрепещущим вопросом является оформление центра Москвы вокруг будущего Дворца советов. Это место, одно из лучших в городе, всегда привлекало внимание общественности. Еще памятен конкурс 1921 г., объявленный Городецким отделом коммунального хозяйства на составление проектов Краснохолмского, Крымского и Б. Каменного мостов. Первые два были даны в виде металлических — висячей и балочной системы, а последний — в виде каменного арочного (рис. 34).

Дальнейшая компановка этого участка представлена на рис. 33.

¹ И нынешний Каменный мост построен в 1857 г. и был одним из первых железных арочных мостов в Европе, Москворецкий — в 1860 г., Краснохолмский и Крымский — в 1873 г. и несут в обработке следы модного тогда увлечения ложной готикой. Обращаем внимание также на забытый Дворцовый мост у Коровьего брода, создание которого приписывается знаменитому инженеру-архитектору Чернове.

Доминирующую роль в этой компановке играл Кремль. Расположенный возле него Каменный мост был скомпанован по принципу аналогии и имел, как и Кремль, мелкие деления-пролеты. Следующий мост — Соимоновский, как более отдаленный, спроектирован по принципу контраста в виде одной большой арки пролетом около 100 м. Пробные подсчеты, сделанные под моим руководством для дипломного проекта в одном из вузов, показали, что арку возможно сделать даже из камня при подъеме около 1 : 6, что требовало довольно высоких въездов на мост в виде эстакады.

Выше мы уже говорили о примерах удачного использования местных топографических условий — островов в черте города. Москва в этом отношении отстала от других городов, а между тем против Кремля имеется обширный остров между Москва-рекой и каналом, оформление которого представляет весьма ответственную и благодарную задачу, соответствующую приведенным выше историческим примерам оформления островов. Очевидно, в общую компановку должны входить и мосты через канал, расположенные на продолжении москворецких.

На рис. 33 виден также новый Крымский мост, намеченный в виде двух неравных пролетов: большой подчеркивал тяготение моста к городу, а малый — начинающееся здесь ответвление Москворецкого канала. Еще далее виден мост у Парка культуры и отдыха.

В настоящее время положение коренным образом изменилось. Центральным и господствующим над всем

архитектурным пейзажем этой части города будет грандиозное здание Дворца советов, а потому и компановка мостов должна быть ему подчинена. Можно заранее сказать, что многопролетные мосты будут слишком малы рядом с дворцом. Здесь напрашиваются мосты однопролетные, в крайнем случае двухпролетные.

Вода — такое украшение города и здания, что наиболее правильным нам представляется устройство двух широких мостов, которые могут быть красиво увязаны со зданием дворца. На рис. 31 представлен один из таких мостов, который можно рассматривать, как часть простого и солидного цоколя, над которым будет возвышаться Дворец советов. Можно было бы, конечно, всю реку перед дворцом перекрыть одним громадной ширины мостом-площадью, но такое решение значительно хуже.

Очень выгодны условия проектирования моста перед Дворцом техники против Парка культуры и отдыха. Однопролетное решение здесь будет слишком дорогим. Вместо него возможно двухпролетное с эстакадой в парке. Мы не будем останавливаться на определении типов других мостов, полагая, что этот вопрос подлежит тщательной заблаговременной проработке. Мы только думаем, что мосты должны быть достаточно широки, в особенности тротуары, что всегда придает им чрезвычайно импозантный вид (как у путепровода близ Белорусско-Балтийского вокзала).

Вблизи Бородинского моста предвидится пересечение реки метрополитеном, который предполагается про-

цуетить здесь по специальному мосту, и далее на эстакадах сквозь Брянский вокзал. Нам это решение представляется довольно эффективным, но необходимо позаботиться об удачном оформлении этого моста, так как расположение двух мостов рядом — очень трудная и ответственная в архитектурном отношении задача. Тип перехода напоминает приведенный на рис. 15. Отказ от устройства метрополитена на эстакадах в черте города, где они создавали бы лишь загромождение, и выведение его на поверхность только в малонаселенных местах, следует также приветствовать.

Из какого же материала должны строиться мосты? Основными материалами в настоящее время считаются металл и бетон. Металлу возможно придавать различные желательные формы; применение сварных конструкций позволит ввести в них много нового (рис. 35).

Нержавеющая сталь, дюралюминий открывают здесь новые перспективы. Но столь же интересные, порою монументальные формы, можно получить и при массивных конструкциях. Выбор зависит от экономических и производственных условий.

Техника массивных сооружений уже и сейчас позволяет говорить о еще более легких и изящных конструкциях, чем обыкновенные железобетонные. Сюда можно отнести в первую голову бетон, усиленный чугу-

ном, позволяющий значительно снизить сечения и дать очень изящные решения.

Бетон, усиленный железными трубами, наполненным бетоном же, примененный для Ленинградского моста, также может дать много нового. При дипломном проектировании в одном из вузов оказалось возможным получить арку такой конструкции пролетом 230 м. Дальнейшую разновидность представляет конструкция из железных, наполненных бетоном труб, разработанная у нас в Союзе Стальмостом. На очереди применение для мостов пластмасс и армированных композитов.

Мы полагаем, что и чисто каменные конструкции вовсе не являются таким анахронизмом, каем часто их себе представляют. Наоборот, плавленый диабаз и базальт представляют последние новинки техники. Обладая многими свойствами чугуна, они могут заменять его в разных случаях, они неэлектропроводны, кислотостойки. В НИИ МИСИ спроектирован мост пролетом 100 м (рис. 32) из диабазовых коробок, имеющий своеобразно монументальный вид. Заплавка в диабаз арматуры, как показывают лабораторные опыты, обеспечивает прочность, превосходящую в несколько раз прочность железобетона.

Плавленные материалы вполне пригодны для отливки скульптуры и могут давать очень изящную и тонкую

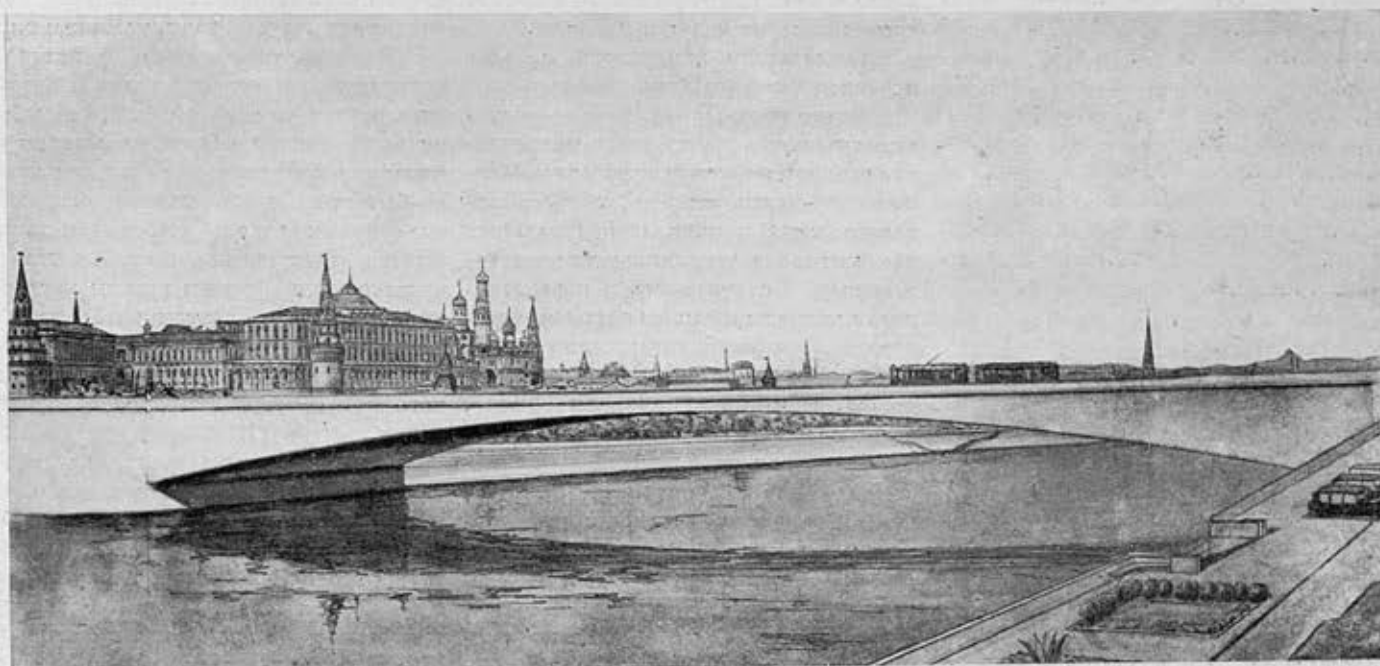
облицовку красивых тонов. Такой тип скульптуры нам кажется вполне современным. Мы полагаем, что в частности и архитектура мостов вполне может, сохраняя чисто конструктивные формы, заключать в себе элемент декоративности в виде колонн, скульптуры и т. д., который будет только подчеркивать значение основных конструктивных линий.

Но и обычное каменное сырье, которым окружена и на котором стоит Москва, еще не потеряло своего значения. При развитии одного только Метроостроя потребуется столько щебня, что волей-неволей придется развивать подмосковные карьеры, а правильная организация и механизация карьерного хозяйства позволит иметь сравнительно дешевую облицовку, могущую заменить привозную, для мостов и набережных, большинство которых облицовано местным камнем.

Не касаясь за недостатком места других интересных деталей, хотелось бы в заключение выразить пожелание о необходимости самого тесного сотрудничества инженера и архитектора в деле городского мостостроения.

Вторая пятилетка обязывает коммунальные органы уделить максимальное внимание городскому хозяйству и в частности мостостроительству. Заблаговременная и тщательная проработка проектов даст возможность получить хорошо продуманные сооружения.

Рис. 37. Проект моста у Дворца советов. Коробчатая ж.-б. арка. Пролет 115 м, под'ем 1:13. Проект проф. П. Шусева (для Горьмоста), арх. Француз (1931—32)
Projet du pont près du Palais des Soviets. Projet du prof. Tchoussev, arch. Franzus

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРЬКОВ

ПЕРЕПЛАНИРОВКА И АРХИТЕКТУРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ХАРЬКОВА

А. Л. ЭЙНГОРН

Харьков является крупным административно-хозяйственным промышленным и научным центром.

В соответствии с этим интенсивно растет и численность населения города. С 380 тыс. чел. в 1926 г. оно возросло к 1932 г. до 836 тыс. чел., т. е. увеличилось за 6 лет в 2,2 раза.

Совершенно изменилось за этот период и внешнее лицо города.

Вечно грязные, булыжные мостовые сменились на главных магистралях гладким и чистым асфальтом. Мелкие одно-двухэтажные, полусособнякового типа домики в центральных частях города уступили место многоэтажным. Надстроились и перестроились многие из крупных общественных зданий, возникли совершенно новые жилые районы — на Лосевской площадке, в Нагорно-Парковом районе, в районе площади Дзержинского и т. п.

Сооружен на месте прежнего пустыря административно-хозяйственный центр с тремя зданиями-гигантами: Домом госпромышленности, Домом проектных организаций и Домом кооперации.

Непрерывно и интенсивно расширяется сеть водопровода и кана-

лизации, трамвай перешел на широкую колею и сеть его ежегодно увеличивается, введены в эксплуатацию первые очереди теплофикации и газификации, строится новая теплоэлектроцентраль мощностью в 60 тыс. киловатт. Строятся школы, больницы, поликлиники, клубы, ясли, театры и т. п.

Капиталовложения в жилищно-коммунальное строительство Харькова растут из года в год. Но как бы ни были велики капиталовложения в жилищно-коммунальное и культурно-бытовое строительство города, это строительство не может поспеть за быстро растущими потребностями, вызываемыми бурным ростом населения, а также и ростом требований трудящихся к качеству и размерам жилья, к высоте коммунального и культурно-бытового обслуживания.

Средняя этажность города, взятая не по количеству строений, а по их объему, составляет всего 2,5. Это значит, что более 60 проц. кубатуры строений Харькова заключается в домах не выше 2 этажей. Сохранились целые районы города в основном одноэтажные. Эти районы не могут

Площадь Дзержинского в Харькове
Place Dzerjinsky à Kharkov

быть канализованы. Канализацией оборудовано всего 32 проц. всех строений, водопроводом 48 проц. (данные 1931 г.). Сохранились жилые районы в низменных долинах рек, с высоким стоянием грунтовых вод, для здорового жилья не пригодные. Промышленные предприятия, осевшие в санитарных районах города благодаря бесплановому хаотическому росту города в капиталистических условиях и вредно влияющие на окружающее жилье, отсюда еще не выведены.

Наследие старого — концентрация культурно-бытовых учреждений в центре города, взамен равномерного их распределения по всей территории города, — еще полностью не изжито; противоречия между центром и окраинами в смысле высоты коммунального и культурно-бытового их оборудования имеются еще и в социалистическом Харькове.

Сеть уличных магистралей, стихийно сложившаяся в ярко выраженную радиальную систему, не корректирована еще кольцевыми и секущими улицами, что создает непреодолимые препятствия для развития внутригородского транспорта.

Внутригородские зеленые насаждения, столь необходимые для города как с точки зрения санитарно-гигиенической и культурно-бытовой, так и с эстетической, не только не развились до необходимых размеров, но в центральной части города, всегда наиболее бедной зеленью, даже уменьшились в процессе интенсивных понок участков для нового строительства, в процессе уширения улиц для нужд транспорта.

Сохранившиеся в отдельных усадьбах внутриквартальные зеленые насаждения еще не объединены, не

сделались доступными для общего пользования. Внутри кварталов еще сохранились заборы, разделявшие кварталы на бывшие «частновладельческие усадьбы».

Пресловутые «реки» Харькова, значительно благоустроенные и обводненные за последние годы по сравнению с прошлым, все же еще не стали подлинными элементами оздоровления и украшения города.

Лицо старого «губернского», буржуазно-помещичьего Харькова еще проглядывает кое-где, однако уже определяется новое лицо города.

Изжить это старое наследие, использовать и улучшить все ценное, снести негодное и заменить новым, привести город в состояние полного соответствия тем требованиям, которые должны быть предъявлены к крупному центру Украины, — задача большая и сложная. Пути ее разрешения и намечены в генеральном проекте реконструкции Харькова, разрабатываемом в настоящее время Государственным институтом по проектированию городов УССР (Гипроградом УССР).

При определении перспектив промышленного развития Харькова были учтены директивы июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б) об ограничении роста наиболее крупных городов Союза. В соответствии с этим перспективы роста промышленности Харькова ограничены доведением существующих промышленных предприятий до их оптимальных размеров.

Вторая задача — переустройство их на новой технической базе и создание новых промышленных предприятий, необходимых для превращения харьковской промышленности в ряд комбинатов, технологически и эконо-

Район площади Дзержинского в Харькове до реконструкции (1930)

Le rayon de la Place Dzerjinsky à Kharkov avant la reconstruction

Один из типичных примеров старой застройки в Нагорном районе в Харькове

Kharkov. Exemple caractéristique des vieilles constructions de la ville haute

мически связанных между собою. Проект предусматривает предельное увеличение социально необходимого населения Харькова до 1 810 тыс. жителей.

В настоящее время, при чрезвычайно неблагоприятных условиях транспортных связей пригородной зоны с Харьковом, значительное количество населения, связанного трудовыми связями с городом, проживает вне города. Анализ условий расселения в пригородной зоне, учет темпов улучшения транспортных связей пригородов с городом дает возможность определить на ближайшее будущее количество населения, проживающего в пригородах в 185 тыс. человек и таким образом определить население собственно города в 1 625 тыс. человек.

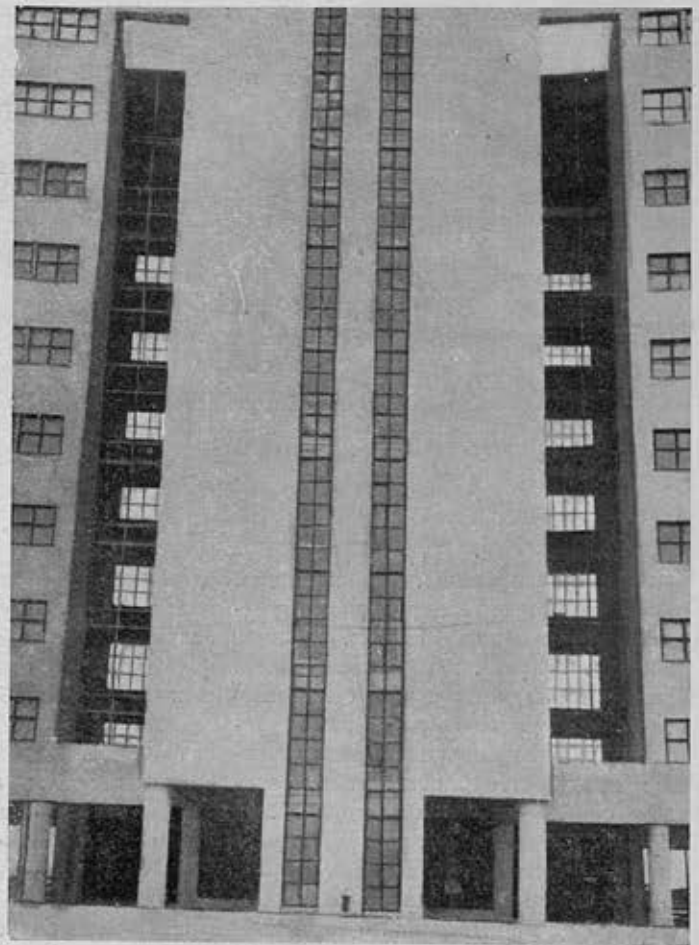
Изучение вопроса о плотности населения города привело к выводу, что на свободных, ранее не застроенных территориях, а также в районах города с мелкой одно-двухэтажной застройкой, почти полностью подлежащей сносу и замене капитальным многоэтажным фондом, плотность нетто при 9,0 кв. м жилой площади может быть установлена в 475 человек на га. Детальное изучение существующего жилого фонда в центральных частях города с существующим капитальным и многоэтажным жилым фондом заставило повысить плотность нетто для этих районов до 700 человек на га при 9,0 кв. м жилой площади.

Соответствующие плотности брутто, тоже с учетом более сжатых норм для зданий общественного назначения и зеленых насаждений в капитально застроенных районах получились в 240 и 300 человек на га санитарной территории.

Однако общий размер территории города запроектирован из расчета жилищной обеспеченности не в 9,0 кв. м на жителя, а 13,5 кв. м для того, чтобы иметь уверенность в том, что город не будет стеснен в своем территориальном развитии до своих предельных размеров.

Если отвлечься от общепринятого показателя плотности нетто (количества населения, приходящегося на 1 га квартала), который постоянно меняется в зависимости от непрерывного роста жилой площади, приходящейся на одного жителя, и обратиться к стабильному показателю, характеризующему принятую плотность застройки, независимо от изменяющейся плотности заселения, то мы получим соответственно 31 тыс.

Дом проектных организаций. Деталь центрального корпуса

Maison des bureaux techniques. Détail du bâtiment central

и 47 тыс. куб. м строений на 1 га квартала.

Изучение топографических, естественно, исторических условий Харькова, а также его промышленно-строительного, коммунально-хозяйственного, культурно-бытового фонда приводит к следующим основным моментам, которые должны быть зафиксированы в плане реконструкции города.

1. Сохранение основных пяти промышленных площадок: Краснозаводской, Лосевской, Ново-Баварской и Москалевско-Основянской и Павлово-Ивановской. Осевшие на этих площадках промышленные предприятия не могут быть куда-то перенесены, и, следовательно, должна быть резервирована территория для их развития.

2. Основной железнодорожный диаметр, пересекающий город на две части, также сохраняет свою трассу, с сохранением на нем центрального железнодорожного пассажирского вокзала и главной товарной станции,

3. Новый, еще незаконченный строительством, мощный центр административно-хозяйственных учреждений вокруг площади им. Дзержинского сохраняет свое функциональное назначение.

4. Уличная сеть Центрального нагорного района как района, имеющего наиболее капитальную застройку, наиболее полное коммунальное оборудование и благоустройство, в основном сохраняется. Сохраняется в основном и функциональное назначение отдельных частей этого района. Реконструктивно-перепланировочные мероприятия для него должны быть ограничены:

а) перепланировкой улиц и площадей в пределах, диктуемых интересами внутригородского транспорта; б) реконструкцией части строительного фонда с сохранением всех капитальных многоэтажных и неамортизированных строений; в) выносом из него тех предприятий и учреждений, которые нарушают принцип функцио-

Дом проектных организаций в г. Харькове. Строительство начато в 1930 г. и в основном закончено к октябрьским торжествам 1933 г. Авторы проекта — проф. С. С. Серафимов и арх. Зандберг. Основные строители — инж. Шейер, инж. Медведовский и арх. Вельчиков. Кубатура сооружения 282 000 куб. м. Конструкция — железобетонный каркас с заполнением ракушечным камнем, перекрытия в основном железобетонные

Maison des bureaux techniques à Kharkovh. Projet de l'arch. S. Serafimov et de l'arch. Zaudberg

нального районирования города (мелкие промышленные предприятия и т. п.); г) его архитектурной реконструкцией.

Основной руководящей идеей проекта является размещение жилых районов будущего Харькова в наиболее здоровых возвышенных частях территории, с использованием промежутков между ними, низменных и менее здоровых долин рек, для размещения местной промышленности, складского хозяйства и прочих вспомогательно-обслуживающих элементов города, а также зеленых насаждений.

В результате были определены пять основных жилых районов. Первый из них — Центральный район; эта в основном сохраняемая часть существующего

Харькова по своим природным и строительным особенностям может быть разбита на три подрайона: Центральный нагорный, центральный Краснозаводской и Свердловско-Благовещенский.

Центральный нагорный район расположен на возвышенности, заключенной между долинами рек Лопань и Харьков. Рельеф его непрерывно поднимается по направлению от юга к северу. В этом районе расположены в настоящее время все советские, хозяйственные, общественные и научные учреждения, главная масса высших учебных заведений, наиболее капитальный жилищный фонд; в нем коммунальное оборудование и благоустройство наиболее развиты. Дальнейшее его территориальное развитие по условиям топографии местности возможно только на север. Однако в северном направлении город уни-

Уголок Профсоюзного сада в Харькове
Вдали Дом проектных организаций

Partie du square des Syndicats à Kharkov
Au fond la Maison des bureaux techniques

Дом ЦК КП(б)У. Перестройка ранее существовавших корпусов. Арх. Л. А. Штейнберг

Maison du C. E. C. du Parti Communiste. Reconstruction des bâtiments existants. Arch. L. Steinberg

рается в чрезвычайно ценный зеленый массив лесопарка и Померок. Поэтому расширение города в этом направлении предположено ограничить освоением сравнительно небольшого участка — Павлово-Поле. Функциональное назначение этого селитебного района в основном остается без изменения, как смешанного района административно-хозяйственных учреждений областного и общехарьковского значения, научных учреждений и высших учебных заведений, территориально не долженствующих быть связанными с промышленными предприятиями, наконец, жилья для населения, связанного со всеми этими учреждениями.

Характер застройки и уличная сеть в основном в этом районе сохраняются, намечается только ряд реконструктивных мероприятий в направлении равномерного и рационального размещения учреждений культурно-бытового обслуживания населения; реконструирование поуседебного жилищного хозяйства в поквартальное, с частичным укрупнением кварталов, и окончание начатого укрупнения жилищного фонда путем сноса мелких и малокапитальных домовостроений и служб и надстройки этажей над более капитальными.

Второй подрайон Центрального района — Краснозаводской — расположен между долиной реки Харькова и полосой отчуждения бывш. Балашовской жел. дороги. Отметки его ниже Нагорного подрайона, однако санитарно-гигиенические показатели его все же можно признать вполне удовлетворительными.

В основной своей массе он застроен одноэтажными одноквартирными жилыми домами. Однако за последние годы, а частично и до революции, в этом районе, непосредственно примыкающем к старой промышленной базе Харькова (ХПЗ, «Серп и молот» и т. д.), начало развиваться и укрупненное многоэтажное жилищное строительство, разбросанное маяками по всему району. По функциональному назначению этот подрайон сохраняется, как селитебный район для трудящихся, занятых в прилегающих промышленных предприятиях.

В этом районе предположены значительные реконструктивные мероприятия — снос мелкой некапитальной одноэтажной застройки, с заменой ее крупным жилищным и культурно-бытовым фондом. Перепланировочные мероприятия возможны в нем достаточно решительные, ибо ограничиваются они только необходимостью сохранения сравнительно небольшого количества капитальных зданий.

Третий подрайон — Свердловско-Благовещенский — имеет примерно те же санитарно-гигиенические показатели.

Это один из старейших районов города. Благодаря его близости к железнодорожному вокзалу и центральной товарной станции он развивался как смешанный жилой и оптовоскладочный торговый район. Функциональное его назначение в основном сохраняется. Размер селитебных территорий определяется в 170 га.

Всего в Центральном районе города проектируется расселить 576 тыс.

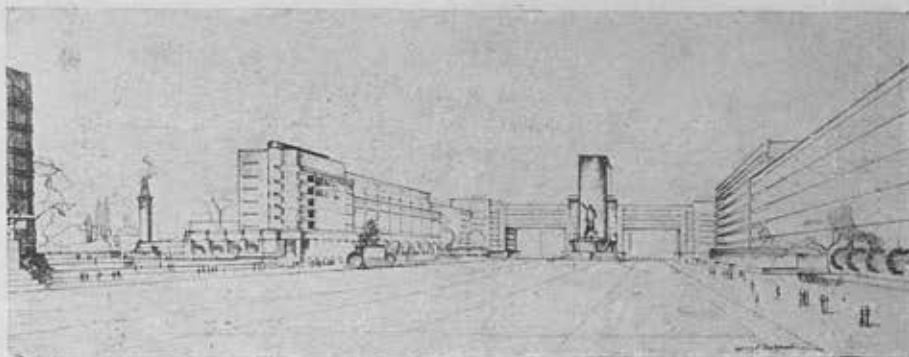
населения при 9,0 кв. м душевой жилой площади и 384 тыс. — при 13,5 кв. м, т. е. при максимальном проектном разуплотнении.

Второй селитебный район — Салтовский — является, как бы развитием Краснозаводского подрайона Центрального района. Располагается он на возвышенном плато, заключенном между долинами рек Харьков и Немышла, и вытягивается на восток, параллельно линии развития основной тяжелой промышленности Харькова. Этот район, занятый в настоящее время сельскохозяйственными предприятиями, почти не застроен. Возвышенное его местоположение, а также направление господствующих ветров позволяют располагать его в достаточной близости от части нахождения промышленных предприятий, с соблюдением принципов точности, не опасаясь загрязнения воздуха дымом и копотью предприятий.

В Салтовском районе надо будет расселить 370 тыс. населения, что при нормальной плотности брутто потребует 1 500 га территории. При разуплотнении до 13,5 кв. м количество жителей этого района должно увеличиться до 400 тыс., что уже при плотности брутто в 160 человек на га потребует увеличения освоенной территории до 2 500 га. Таким образом 1 000 га селитебной территории Салтовского района являются планировочным резервом для разуплотнения города за пределами 9,0 кв. м площади.

Третий селитебный район — Лосево-Основянский — расположен также на возвышенной местности к югу от основных промышленных предприя-

Проект архитектурного завершения площади
Дзержинского в Харькове
Перспектива
Арх. В. Андреев

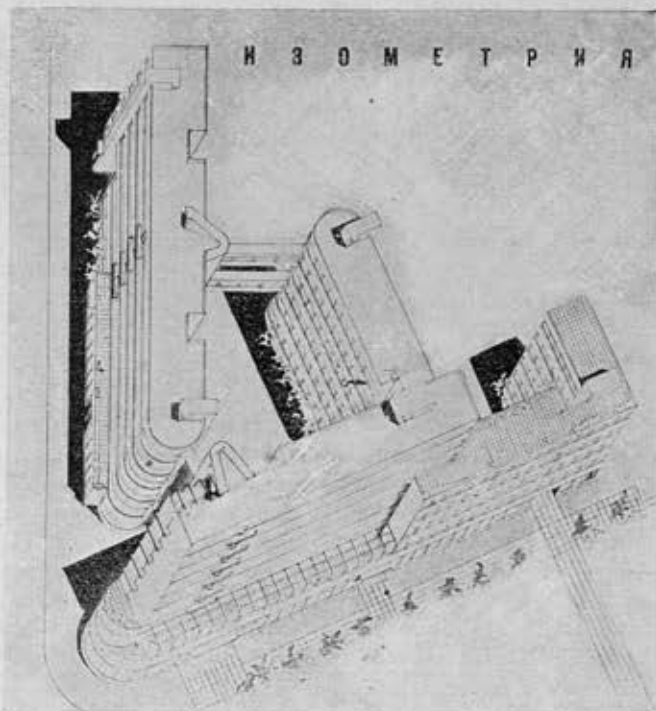

Projet de l'achèvement de la composition architecturale
de la Place Dzerjinsky à Kharkov. Perspective
Arch. W. Andreew

тий. Начинается он в непосредственной близости от Харьковского тракторного завода, Станкострой и пр., иначе говоря — от Лосевской промышленной площадки и развивается от нее на юго-запад, оглябая с юга Харьков. Этот район начал застройкой в 1930 г. по принципам квартальной застройки жилищными комплексами и только в незастроенной части должен подвергнуться перепланировке, поскольку первоначальный проект застройки этого района не был достаточно увязан с рельефом местности и главное — со схемой планировки всего Харькова в целом.

При 9,0 кв. м жилой площади в этом районе должно будет расселиться 350 тыс. населения, для чего требуется 1400 га селитебной территории. При 13,5 кв. м жилой обеспеченности количество населения возрастет до 425 тыс., а потребная площадь территории до 26 тыс. га, что дает планировочный резерв в 1200 га.

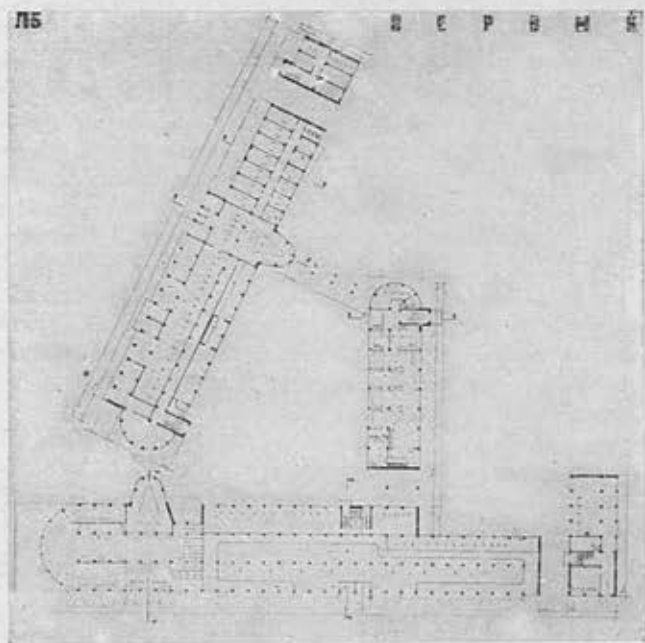
Проект строящейся гостиницы „Интурист“ на пл.
Дзержинского
Аксонометрия
Арх. Яновицкий

Projet de l'hôtel „Intourist“
en construction sur la Place
Dzerjinsky. Axonomie
Arch. Janovitzky

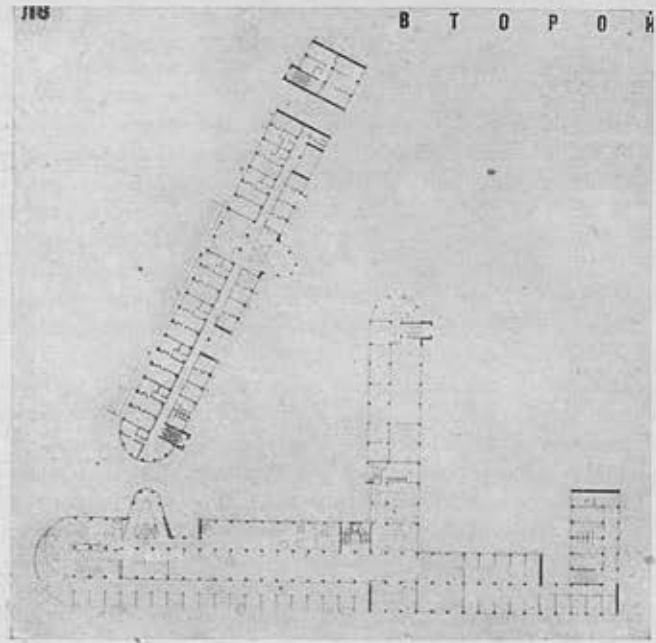
План I этажа

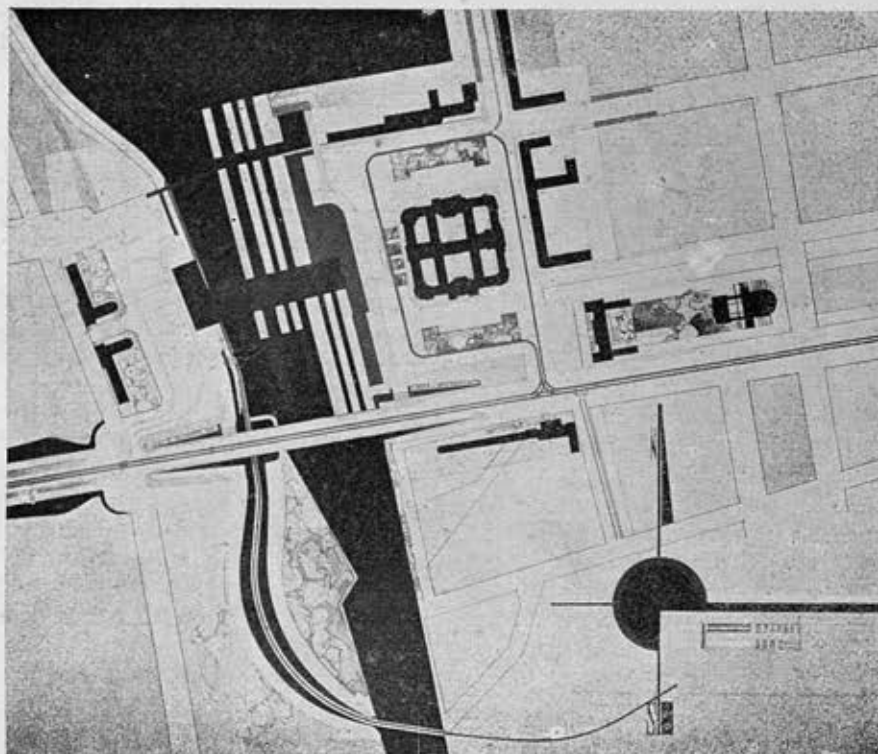
Plan du rez-de-chaussée

План II этажа

Plan du I étage

Проект реконструкции привокзальной площадки в г. Харькове. Арх. Б. Приймак

Projet de la reconstruction de la Place de la Gare à Kharkov. Arch. B. Priymak

Четвертый район — Ново-Баварский. Этот район развивается на базе ближайших к Харькову пригородных поселений Новая Бавария и Липовая Роща. Функциональное его назначение — размещение жилья для трудящихся, занятых в прилегающих промышленных предприятиях, и частично для населения, занятого сельским хозяйством в прилегающих районах.

Численность его населения, одинаковая для обоих периодов расселения, определяется в 100 тыс. человек. Учитывая неизбежное отставание в этом районе коммунального оборудования, плотность брутто для него принимается несколько ниже нормальной, т. е. 220 человек на га при 9,0 кв. м, что составит 455 га селитебной территории, и при 13,5 кв. м 710 га, что дает 255 га планировочного резерва.

Последним пятым селитебным районом Харькова намечен район Холодной Горы — это возвышенный район, расположенный к западу от основного харьковского железнодорожного узла. Район этот с юга ограничивается поймой реки Уды, с запада — лесом, а северная его граница совпадает с северной границей поселка «Красный Октябрь». Залютин Яр, пересекающий площадку, разделяет ее на две части, из которых основная часть застроена малоцен-

ным некапитальным жилым фондом Новоселовки, Рубановки, Холодной Горы, Лысой Горы и пр. Западная же часть, примерно равная по площади восточной, свободна от застройки. Функциональное его назначение — размещение населения, частично связанного с новобаварской промышленностью, а также в предприятиях местного назначения, расположенных и запроектированных в долине реки Лопани.

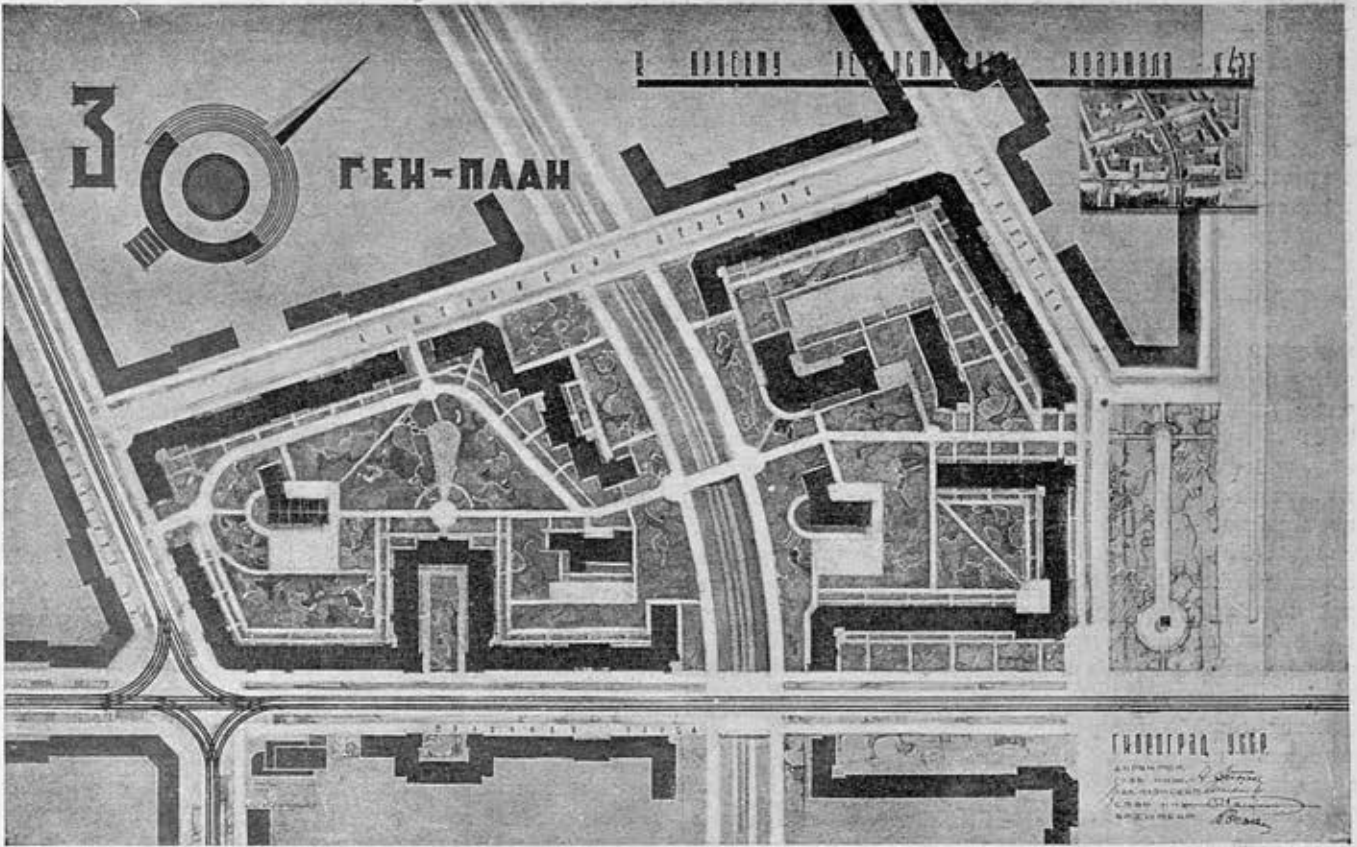
В стадии расселения при 9,0 кв. м жилой площади в этом районе надо расселить 240 тыс. человек; при нормальности застройки принятый для этого района размер потребной территории определяется в 960 га. При увеличении жилищности до 13,5 кв. м количество населения в этом районе должно возрасти до 320 тыс. человек, а размер потребной селитебной территории до 2 000 га. Планировочный резерв этого района определяется таким образом в 1 040 га.

Переходя к анализу функционального использования остальных частей территории города, прежде всего надо остановиться на районе Павлово-Ивановском, расположенном в низменности долины реки Лопани. В этом районе в настоящее время расположен ряд промышленных предприятий и мелкий, в основном одноэтажный, жилой фонд.

Проектом в этом районе намечается значительное развитие железнодорожных устройств и вспомогательных к ним предприятий, предприятий пищевой промышленности, гаражи и ремонтные мастерские при них, а также теплоэлектроцентраль для обслуживания Нагорного района. Вдоль выпрямленного русла реки Лопани намечаются широкие полосы зеленых насаждений.

Долина реки Харькова — Журавлевский район — представляет собой один из самых неблагоприятных в санитарном отношении районов. Он подвергается периодическим наводнениям при разливе реки Харькова, застроен наименее капитальным жилым фондом. Это район, независимо от своего функционального назначения, должен подвергнуться воздействию серьезных мелиоративных мероприятий для того, чтобы, по крайней мере, предотвратить его антигигиеническое влияние на прилегающие районы. Основное планировочное функциональное назначение этого района — зеленые насаждения, глубоко таким образом входящие в территорию города (районный парк культуры и отдыха), и небольшое количество обслуживающих предприятий Салтовского района.

Последний из районов старого города — район Москалевско-Занковский. В настоящее время это район

Реконструкция жилого квартала
в Краснозаводском районе г. Харькова. Арх. Еськов

Construction d'un quartier d'habitation
du rayon Krasnozavodsky de Kharkov. Arch. Esskov

К проекту реконструкции квартала № 433
ГЕН-ПЛАН СУЩЕСТВУЮЩЕГО КВАРТАЛА

смешанный, в котором наряду с малоценной жилой застройкой расположены значительные железнодорожные устройства, складочные учреждения, несколько довольно крупных металлообрабатывающих заводов и предприятия пищевой промышленности. Район низменный, с высоким стоянием подпочвенных вод, с крайне отрицательными санитарно-гигиеническими показателями. Если ко всему этому добавить, что даже существующие предприятия требуют добавочных территорий для своего развития и развития железнодорожных подъездных путей, которые неминуемо разрезают этот район на мелкие части, то станет понятным решение специализировать этот район, как район промышленно-складской, с выводом из него жилого строительства. Использовать его намечено для вспомогательных сооружений электрических ж. д., для развития строительной и пищевой промышленности, транспортного складского хозяйства и пр. Берега рек намечено зазеленить широкими полосами для создания защитной зеленой зоны.

Таким образом территория будущего Харькова, заключающая в себе как селитебные районы, так и обслуживающие, а также районы основной промышленности, представит собой фигуру, приближающуюся по своей форме к прямоугольнику, протяженность которого в направлении с запада на восток определяется в 20 км, с севера на юг — 16 км. При таких размерах общей территории города исключительное значение приобретает проблема внутригородских сообщений.

Существующий план Харькова являет собой типичный радиальный план капиталистического города, развивавшегося стихийно по радиусам-дорогам, пересекавшимся в одной точке — старом центре небольшого поселения. Таких радиусов, пересекающихся в старом центре города, можно в Харькове насчитать десять.

Некоторые из этих радиусов достаточно четко входят в центральный планировочный узел города, другие (Шехановская, Москалевская, Запковская) при подходах к этому центру теряют свою четкость, разбиваясь на проезды и переулки.

Основной перепланировочной задачей, выраженной в проекте, является решение кольцевых, секущих и обходных магистралей, которые создали бы связь между всеми районами

города, минуя ленту трех площадей. Добавочными моментами, которые требовали перепланировки магистралей центральной части города, являлись: 1) улучшение связи центрального ж.-д. вокзала с городом, 2) перенесение (временное) всего пригородного пассажирского движения на Северо-Донецкую Леваду и 3) необходимость лучшей транспортной увязки вновь созданного административно-хозяйственного центра вокруг площади Дзержинского со всеми частями города. Для разрешения этих проблем в схеме намечены следующие основные перепланировочные решения. Проектируется новая магистраль от нового вокзала на восток, поднимающаяся Бурсацким сквером в нагорную часть. Крутизна этого подъема смягчается соответствующими земляными работами и доводится до уклона в 3—4 проц.

Таким образом ул. Свердлова, которая в настоящее время выполняет две функции, служит для связи Холодногорского района с центром города и является основной магистралью, связывающей центральный железнодорожный вокзал с центром, а через него и с другими частями города, сохраняет за собой только одну функцию — связь Холодногорского района с центром города. Между этими двумя параллельными магистральями, за счет расширения Рождественской улицы, создается удлиненная площадь, которая дает возможность переключаться движению с одной магистрали на другую без загрузки ленты трех площадей.

Далее от вокзала проектируются две обходные магистрали, образующие как бы полукольцо в северо-восточном и юго-восточном направлениях. Юго-восточное направление, идущее вдоль Гончаровского сквера, пересекает реку Лопань новым мостом и, проходя мимо пассажирской станции пригородного сообщения — Северо-Донецкой Левады, вливается в Плехановский радиус, далее переключается в радиус ул. броненосца «Потемкина». Северо-восточное полукольцо связывает вокзал с нагорной частью города, вливаясь в площадь Дзержинского, и продолжается далее, по Сорокиному переулку и Белгородскому спуску, также в восточную часть города. Это полукольцо осуществляет таким образом связь района площади Дзержинского как с восточной, так и с западной частью города.

Параллельно с этим связь района

площади Дзержинского с восточным прилегающим районом осуществляет также пробивкой Бассейной ул. для непосредственной ее связи с первой кольцевой, огибающей площадью Дзержинского с севера. Для связи района площади Дзержинского с северными и южными районами города проектируется почти прямая магистраль, проходящая через центр площади Дзержинского и пересекающая на две почти равные части районы Щатиловки, Павлола Поля, пересекающая Зоологический и Профсоюзный сады и вливающаяся в ул. Свободной академии, до которой предполагается расширить площадь Тевелева.

Значительные перепланировочные мероприятия намечены также в районе старого центра города — ленты трех площадей. Расширяется, как уже упоминалось, площадь Тевелева на восток за счет сноса всего квартала, на котором расположено старое здание ВУЦИК, для принятия в эту расширенную часть площади потока движения с вокзальной магистрали и с магистрали от площади Дзержинского. Расширяется площадь Розы Люксембург в направлении к месту слияния рек Лопань и Харькова, для облегчения устройства глубокого ввода электрических железных дорог и для спрямления подхода Москалевского радиуса к центру. Расширяются и спрямляются связи площади Розы Люксембург в восточной ее части с южным полукольцом, соединяющим вокзал с восточным заводским районом, что одновременно и увязывает ее с Северо-Донецкой Левадой. Наконец, пробивается прямой выход с площади Розы Люксембург на восток в направлении улицы броненосца «Потемкина».

Начало Пушкинской улицы, являющейся в настоящее время единственной трамвайной магистралью, связывающей центр города с Нагорным районом и городским парком, и имеющей единственный боковой выход через площадь Тевелева, соединяется при помощи небольших сломок зданий и уширения улиц с новой вокзальной магистралью по переулку Мещникова, с южной частью города в обход площади Тевелева по переулку им. Короленко и с восточной частью города по Николаевской улице. Таким образом старый центр города оказывается освобожденным от трамвайных путей, которые обходят его кольцом малого диаметра.

Описанные перепланировочные решения в пределах старых, сохраняемых частей города должны в основном разгрузить существующие перегруженные магистрали города, связать отдельные части города между собой более короткими путями, более четкими связями.

Однако для города с населением свыше полутора миллионов человек, с территорией более чем 300 кв. км, особенно учитывая предстоящее развитие автомобилизма, проблема внутригородских сообщений не разрешается только сетью внутригородских уличных магистралей, как бы рационально и совершенно она ни была запроектирована.

В схеме Харькова дополнительно к уличным магистралям проектируется система внутригородских большескоростных электрических железных дорог и автомобильных дорог больших скоростей. И те и другие пересекаются с обычными уличными магистралями в различных уровнях.

Проект электрических железных дорог пригородного сообщения с их глубоким вводом в Харьков заканчивается уже разработкой, и с 1934 г. предполагается приступить к осуществлению первой очереди их строительства. Таким образом к этому времени, когда Харьков вырастет до таких размеров, что для него потребуются внутригородской метрополитен, он уже будет пересечен в нескольких направлениях трассами глубокого ввода электрических пригородных железных дорог. Невольно напрашивается мысль проектировать совпадающие трассы прохождения глубокого ввода электрических пригородных железных дорог с внутригородским метрополитеном. Эта совпадающая объединенная трасса проектируется в схеме в виде кольца с двумя перпендикулярными диаметрами. В это кольцо, пересекающее все основные жилые массивы и обслуживающие территории, включаются все радиусы пригородных электрических железных дорог, проходящие к городу с различных направлений. Диаметры, пересекающие в основном существующие застроенные части города, проектируются, главным образом, на железобетонных эстакадах и только частично там, где они проходят по более возвышенным и менее капитально застроенным территориям города, в открытых искусственных выемках.

Пролетарская площадь в г. Харькове. Лестница на бывш. Университетской горке. Арх. Круппко. 1930. Сзади химический корпус Физико-технического института. Арх. Кравец. 1928

Place Proletarsky à Kharkov. Escalier de l'anc. Mont de l'Université. Arch. Kroupko. 1930. Au fond le bâtiment de la Faculté chimique de l'Institut Physique et Technique. Arch. Kravetz. 1928

Пролетарская площадь в г. Харькове. Лестница на бывш. Университетской горке. Арх. Круппко

Place Proletarsky à Kharkov. Les escaliers de l'anc. Mont de l'Université. Arch. Kroupko

Так выглядела застройка Университетской горки до реконструкции

Les bâtisses du Mont de l'Université avant sa reconstruction

Дом ЖСК им. Дзержинского в г. Харькове

Арх. Г. А. Яновицкий

Жилый дом на 189 квартир по 2 и 3 комнаты с полным коммунальным обслуживанием. Общежитие. Универмаг. Парикмахерская и механическая прачечная. Стены — в основном кирпич, первые этажи — железобетон. Оштукатурка фасадов — терразитом. I этаж облицован естественным камнем

Размер журнальной статьи не позволяет остановиться более детально на описании этого своеобразного и нового решения метрополитена, совпадающего с глубоким вводом пригородных электрических дорог. Укажем только, что оно диктуется особыми условиями расселения в харьковской зоне, особыми условиями топографии и планировки Харькова, требованиями последовательности осуществления этих двух мероприятий во времени.

Проектом намечается создание внутригородской кольцевой «автострады», с пересечениями обычных магистралей города в разных уровнях.

Эта «автострада» проектируется как совпадающая в основном с трассой и с уровнем метрополитенового кольца. Рельсы электрической железной дороги разделяют «автостраду» на две части — правое и левое движение. «Автострада» соединяется с основными магистральными улицами пандусными съездами и въездами под острым углом к направлению движения. Станции электрических железных дорог соединяются лестницами и подъемниками с мостами магистралей, пересекающими выемку быстроходного транспорта.

Сейчас Харьков имеет 5 кв. м зеленых насаждений на душу населения. Схемой планировки это количество доводится до 35 кв. м.

Запроектированы районные сады и парки во всех седитебных районах города, широкие бульвары вдоль всех берегов рек, широкие бульвары и скверы, связывающие все зеленые массивы города в одно целое. Все новые улицы проектируются с несколькими рядами деревьев, причем особо густому зазеленению должны быть подвергнуты улицы и магистрали, идущие с запада на восток, т. е. в направлении, перпендикулярном к господствующим неприятным ветрам.

Общегородской парк культуры и отдыха проектируется на базе суще-

Maison de la coopérative d'habitation du nom de Dzerjinsky à Kharkov. Arch. G. Janowitzky

Жилой дом на Пушкинском въезде в г. Харьков. 1931
 Арх. Л. А. Штейнберг и Г. М. Фридман
 Кирпичная кладка с деревянными перекрытиями.
 Средний корпус перекрыт плоской железобетонной плитой.
 Облицовка терразитом

ствующего лесопарка и Померок. Среди зелени всюду, где позволяют топографические условия местности, создаются водные бассейны.

Существенную роль в деле оздоровления Харькова должны сыграть мероприятия по урегулированию харьковских рек.

Вместо того, чтобы украшать город и способствовать улучшению его санитарного состояния, харьковские реки в настоящем своем состоянии представляют скорее очаги малярии и в засушливое время года имеют вид естественных канав. Такое положение, конечно, не может быть дальше терпимо. Необходимость коренного разрешения основных вопросов водного хозяйства побудила еще в 1930 г. разработать генеральную схему регулирования харьковских рек.

Общая длина водных путей по харьковским рекам проектируется в 123 км, из которых 39 км проходит по территории города и 84 км по прилегающей сельскохозяйственной зоне.

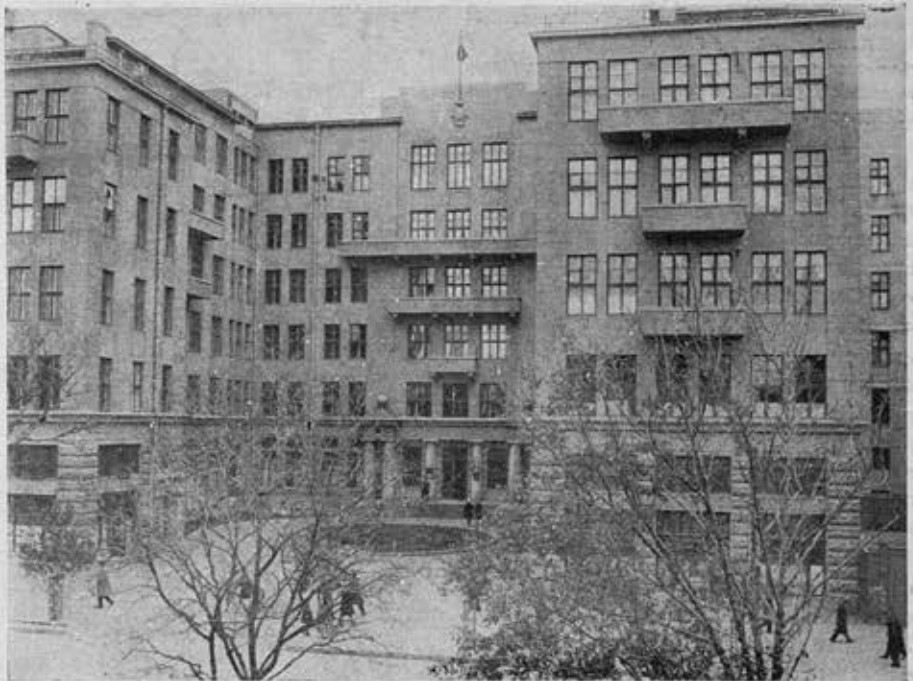
Для обслуживания речного транспорта проектом предусматривается устройство ряда пристаней, связанных с ближайшими железнодорожными станциями, по рекам Лопани и Харькову. Для пассажирских сообщений проектируется ряд пристаней, увязанных со схемой внутригородского транспорта. Места с малым пассажирооборотом будут обслуживаться пловучими дебаркадерами. В дальнейшей перспективе намечается организация судоходства по реке Северный Донец и связь его с харьковскими реками. Для этой перспективы намечено устройство порта в месте впадения реки Лопани в Уду.

Проблема архитектурного оформления города полностью учитывалась при разрешении планировочных и перепланировочных задач. Учет рельефа местности при трассировке улиц и площадей, соответствующее расположение зданий общественного назначения, создание архитектурных площадей, закрытых перспектив, проработка видовых точек и т. п. — вот

Immeuble de la rue Pouchkínskaia à Kharkov. 1931.
 Arch. L. Steinberg et G. Fridman

Харьковский рабочий университет
Арх. проф. Молокин
Железобетонный каркас с облегченными кирпичными
заполнениями. Облицовка терразитом

Université ouvrière de Kharkov. Arch. prof. Molokine

те средства, которые использованы планировщиками для этих целей.

Решение планировочных задач сопровождалось одновременной эскизной разработкой объемных архитектурных решений. Однако эта часть проекта еще не закончена.

Особо тщательной и более детальной разработке и в архитектурном и в планировочном отношении подвергается в настоящее время реконструкция центральной части города, оставшаяся в более общих и менее уточненных стадиях разработки те районы города, которые будут застраиваться и реконструироваться в более отдаленные сроки.

Полная и окончательная планировочная и архитектурная реконструкция центра не может быть осуществлена сразу в сравнительно короткий срок, она будет осуществляться постепенно по мере роста материальных возможностей. Поэтому сейчас разрабатываются одновременно два варианта реконструкции центра — первый минимальный, обеспечивающий только разрешение планировочных вопросов, или иначе говоря внутригородских связей, и второй максимальный, разрешающий также и полную архитектурную реконструкцию центра.

Возможно, что по их окончании надо будет разработать и третий вариант, синтезирующий эти две задачи и являющийся переходным между двумя крайними. Таким образом эти варианты должны служить цели созда-

ния динамического плана очередности реконструктивных мероприятий во времени.

Особо сложная и трудная задача — это архитектурная реконструкция старых магистральных улиц города, застроенных в значительной мере капитальными многоэтажными, а частично и новыми зданиями. Пестрая смесь высот, пропорций, стилей и эпох, столь характерная для капиталистической застройки, сохранилась и по настоящее время. Одна из основных проблем социалистической архитектуры — создание архитектурных ансамблей, взамен индивидуального решения фасадов отдельных зданий, — остается и на сегодняшний день практически не разрешенной.

Вопрос о том, в каких случаях надо новую застройку и реконструкцию старых зданий подчинять в смысле архитектурной увязки существующим капитальным зданиям, сохраняемым на данном отрезке улицы, в каких случаях, наоборот, следует искать новые архитектурные формы и композиции для новых зданий и им подчинять путем переделки старые сохраняемые здания, может быть правильно разрешен только на базе накопления известного опыта, на базе вариантной проработки конкретных частей существующих улиц.

Для накопления этого опыта, для нахождения конкретных путей архитектурной реконструкции основных магистралей Харькова, Гипроградом через оргбюро Союза харьковских

архитекторов был организован конкурс на архитектурную реконструкцию трех наиболее ответственных участков харьковских магистралей.

Архитектурно-художественный совет при Харьковском горсовете, утверждая в настоящее время проекты застройки и надстройки отдельных зданий, расположенных на главных магистралах, находится постоянно в тупике, не имея руководящих идей в деле плановой реконструкции магистралей. Результаты конкурса и законченные на базе материалов конкурса схемы архитектурной реконструкции главнейших магистралей должны вывести Архитектурно-художественный совет из этого тупика, сделать его работу более целеустремленной, более содержательной.

Другой вопрос, которому в генеральном проекте реконструкции Харькова уделяется особое внимание, — это вопрос о реконструкции существующего жилого фонда.

Застройка промежутков между жилыми домами, надстройка этажей, спуск мелких домостроений с заменой их крупными многоэтажными и т. п. практикуется в Харькове за последние годы чрезвычайно широко. Однако все вопросы планировки кварталов (генерального плана и вертикальной планировки) и вопросы архитектурного оформления этих зданий разрешались до сего времени под углом

зрения интересов одного, редко двух смежных реконструируемых зданий, с сохранением того поусадобного деления кварталов, которое мы унаследовали от эпохи капитализма.

В результате бесперспективное использование территории квартала для организации обобщественного сектора жилкомплексов, уничтожение внутриквартальных зеленых насаждений, полное отсутствие единого архитектурного замысла в решении хотя бы отдельно квартала. Зачастую застройка промежутков между зданиями производится без соответствующего учета рельефа местности и атмосферные воды внутриквартальных территорий не получают иного выхода, как в подвалы жилых зданий.

Архитектурно - художественный совет Харькова вынужден штамповать проекты отдельных достроек и надстроек в жилых районах города, ибо требовать от отдельных застройщиков 10—15 квартир, разработки и представления полного проекта реконструкции всего квартала практически невозможно, а без этих проектов нет критерия для суждения о рациональности того или иного мероприятия, того или иного архитектурного решения отдельных зданий.

Для того чтобы положить конец этой стихийной хаотической реконструкции жилого фонда, Гипроградом разрабатывается несколько образцовых проектов реконструкции конкретных жилых кварталов, выбранных совместно с Горсоветом на территории Харькова. Эти образцы должны показать пути и методологию разработки проектов реконструкции жилых кварталов. Основная установка —

превращение капиталистической поусадобной жилой застройки в социалистическую — в жилкомбинаты с обобщественным сектором (детсадами, яслями, столовыми, прачечными и т. п.), использование освобожденных от заборов внутриквартальных пространств под зеленые насаждения, детские и физкультурные площадки.

Архитектурная комплексная проработка всего решения реконструкции квартала с увязкой этого решения с соседними кварталами и прилегающими улицами является не последней задачей проекта реконструкции квартала.

Весь проект реконструкции города разрабатывается на предельный конечный период его роста. Капиталистические крупные города имели в период расцвета капитализма тенденции практически беспредельного роста (в сознании буржуазных мыслителей) и потому проектировались на определенное количество лет. Плановая социалистическая система расселения разрешает проблему предельного ограниченного роста отдельных городов. Проектировка социалистического города должна пытаться установить эти пределы роста каждого отдельного города и наметить пути его территориального развития на весь период его эвентуального роста.

Однако для того чтобы проверить реальность осуществления тех или иных планировочных мероприятий, для того чтобы наметить комплексно увязанную очередность осуществления тех или иных реконструктивных мероприятий во всех областях городского хозяйства и освоения новых

территорий, — параллельно прорабатываются проекты реконструкции города на промежуточные этапы роста города. Все они, конечно, подчинены общей задаче постепенного осуществления генерального проекта реконструкции города на предельный период его роста.

Степень детализации проектных решений, конечно, также принимается различная для различных этапов его развития. Наибольшей детализации подвергается проект реконструкции города на ближайшее пятилетие.

Само собою разумеется, что генеральный проект может дать только общее решение планировки города и путей его реконструкции. Предстоит еще огромная работа по его детализации и уточнению.

Эта работа по детализации генерального проекта реконструкции города, по постоянной его увязке и корректировке в соответствии с реальными требованиями сегодняшнего дня, с новейшими достижениями в области техники архитектуры и пр., должна вестись непрерывно из года в год. Генеральный проект мог базироваться в этой области только на определенных гипотезах, построенных на базе маркс-ленинской теории; жизнь неизбежно будет вносить коррективы и уточнения в эти гипотезы.

Наличие генерального проекта реконструкции Харькова дает возможность детальной проектной разработки и осуществления отдельных частей города и создает прочную основу для всего дела его социалистической перестройки.

Жилые корпуса Харьковского тракторного завода

Corps de logis de l'usine des tracteurs à Kharkov

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕНТРА ХАРЬКОВА

О. КАСЬЯНОВ

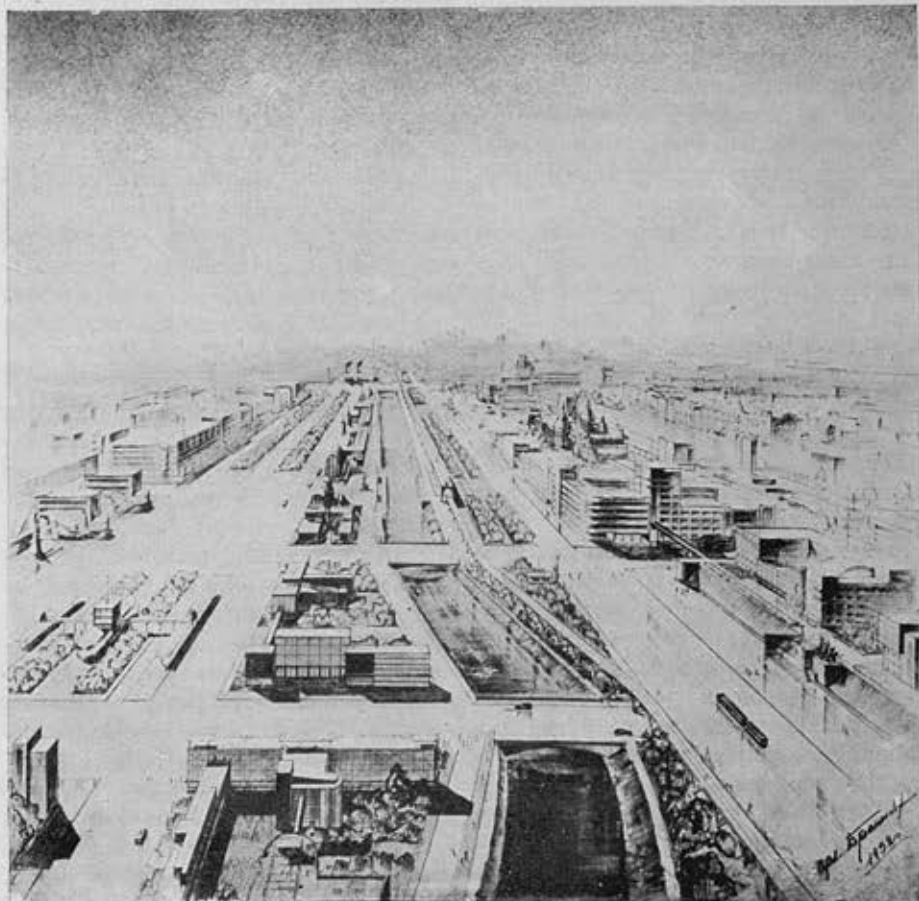
Харьков, перерождающийся в бурно растущий город, с каждым годом все разительнее меняет свое архитектурное лицо.

Эпоха доделок, достроек, надстроек, привязанности к отдельному частновладельческому участку, к проблеме одного здания, эпоха простого пошива благоустроенной одежды города, сменяется эпохой нового строительства, укрупненного в объеме и охвате проблем строительства, стирающего последние черты капитализма в лице города.

Старый Харьков — это город «строгого» радиального плана. Перефразируя слова Корбюзье, можно сказать, что он возник на «дорогах волон», степенных украинских волон, медлительно влекших тяжелые скрепучие везы к городскому торжищу — базару, находившемуся в центре города. Харьков, сравнительно молодой город, не нуждался в крепостных укреплениях. Поэтому в его плане отсутствуют кольцевые магистрали, которые соответствовали бы этим укреплениям.

И сейчас растущий темп и напряженность городской жизни принуждены укладываться в старую «волонье-аракчеевскую» сетку улиц. Наибольшего напряжения и остроты городское движение достигло в центре. Без существенной реконструкции городского плана все, и грузовые, и пассажирские, потоки пойдут через центр, закупорив его.

Бесспорным и крупнейшим вкладом не только в архитектуру Харькова, но и в архитектуру всего Союза является новая площадь Дзержинского, находящаяся на ней крупнейшие здания: Дом госпромышленности, Дом проектных организаций, Дом кооперации, ЦК КП(б)У, гостиница Интурист как по своему объему,

Проект новой транспортной площади в г. Харькове
Арх. Бронников

Projet de la nouvelle place des transports à Kharkov
Arch. Bronnikov

так и по архитектурным достоинствам, являются крупнейшими сооружениями.

Размеры самой площади 11,5 га также чрезвычайно велики. Они выдвигают площадь Дзержинского в Харькове в ряд мировых площадей.

Наряду с этим можно назвать ряд крупных зданий, возведенных в центре Харькова в пореволюционный период, и несколько дореволюционных зданий, которые органически входят в новый архитектурный облик города. До революции этот облик был довольно невыразителен. Капиталистические заправки города, выколачивая огромные барыши из молодой промышленности Донбасса и Харькова, не очень-то заботились об архитектурном лице последнего.

Достаточно указать на старый центр города, с его так называемым узлом трех площадей, скорее коротких и широких улиц — Пролетарской, Розы Люксембург и Тевелева — где

сохранилось огромное количество старых торговых и банковских помещений.

Многочисленные переселения, перемещения и реорганизации учреждений и предприятий, все растущая нужда в новых помещениях привели к значительным переделкам и починкам разного рода и в последние годы к большому числу надстроек и недопустимой подчас застройке свободной части площади.

В частности, результатом таких переделок и надстроек явился современный вид площади Тевелева и Розы Люксембург, где выстроены и надстроены: универсам Хаторга, Дом Обжилсоюз, Дом Горсовета, здание Нового пассажира, здание ВУКС, здание редакции газеты «Коммунист», здание ВУЦИК, здание ВОСХИМ и др.

Выстроенные, надстроенные и оформленные в разные периоды социалистической стройки, они не под-

чинены еще единому архитектурному замыслу, что сильно снижает качество каждого отдельного здания.

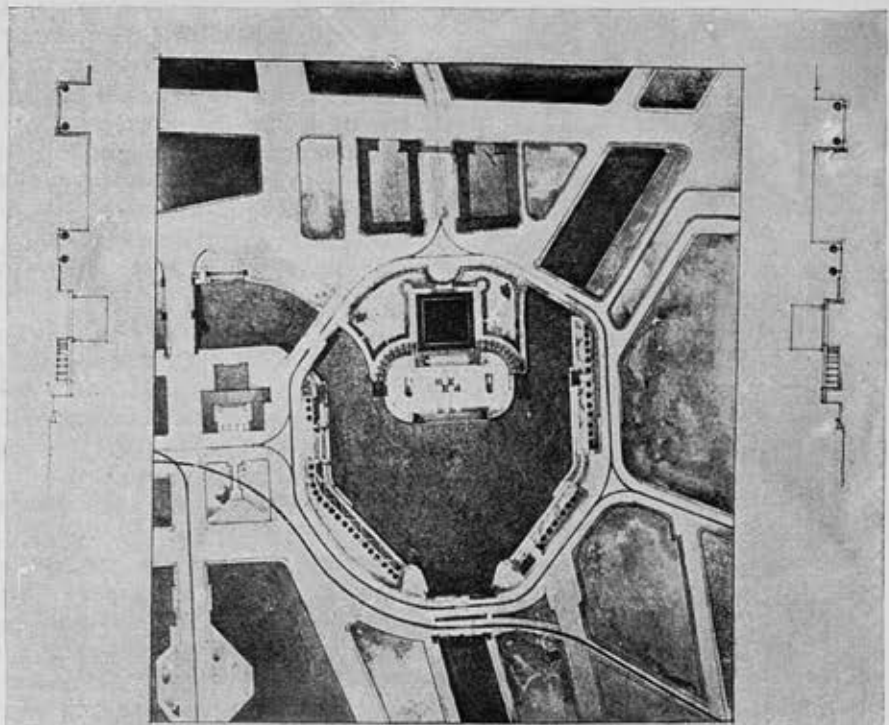
Все они разнотипны и разншерстны и только чистый и приличный вид асфальтового покрытия проезжей части и тротуаров вяжет между собою эти самодовлеющие архитектурные куски.

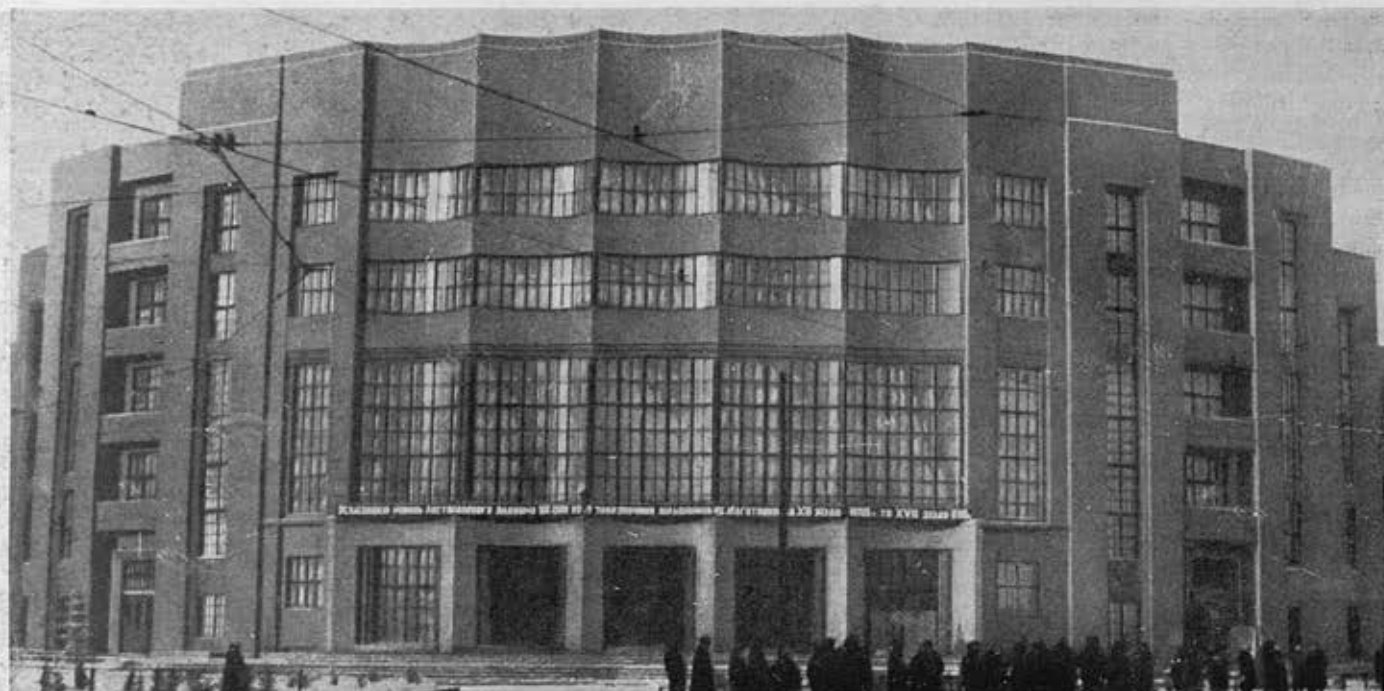
То же и в других частях города. Отдельные сооружения, подчас очень интересные и значительные, архитектурно дискредитируются и своим окружением и часто полным отсутствием архитектурно-планировочного приема, отсутствием единого замысла, единой идеи городского плана вообще и плана городского центра, в частности.

Строительство не могло ждать, пока градостроители запроектируют города в полном объеме. Строительство шло в делах старых планов, изредка прибегая к частичным перепроектировкам или допроектировкам, которые, однако, никак не вязались с планом существующего города, не будучи частью общего замысла плана. Харьков до сегодняшнего дня еще не имеет утвержденного плана своей специализированной реконструкции. Его проект в настоящее время заканчивается украинским Гипроградом. Одна из интереснейших деталей этого проекта есть эскизный проект реконструкции центра.

Центр города Харькова сосредоточил в себе значительное количество правительственных, партийных, административных, хозяйственных и общественных учреждений и организаций всеукраинского, областного и городского значения, театров, клубов, столовых, ресторанов, учреждений товаропроводящей сети, жилья и даже промышленных и коммунальных предприятий. За годы революции вполне выявился характер и назначение отдельных территорий, расположенных в центре.

Проект реконструкции только еще более резко подчеркивает это назна-

Дворец культуры железнодорожников им. Сталина в г. Харьков (1927—32)

Проект акад. арх. А. И. Дмитриева

Кирпич и железобетон. Зрительный зал на 2000 чел. Комната отдыха, ради студия. Кабинет техпропаганды. Читальня. Библиотека. Музыкальная студия. Профкабинет. Сад-солярий

Palais de Culture des Cheminots du nom de Stalin à Kh rkov (1927—32). Projet de l'arch acad. Dmitriev

Окна фойе

Fenêtres du Foyer

чение. Определено, что учреждения и организации всеукраинского значения концентрируются вокруг площади Дзержинского и на самой площади. Тут кроме уже построенных Дома промышленности, Дома проектных организаций и Дома ЦК КП(б)У и строящихся Дома кооперации и гостиницы Интурист будут в ближайшие годы построены: Дом правительства, здание музея медицинского института и большое кино. Этими сооружениями и оформлением выходящей на площадь части городского сада будет закончено архитектурное оформление площади.

Сам по себе вопрос об окончании площади и ее архитектурном завершении имеет колоссальное принципиальное значение. Надо сказать, что основные сооружения этой площади были заложены и даже построены без какого бы то ни было архитектурного и технического проекта самой площади. Не говоря о том, что в известный период строительства выкапывался буквально из-под земли целый этаж Дома госпромышленности, нужно указать на то, что в результате несогласованной деятельности отдельных строителей отметка цоколя Дома кооперации метра на четыре выше отметки цоколя Дома госпромышленности, а отметка цоколя последнего на 1,20 м выше отметки цоколя Дома проектных организаций.

Результатом этого явились безобразнейшие откосы у Дома кооперации и гостиницы Интуриста, уничтожить которые возможно только путем подведения фундаментов под эти еще строящиеся колоссальные сооружения.

Вторым значительным недостатком площади является ее архитектурно невятная форма, комбинация незаконномерно смещенных круга и прямоугольника. Этим сильно нарушено правильное восприятие всей композиции. Мятая и разбросанная форма площади никак еще не ассоциируется с понятием о стройности, строгости и плановости нашего строительства.

Площадь в ее современном состоянии не масштабна. Достаточно указать, что высота Дома госпромышленности укладывается по большой оси площади одиннадцать раз. Это привело к значительной потере ощущения грандиозности основных построек площади, о масштабе которых можно судить, только подойдя непосредственно к ним.

Уже со середины круглой площади, благодаря перспективному сокращению радиальных плоскостей, Дом госпромышленности в зрительном восприятии теряет свои размеры. При еще большем отдалении, когда зритель поднимется выше (Дом госпромышленности стоит в нижней части площади), сооружения, стоящие в ее

круглой части, еще более теряют в своих размерах. Сама архитектурная композиция отдельных сооружений, индивидуально решавшаяся для каждого из них, разбивает впечатление архитектурного единства площади. Форма окон и высотность этажей во всех домах на площади различная, решение каждого здания в плане и объемная композиция различны. Несмотря на колоссальные возможности решения площади единым архитектурным замыслом, эти возможности полностью не были использованы. Даже арх. Серафимов, автор проектов Дома госпромышленности и Дома проектных организаций, не увязал архитектурно обе постройки.

И в прямоугольной части площади обе новые постройки — Дом ЦК КП(б)У и гостиница Интурист — решены дефектно в отношении самой площади: первый стоит по длинной оси площади и решен ассиметрично с входом и лестничной клеткой у южного угла постройки. Гостиница по своей композиции рассчитана на взгляд со стороны круглой площади и никак не ориентирована по отношению к другим частям ее. Находящийся по оси главной аллеи городского сада низкий корпус гостиницы решен второстепенным объемом без входов, лестниц и пр.

И, наконец, последним и чрезвычайно существенным недостатком площади Дзержинского является ее почти самостоятельное, обособленное существование в плане города.

Площадь Дзержинского, созданная на бывших пустырях и свалках по соседству с огромным кварталом городского сада и примыкающая с обеих сторон к двум старым радиальным магистралям — ул. Карла Либкнехта (у восточного конца площади на расстоянии 750 м от Дома госпромышленности) и Ключковской улицы, лежащей на расстоянии километра под горой, — оторвана от всего города и в первую очередь от его старого центра.

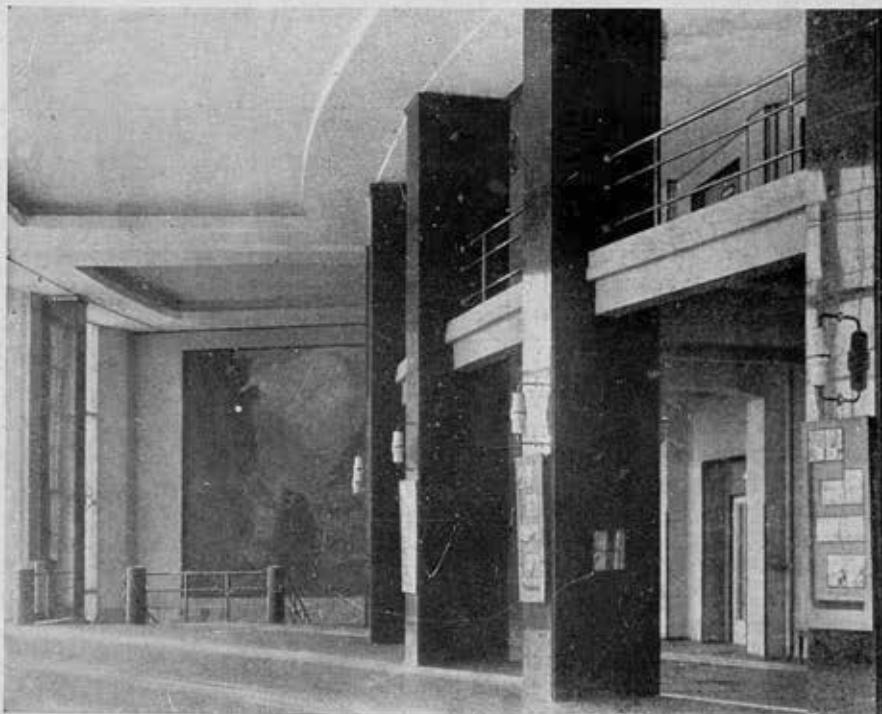
Между этими двумя центрами в скором времени будет осуществлена Новая площадь у Большой оперы (начало стройки 1933 г.). На этой площади будут построены: Панорама Перекопа, Всеукраинская картинная галерея и другие сооружения.

Проект Харькова, разрабатываемый Гипроградом, предполагает связать между всеми этими значительными центрами городской жизни и между ними и всем

Дворец культуры железнодорожников им. Сталина в г. Харькове. Проект акад. арх. А. Н. Дмитриева. Деталь фасада и фойе

Palais de Culture des Cheminots du nom de Stalin à Kharkov. Projet de l'arch. acad. Dmitriev. Détail de la façade et Foyer

остальным городом путем прокладки частично новой, частично расширяемой, проходящей через весь город с севера на юг магистрали Ленина. Магистраль эта, начинаясь на севере у входов во Всеукраинский парк культуры и отдыха, проходит через основные центры города и ведет к двум районам — Новой Баварии и Харьковского тракторного завода.

В плане площади Дзержинского магистраль Ленина, входя на площадь между Домом госпромышленности и Домом кооперации, выходит из нее с противоположной стороны круга между существующим Домом проектных организаций и участком будущего Дома правительства. Преходя дальше через территорию Городского сада, магистраль пересекает Новую театральную площадь в ее западном конце и далее непосредственно выходит к реконструируемому зданию ВУЦИК на площади Тельева.

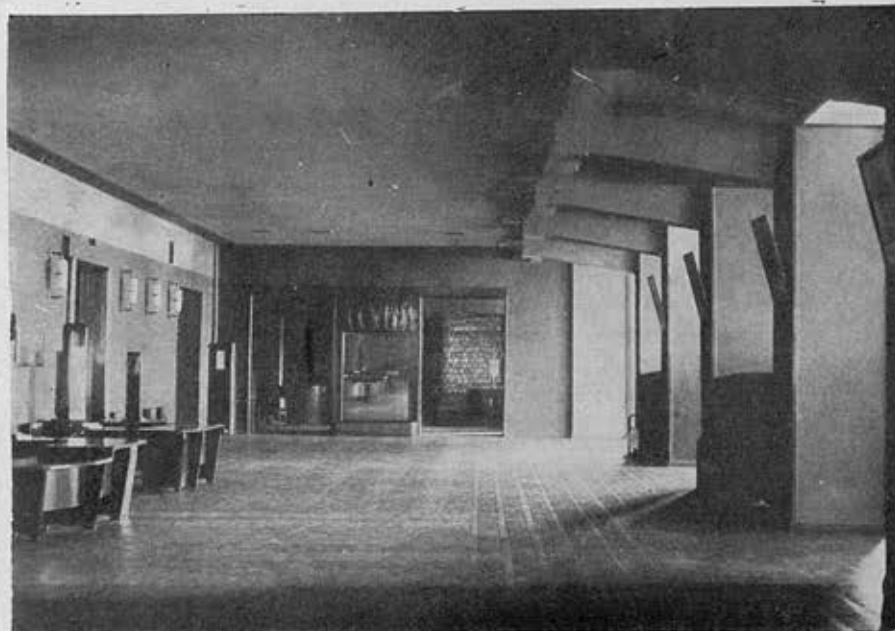
Предполагающиеся новые здания на площади Дзержинского должны быть запроектированы и выстроены так, чтобы уничтожить или по крайней мере смягчить те ее недостатки,

Дом Красной армии в г. Харькове. Перестроен из старого здания бывш. присутственных мест. Проект реконструкции и внешнего оформления разработан архитекторами Касьяновым, Тацием, Покорным. Внутреннее оформление и мебель худ. Меллера и арх. Костенко Покорного; Кабанова

Maison de l'Armée Rouge à Kharkov. Intérieur

Фойе

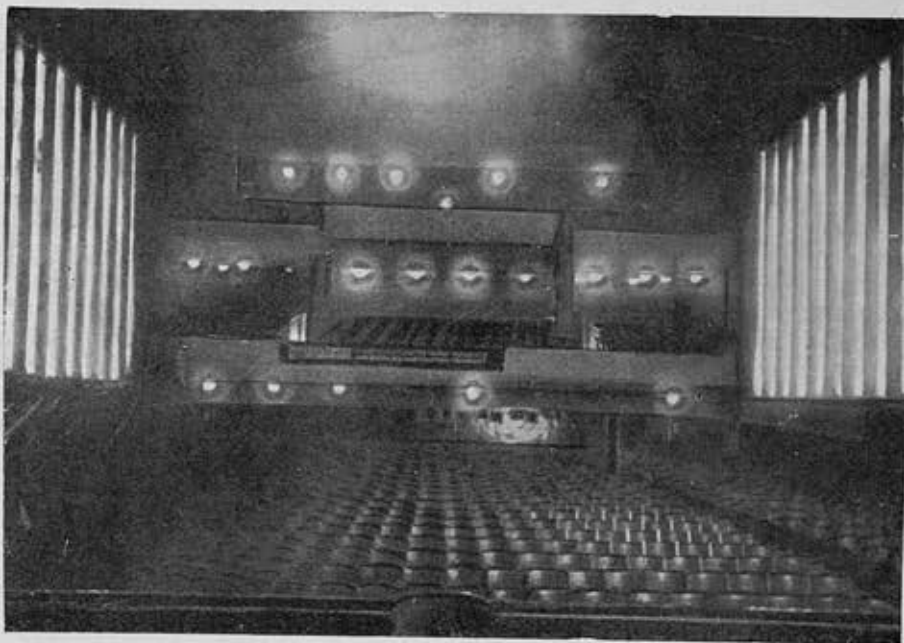
Foyer

о которых мы говорили выше. Первая задача, которая стоит здесь перед архитекторами, — это привести «грушевидную» форму площади к форме более четкой и более геометрической.

Гипроград разработал два варианта нового решения площади. По первому варианту между круглой и прямоугольной частями площадей должно быть воздвигнуто крупное общественное здание, скомпонованное так, чтобы связать обе площади двумя большими арками-проездами. Тогда вместо одной большой площади получатся две площади нормального размера — обе совершенно правильной формы. Это обеспечит четкость восприятия архитектурных объемов и сделает размеры площадей и здания более масштабными. Кроме того, более четко разграничатся функции обеих частей площади: прямоугольная — торжественная, рассчитанная на проведение демонстраций, свободная от зелени и круглая — деловая, с зеленью, фонтанами и пр.

Недостатком этого первого варианта является уничтожение ощущения большого простора, которое сейчас площадь производит на всякого посетителя. Поэтому, учитывая необходимость привести площадь в соразмерность и масштабность, сделать четкой ее форму и организацию при оставлении ее широких просторов, был разработан второй вариант площади, в котором промежуток между круглой и прямоугольной частями площади уже не застраивается, а только несколько обуздается и асимметрично оформляется. С южной стороны этого перешейка (ширина 100 м) возводится Дом правительства с фасадом, выходящим как на прямоугольную, так и на круглую части площади и решаемый в горизонтальной композиции. Северная сторона перешейка оформляется у нынешнего химического корпуса (предположенного к сносу) высотной башенной композицией с памятником Ленину и постоянными трибунами у ее основания. Корпус гостиницы Интурист, решенный сейчас асимметрично, путем достройки на восток корпуса зеркального по отношению к западному корпусу и переделки и надстройки (создание входа против главной аллеи Городского сада), превращается в симметричную композицию объемов, хорошо воспринимаемую со стороны основного входа на прямоугольную площадь с улицы Карла Либкнехта и со стороны Городского сада.

Дом Красной армии в г. Харькове
Театральный зал со сцены

Maison de l'Armée Rouge à Kharkov
Salle de spectacles, vue de la scène

Для завершения объема площади более значительные изменения по оба ее угла по улице Карла Либкнехта оформляются зданиями — северный

Музеем медицинского института, и южный — зданием кино, кафе и ресторанов.

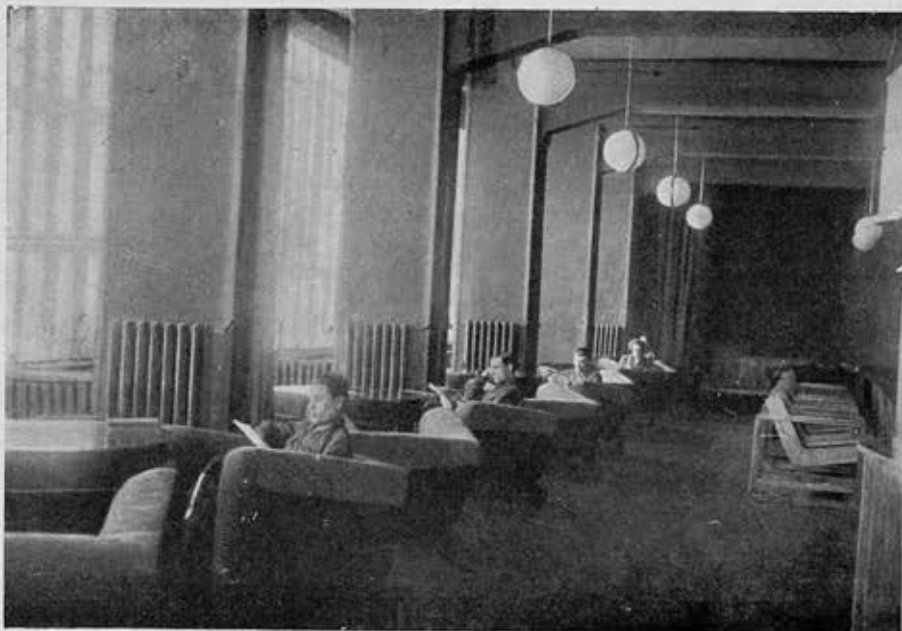
Областной и общегородской центры, расположенные в районе старых трех площадей, должны будут в порядке реконструкции претерпеть на-

равнению с остальными частями города.

Выше уже указывалось на неудовлетворительное транспортное и архитектурное состояние центра, на его явную «неблагоустроенность». Буквально в трех шагах от центра у слияния двух харьковских рек Ледяни и Харькова доживают свой век

Дом Красной армии в г. Харькове
Комната отдыха

Maison de l'Armée Rouge à Kharkov
Chambre de Repos

трущобы и задворки, жалкие хибарки.

Тут попутно следует отметить одну особенность Харькова, которая развязывает руки планировщику. Это почти полное отсутствие в городе исторических и архитектурных памятников. Почти все, что было в Харькове понастроено дворянами и купцами, — все это не имеет никакой архитектурной ценности. Поэтому при сносе и переделках существующих зданий приходится считаться только с экономической и технической целесообразностью того или иного мероприятия.

Наличие новой магистрали Ленина создаст тот архитектурный стержень города с низкими на нем крупнейшими архитектурными комплексами, которого сейчас так недостает Харькову.

Ряд площадей на этой магистрали и сама магистраль представляют собой богатейшее поле деятельности для архитектуры как в смысле реконструкции существующих сооружений, так и в смысле создания новых композиций.

Кроме этого в плане центра, как и в плане всего города, выявлен ряд точек, которые, став опорными точками архитектурного оформления города, привяжут к себе и остальную архитектуру, иными словами — наложат окончательные черты на облик Харькова, подчеркнут его содержание и характер.

Описанная выше площадь Дзержинского и осуществляемая площадь новой Большой оперы уже положили крупное начало архитектурному преобразованию Харькова. В старом же центре города, за исключением реконструкции отдельных зданий, еще незаметно значительных следов такой реконструкции.

Поэтому в старом центре, в связи с решением всего плана города, предложено создание следующих трех крупных архитектурных комплексов: площадь и здание Облисполкома, Музейный городок и реконструкция площади Тевелева и реконструкция Харьковской «стрелки» — слияния рек Лопани и Харькова.

Здание Облисполкома по проекту предложено выстроить в месте стыка площадей Тевелева и Розы Люксембург.

В этой части предложено расширение и спрямление ул. 1 Мая и продление площади Розы Люксембург. Здание предложено высотной компо-

зиции до 20 этажей, учитывая небольшие размеры нового участка и его чрезвычайно удачное расположение относительно трех основных магистралей Харькова.

Важнейшие магистрали города получат свое архитектурное завершение в здании Облисполкома. Перед зданием с востока запроектирована площадь, могущая обеспечить кроме нормального движения и пропуск демонстраций, шествующих из Краснозаводского района — основного промышленного района Харькова.

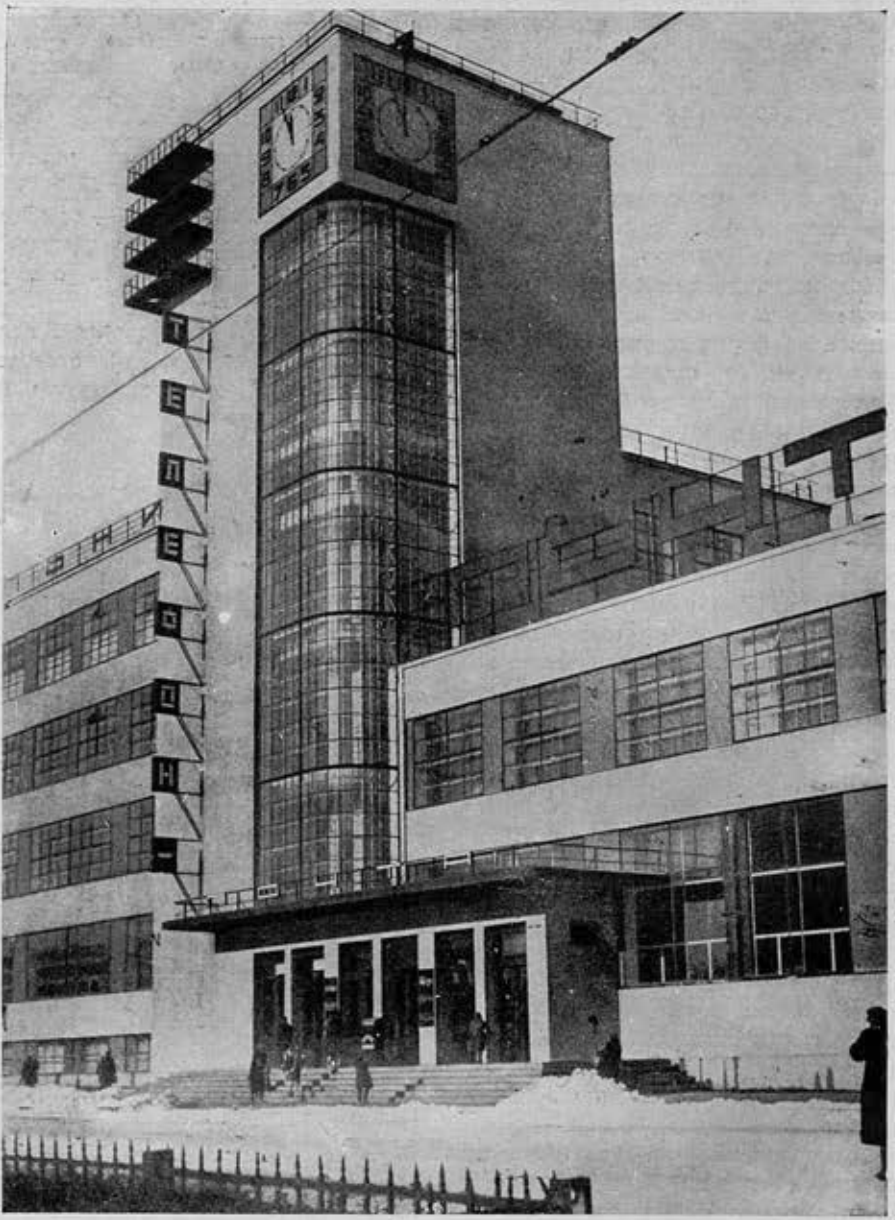
Южная часть площади Тевелева подвергается лишь незначительным переделкам: надстраивается на один

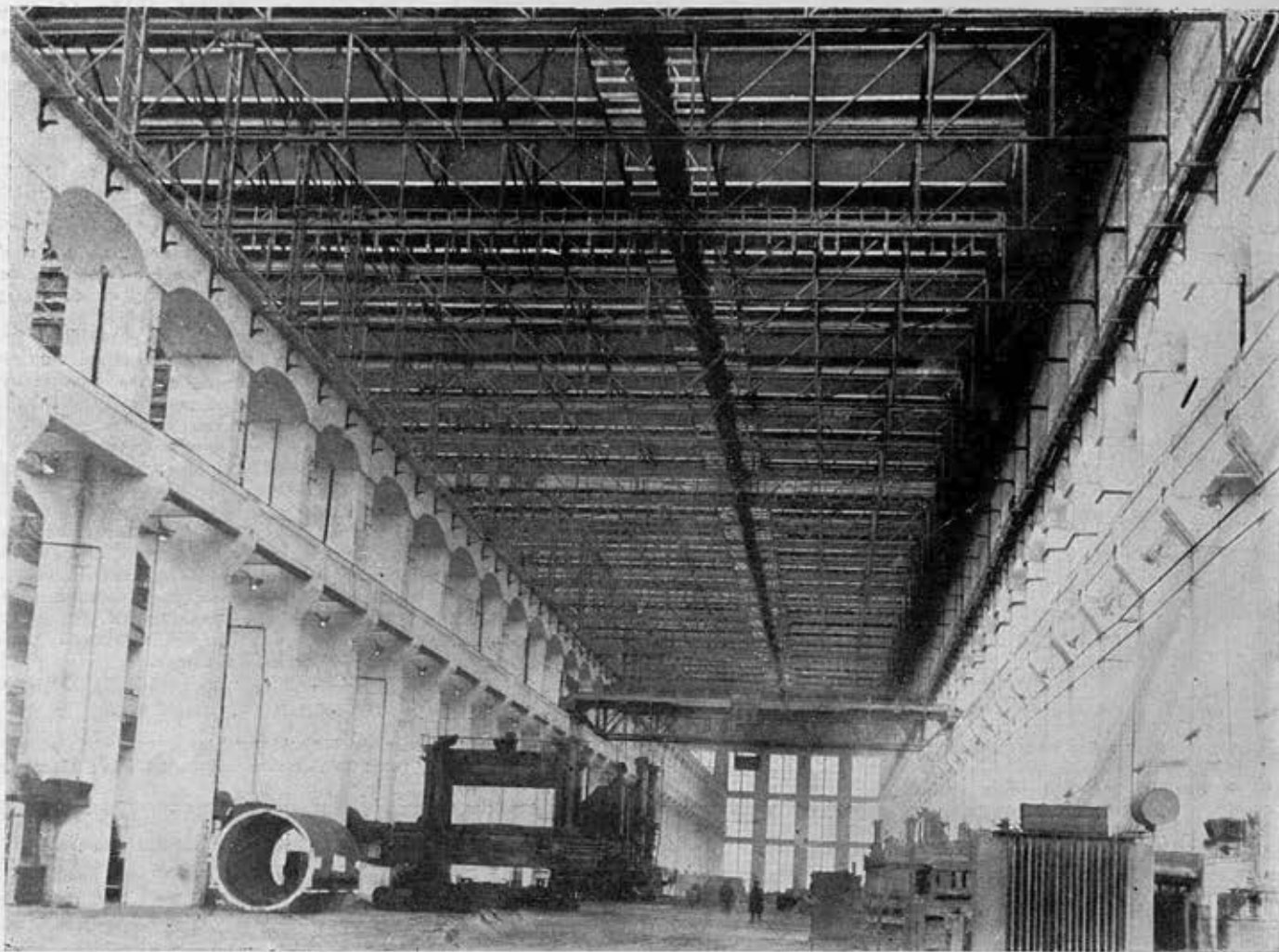
этаж здание Дворца труда, к нему пристраивается корпус с залом заседаний и вспомогательными помещениями, архитектурно отвечающий новому зданию Горсовета. Дома восточной стороны площади подвергнутся незначительным переделкам, имеющим целью увязать между собой существующие разношерстные фасады.

Зато в северной части площади предложено провести по одному варианту значительную реконструкцию квартала, на котором находится здание ВУЦИК, а по другому — вообще снести этот квартал с тем, чтобы открыть площадь перед новым зданием Зала общественных собраний, за-

Здание почтамта в г. Харькове
Арх. А. Г. Мердвинов

Bâtiment de la Poste à Khar'kov.
Projet de l'arch. A. Mordvinov

Турбогенераторный завод в г. Харькове
Цех крупной обработки

Usine des turbines et Générateurs à Kharkov
Atelier du façonnage des grosses pièces

проектированным на косогорном квартале между улицей Свободной академии и Ключковской.

Современный Городской сад, в 1933 г. по инициативе т. Постышева приведенный в порядок и освобожденный от разных полукоммерческого типа предприятий, в дальнейшем предполагается расширить вплоть до реки, за счет сноса десятка кварталов малоценных, в большинстве старых жилых домов, — и далее вниз по течению реки до центрального городского сквера, который предполагается разбить в районе «стрелки» (слияние рек Лопани и Харькова). Сама же «стрелка» полностью переделывается путем ряда реконструктивных мероприятий, запроектированных в генеральном плане обводнения и улучшения харьковских рек, а также при помощи специальных работ применительно к данному месту, у слия-

ния рек создается небольшое зеркало воды, оформленное, как и все речки в пределах центра, гранитными набережными, спусками к воде, однопроектными мостами, зеленью и пр. На самой «стрелке» возводится монументальное сооружение мемориального порядка, замыкающее ряд перспектив как по реке, так и по площадям.

Ряд радиальных магистралей, тянущихся в гущу улочек и переулков старых торговых кварталов центра, получают прямые выходы в центр. Это так называемая Змиевская магистраль, которая связывает центр с вновь возводимым вокзалом Донецких дорог, Журавлевская, ведущая к одному из крупнейших водохранилищ Харькова — Даниловскому, намеченному к строительству в 1934—1935 гг., и магистраль Котлова, связывающая центр с районом Холодной Горы и Новой Баварии.

Интересной архитектурной задачей является также реконструкция квартала Украинского государственного университета, занимающего и сейчас несколько кварталов в самом центре города, между площадями Пролетарской и Тевелева. Уже в 1934 г. предполагается приступить к этой реконструкции путем надстроек части старых зданий университета. Здесь предстоит увязать в один архитектурный комплекс самые разнообразные здания от актового зала конца XVIII в. и еще более ранних построек, до вновь выстроенных зданий химического корпуса и университета Хаторга (также требующих архитектурной реконструкции).

Эскизный проект реконструкции намечает только архитектурную канву, которая должна дать основные уступки, нуждающиеся в конкретизации при решении отдельных объектов.

ПЛОЩАДЬ ДЗЕРЖИНСКОГО В ХАРЬКОВЕ

И. СОСФЕНОВ

Наиболее серьезное и глубокое впечатление нового Харькова — площадь Дзержинского — является в то же время несомненно одним из значительнейших ансамблей, созданных за годы революции.

Пока из намеченных в комплексе площади построек осуществлены только три: Дом госпромышленности, Дом проектных организаций (по проектам проф. Серафимова) и Дом ЦК КП(б)У (проект арх. Штейнберга). В лесах находится здание Интернациональной гостиницы и Дома кооперации.

Надо отметить, что площадь возникла не в результате комплексного проектирования. С самого начала predetermined в основных моментах своего плана, она реализовалась от объекта к объекту, что не могло не привести к известному разнообразию между отдельными зданиями: полного единства в архитектурном решении площади нет.

Расположенная в северной части Нагорного района, площадь Дзержинского заняла ранее незастроенный пустырь, примыкающий

к Профсоюзному саду, и ее планировочное решение было таким образом мало связано уже существующей застройкой.

В плане площадь состоит из открытой на юго-восток круглой части с большим сквером посередине и охватывающим его асфальтированным кольцом одностороннего движения. В кольцо вливаются четыре радиальных магистрали, сзади домов, расположенных по его периметру, замыкающиеся вторым полукольцом с обслуживающими площадь трамвайными линиями. Еще две улицы, в настоящий момент частично закрытые и не играющие большой композиционной роли, находятся у открытой части круга, где к нему примыкает вторая часть площади, имеющая форму вытянутого прямоугольника, замкнутого с противоположной стороны поперечной улицей Карла Либкнехта. Ось этого прямоугольника сдвинута относительно центра круглой части и образует тупой угол с направлением радиальных магистралей, что придает известный динамизм пространству площади.

Площадь Дзержинского в Харькове

На переднем плане Дом госпромышленности, за ним справа строящийся Дом проектных организаций (аэросъемка)

Place Dzerjinsky à Kharkov

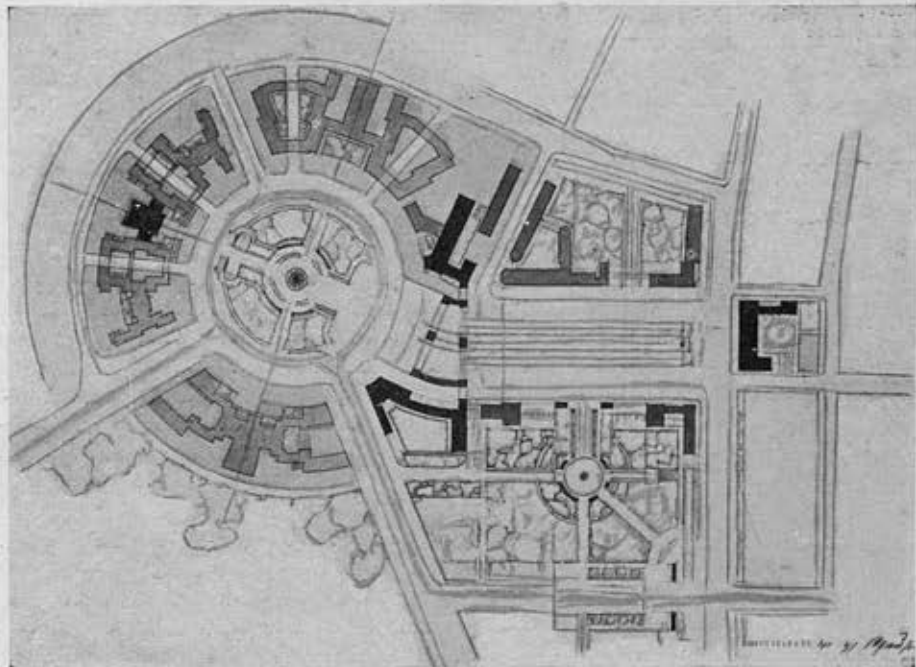
Au premier plan la Maison de l'Industrie, au loin à droite la Maison des Bureaux techniques en construction. (Photo aérienne)

Площадь Дзержинского в Харькове. Проект архитектурного завершения. План
Арх. Б. Приймак

Place Dzerjinsky. Projet de l'achevement de la composition architecturale. Plan
Arch. Priymak

Расположенный по периметру круглой части площади Дом госпромышленности включил в свой организм две из четырех образованных им радиальных магистралей (две другие совпадают с крайними его корпусами). Таким образом внутреннее движение в здании связано с внешним и организует последнее. План здания здесь в известном смысле визуирует пространство всего ансамбля. Все дальнейшие этапы работы над площадью — образование круглого ядра, сдвиг оси прямоугольной части (возможно, не вполне преднамеренный) и пр., развивающие характерное для нее действительное динамическое выражение пространства, — все это обусловлено лишь развитием исходной планировки отдельного здания. Сформированная таким образом площадь с самого начала потеряла традиционный замкнутый характер, а график движения превратился в одно из основных средств архитектурного воздействия. Можно привести пример подобного включения улицы в организм здания: бывш. Генеральный штаб на площади Урицкого в Ленинграде (арх. Росси). Но там, объединив два корпуса по сторонам проезда, архитектор стремился возможно полнее выразить репрезентативную замкнутость парадной торцовой площади, площади ограниченного «статического» движения.

Проезд уже не играет активной роли в композиции этой площади и превращается в элемент фасада, так как Росси замкнул излом проезда неподвижными тяжелыми арками.

В харьковском Доме госпромышленности характерно противоположное решение. Улица, движение, пространство разорвали замкнутость фасада и продлились дальше, в ныне только застраиваемые части Нагорного района. Ансамбль объединил при этом не обычные для прошлого репрезентативные здания, а подлинно живой нерв, деловой и организа-

ционный центр республики. Площадь Дзержинского рассчитана на деловое, производственное и в то же время массовое движение в дни пролетарских торжеств, митингов и демонстраций.

Но создав выразительную схему плана, проф. Серафимов еще не сумел найти соответствующий этому плану архитектурный эквивалент, организовав массу зданий по старым отвлеченным фасадным принципам. Доминирующее значение приобрели не радиальные пространства магистралей, пронизывающие план, а фланкируемая двумя башнями чрезвычайно статичная центральная часть здания: решение, в основном восходящее к принципам позднего модерна. Повторение центрального мотива в боковых корпусах, потерявших органическую композиционную связь с центром (эту связь никак не компенсируют воздушные мостики), усиливает впечатление связанности фасада. А если к сказанному прибавить, что автор не справился с масштабами постройки, перегрузив здание дробными и не координированными элементами, то основное противоречие между интересным по своей идее планом и его выражением в архитектурных массах выступит еще яснее.

Это противоречие было, повидимому, понято и самим автором в следующей работе — Доме проектных организаций, — значительно продвинувшей вперед решение всего ансамбля.

Дом проектных организаций уже не стоит в узле сходящихся на площади радиальных магистралей. Он расположен сбоку от основной оси площади и замыкает ансамбль, в то время как Дом госпромышленности архитектурно развязывает динамику пространства. В Доме проектных организаций архитектор ясно осознает, что не деталь и не один только фасад, но прежде всего весь косяк здания, его массы играют решающую роль в ансамбле.

И последовательно проводя эту мысль во всех элементах здания, он находит чрезвычайно ясное, простое и в то же время содержательное решение.

В самой ориентации основных масс здания архитектор нашел ослабленное (как это и необходимо) повторение радиального лейтмотива площади. Симметричный план ансамбля так построен, что концентрически расположенные секторы смыкающихся друг с другом боковых корпусов, энергично подчеркивающих круговое движение площади, в то же время подготовляют основной удар 14-этажного центрального массива. Направив этот удар в центр плана, автор выявил в отношениях масс здания радиальный принцип решения площади. В результате оказалось, что несмотря на отсутствие проездов, несмотря на значительную замкнутость плана, пространственно-динамический эффект выражен здесь значительно полнее, чем в Доме госпромышленности. Здание совершенно потеряло статический характер, рассчитанный на неподвижное созерцание.

Третья законченная постройка в комплексе площади — Дом ЦК КП(б)У (арх. Штейнберг) — неплохо, со вкусом и большой сдержанностью замыкает прямоугольную часть площади, связывая ее пространство с поперечной улицей Кара-Либкехта. Это здание, впрочем, не является оригинальной постройкой, а лишь перестройкой уже существовавших корпусов, и уже в силу этого оно не смогло вырасти в сложный и принципиально новый архитектурный организм.

Не являясь таким образом законченным и целостным комплексом, площадь Дзержинского представляет все же огромный интерес, ибо здесь впервые осуществляются новые принципы архитектурного решения ансамбля, возможные только в условиях Советского союза.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

М. Я. ГИНЗБУРГ, В. А. ВЕСНИН,
А. А. ВЕСНИН

Мы уже очень долго не говорили на архитектурные темы. За это время целый ряд критиков и так называемых «бывших функционалистов» в порядке самокритики своей «бывшей» идеологии успели приписать нам целый ряд грехов и прегрешений, имеющих к нам весьма косвенное отношение.

Кроме того многое за это время в нашей действительной идеологии созрело, многое изменилось. Поэтому нам хотелось бы здесь захватить почти весь круг важнейших вопросов, которые подлежат сейчас обсуждению и пересмотру.

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Первым вопросом приходится ставить то, что сейчас является наиболее злободневным, — проблему освоения наследия прошлого. Дело в том, что когда говорят об освоении наследия прошлого, то, в сущности говоря, не имеют в виду всего наследия прошлого, заключающего в себе очень разнообразные стороны: мусульманскую архитектуру, архитектуру стран буддийских (Китай, Япония, Индия); целый ряд европейских стилей, в которых больше всего сказался дух северной части Европы (например, готика) и, наконец, весь почти тридцатилетний период развития новой архитектуры, предшествовавший непосредственно сегодняшнему дню.

Таким образом с нашей точки зрения правильное говорить о критическом усвоении всего наследия прошлого от шалаша первобытного дикаря до полета стратостата, включая в это наследие не только произведения архитектуры, но и все лучшие достижения прошлого в области искусства и культуры. Однако обычно это всем позитивное положение сводится к усвоению лишь так называемой «классической» греко-италийской архитектуры.

В то же время конец XIX в. и начало XX в. — время наиболее ощутительных социальных сдвигов, век поразительных завоеваний науки и тех-

ники (пар, двигатель внутреннего сгорания, электричество, синтетическая химия и т. д.) — начинает впервые обнаруживать несоответствие этих прогрессивных явлений с развитием «классической» архитектурной мысли. Первые архитекторы-одиночки, около 30 лет назад появившие и сумевшие выразить на словах и в архитектурных образах новые задачи и устремления архитектуры — американец Фр. Л. Райт и австриец Ад. Лоос, немец Вальтер Гропиус, француз Ле Корбюзье, голландец Ауд, — сделали дальнейшие шаги в развитии новой архитектурной мысли. Однако вся их творческая деятельность благодаря социальным условиям капиталистической Европы вынуждена была опираться почти исключительно на переворот в технике последних десятилетий. Новая техника, ставшая почти единственным двигателем западной архитектуры, и социальный тупик, в который попала передовая техническая интеллигенция Европы и Америки, не дали возможности дальнейшего развития новой архитектуры на Западе.

Какие же можно сделать выводы из этого небольшого анализа? Совершенно очевидно, что и вся эта законченная классическая греко-италийская система и первые шаги западно-европейской архитектурной мысли не могут удовлетворить больше тех потребностей и задач, которые стоят перед нами в эпоху строительства социализма. Но, с другой стороны, нужно сказать, что блестящий тур классической мысли, развертывающийся на протяжении целого ряда веков, не может остаться вне нашего внимания, вне воздействия на нас, без того, чтобы не принести какую-то пользу в нашей сегодняшней работе. Другими словами, это значит, что игнорировать наследие прошлого ни в коем случае нельзя.

Вопрос теперь заключается в том, чтобы понять — что же можно получить от этого наследия? В этом заключается вся злободневность вопроса.

Есть две стороны этого освоения, которые очень важны для нас.

Первая — повышение культурного уровня архитектора.

Пристальное изучение памятников прошлого не только повышает общий культурный уровень архитектора, но оно создает в его мозгу тот бродильный фермент, без которого специфическое архитектурное мышление не может развиваться со всей необходимой полнотой. Следовательно, это освоение необходимо прежде всего в смысле кристаллизации и развития специфического характера мышления архитектора.

Вторая сторона заключается в понимании механики возникновения архитектурного образа. Если первая сторона касалась того, что при изучении прошлого само по себе откладывается в мозгу архитектора и всегда в дальнейшем способствует его развитию, то вторая является активной, волевой частью освоения наследия, позволяющей путем тщательного анализа разобраться в каждом конкретном историческом объекте и постараться в нем отыскать именно то, что может принести наибольшую пользу архитектору. Это значит понять совокупность элементов отдельных форм архитектуры как следствие, вытекающее из определенной композиционной системы, и эту последнюю не саму по себе, а как вытекающую в свою очередь из определенной системы пространственного порядка, и, наконец, чтобы понять последнее, как нечто вытекающее из всего хозяйственного строя той эпохи, из всех политических и прочих особенностей, на базе которых это пространственное мышление только и могло возникнуть.

Например, если речь идет о сравнении Афинского акрополя с Версальским садом или Шах-Зинда в Самарканде, то смысл их освоения в том, чтобы понять, каким образом в каждом случае получилось то или иное решение.

Афинский акрополь развертывает всю концепцию по продольной линии и варьирует ее во время движения человека, Версальский сад сразу развертывает колоссальные перспективы, одним ударом показывая грандиозную панораму, а Шах-Зинда построено так, чтобы отдельными деталями, постепенно раскрывающимися друг за другом, передать в результате впечатление целого. Эти примеры, взятые наугад, говорят о том, что каж-

дый из них представляет собой законченное целое, смысл которого нужно прежде всего разгадать. Разобрать каждый из этих примеров, понять, в чем заключается смысл решения и как из этого решения вытекают все отдельные архитектурные приемы и пластические элементы, как они неразрывно связаны в одну пространственную систему с природой, с человеком, — это значит сделать бесконечно много в подготовке себя к той конкретной архитектурной работе, которая стоит перед нами. Таким образом, с одной стороны, повышение культурного уровня, отлаживание в мозгу «интеллектуальной корки» архитектора и понимание механики возникновения архитектурного ансамбля, с другой стороны, — это конечная перспектива, которая раскрывается в результате освоения наследия архитектурного прошлого.

Необходимо признать, что мы мало занимаемся этим, и будет правильно, если теперь в нашей мастерской придадим больше значения усвоению наследия, чем придавали за эти 10 лет, и поведем в этом смысле активную работу над критическим вскрытием этого наследия и освоением тех уроков, которые можно получить при этом.

Думается, что будет правильным поставить перед собой задачу в процессе изучения исторического наследия извлечь из него столько же пользы для создания пролетарской архитектуры, сколько Маркс извлек из идеалистической философии для создания своей материалистической школы.

Что же представляют собой те новые элементы, на которых должна строиться пролетарская архитектура? Как раз то, чего не хватает исторической архитектуре, что в ней всегда отсутствовало, является самым богатым материалом для развития нашей архитектуры. Первое — это совершенно новая социальная целеустремленность советской архитектуры, широта и величина ее потребностей, количество, переходящее в новое качество.

Старый заказчик, заказчик индивидуальный, ставил задачи, которые были задачами удовлетворения роскоши, тщеславия немногих групп господствующего класса. Теперь мы

можем говорить о бесконечных потребностях и запросах многих миллионов пролетариев и колхозников. И это понимание новых социальных потребностей чрезвычайно важно не только с точки зрения строительства социализма вообще, но с точки зрения строительства новой пролетарской архитектуры, потому что все эти новые потребности, понятые в широком смысле слова, — потребности материальные и культурно-бытовые, — представляют богатейший материал для кристаллизации новых форм, новых образцов нашей архитектуры.

Необходимо отметить, что здесь речь идет не о примитивном удовлетворении потребностей, а о том, чтобы в самом широком понимании потребностей не только их удовлетворить, но суметь найти и построить на этой базе новый организм, который прежде всего будет социально осмыслен и который даст предпосылки к построению того, что можно назвать архитектурным организмом, другими словами, решение потребностей какого-нибудь задания, которое перед нами стоит, — будь то жилище, будь то клуб, — нужно довести до состояния законченности какого-то организма.

Резко отмечая понятие об удовлетворении потребностей, как о грубой арифметической работе, имея в виду при этом отыскание законченного нового организма в целом ряде жизненных задач, мы твердо уверены, что в этом и по сей день заключается основной удар, основная задача, определяющая пути новой архитектуры.

Это тот элемент, без которого немислмы какие бы то ни было успехи в работе над новой пролетарской архитектурой.

Вторая группа — это достижения науки и техники, причем опять и это не нужно понимать в узком смысле, сводящем дело к элементарным расчетам конструкций, световой поверхности и т. п., как у нас довольно часто это делалось; понимать это нужно гораздо более широко, причем часто необычайными

толчками в развитии архитектурной мысли могут быть элементы, не непосредственно касающиеся архитектуры, но, допустим, даже такие явления — как стратостат, как завоевание Арктики, как разложение атома. Все они создают совершенно новую атмосферу, они сразу показывают, в какой век, в какую эпоху мы живем и как важно в эту эпоху суметь и нашу архитектуру построить так, чтобы она не проходила мимо этих завоеваний техники и науки. Нечего говорить, что все современные достижения строительной техники, акустики, теплового режима, светового режима и т. п. становятся элементами, без которых мы более не можем практически работать. Надо еще прибавить, что нужно стараться построить нашу работу так, чтобы она шла не параллельно этим достижениям, а все время с ними пересекаясь и переплетаясь; это значит не только пользоваться этими достижениями нашей эпохи, но и постоянно толкать вперед и будировать современную научную мысль.

Имея перед собой культурную базу, в результате систематического освоения исторического наследия, имея перед собой конкретные социальные задачи, задачи удовлетворения потребностей колоссального размаха нашего времени, имея в своих руках как средство разнообразие и богатейшие достижения науки и техники, — необходимо установить между всеми этими элементами творчества правильные взаимоотношения.

Когда-то, в эпоху греческой архитектуры, в эпоху Ренессанса, архитектор был всегда на высоте достижений современной науки и техники. Если вы возьмете трактаты Витрувия, Альберти, Леонардо-да-Винчи и т. д., то эти трактаты — комплекс всего того, что имела наука и искусство на этом историческом уровне. Классическая архитектура достигла столь многого также и потому, что она производилась людьми, которые были вообще в авангарде культурных людей того времени. Сейчас эта задача, конечно, должна ставиться иначе. Держать в мозгу все достижения науки и техники нельзя; невозможно охватить все достижения наших ученых. И здесь именно нужен тот метод, который позволил бы построить правильные взаимоотношения между социальными задачами дня и конкретными возможностями их выполнения в архитектуре. Необходим метод, который помог бы правильному развер-

тыванию творческого процесса в столь сильно усложненной и обогащенной обстановке. Но творческий метод — это не механический метод. Это метод, который возникает в мозгу человека, а ничего нет более индивидуального, чем мозг человека, и думать, что этот процесс всегда может рассматриваться в механической последовательности, конечно, неправильно. Чем больший опыт у архитектора, тем более охватывает он вещь и в ее техническом выражении, и в ее социальной устремленности, и в выкристаллизованном архитектурном образе; благодаря большому навыку автора архитектурная форма иногда сразу является элементом, одетым в техническую одежду и имеющим определенную социальную устремленность. Бывает иногда так, что архитектурная идея, архитектурная мысль, архитектурный образ возникает ранее, нежели он оделся в техническую одежду; творческий процесс идет скачками, часто выхватывает одну из предпосылок, которая является ведущим звеном и этим звеном развивается все решение.

Задача заключается в том, чтобы во всех различных случаях творческого процесса взаимосвязь цели, средства и выражения в конечном счете установилась бы на своем месте, чтобы в законченном архитектурном произведении была ясна и социальная устремленность данной задачи, и правильная техническая вооруженность решения, и обогащенность его всеми достижениями науки, — чтобы все оказалось на месте.

Следовательно, задача не заключается в том, чтобы направить творческий процесс по узкому механическому пути, но чтобы в конечном результате процесса все было установлено на своем месте, чтобы не было таких положений, когда мы могли бы сказать, что либо социальная задача не разрешена, либо техническая задача не разрешена, либо художественная не разрешена.

Вот подобный метод работы, — метод, который строится не на противоречиях, а на слитном органическом единстве между целью, средством и архитектурным образом, между содержанием и формой, — мы называем творческим функциональным методом.

Важным моментом в творческом процессе является проблема архитектурного образа. В № 5 журнала «Архитектура СССР» есть статьи некоторых архитекторов о том, как они подходят к творческому процессу; среди них особенно любопытно заявление И. А. Фомина, в котором он с большой искренностью говорит, что у него архитектурный образ возникает иногда за год до получения заказа, а иногда и за 10 лет. Так, говорит он, у него давно возник образ спаренных колонок, а получение заказа на универсам им. Дзержинского дало ему возможность включить туда этот образ. Здесь речь идет о предвзятой системе формальных элементов, которая возникает еще до начала работы и которую потом, при случае, архитектор использует.

Подобная работа над архитектурным образом, характерная, конечно, не для одного И. А. Фомина, не имеет ничего общего с нашим пониманием этого вопроса. Для нас работа над архитектурным образом есть мучительная борьба, мучительная чеканка вначале неизвестного, которое становится все более и более ясным с каждым шагом. Пока мы не ознакомились с социальной устремленностью задачи в целом и ее деталей, у нас нет этого образа, но как только задача становится ясной, начинается работа по плавлению этого образа, и с каждым днем моменты технические, практические, научные, окружающая среда вносят все больше и больше ясности в этот образ. В конечном счете из неизвестного некоего этот образ становится ясным, близким и четким в результате длительных творческих усилий. Кристаллизация архитектурного образа является целью целей, но мучительный процесс чеканки этого образа определенными художественными, техническими и научными средствами есть упорная борьба за завоевание единства формы и содержания, являющегося для нас критерием качества нашей работы.

Теперь возникает последний вопрос: является ли архитектура искусством? И тут надо определенно ответить: конечно, архитектура — искусство, искусство потому, что харак-

тер мышления архитектора, характер творческого процесса архитектора, в отличие от процесса математика, астронома и т. п., работа которых тоже находится на высочайшей степени мастерства, все-таки отличается образностью архитектурного мышления. Это тот спецификум, который отличает деятельность архитектора от деятельности самого талантливого математика.

Не пытайтесь сейчас давать научное определение слова «искусство», мы считаем необходимым сделать разъяснение, почему же мы так неохотно пользовались словом «искусство», предпочитая заменять его словом «художественный труд». И здесь нужно ответить так же, как и по вопросу архитектурного образа. Ведь дело в том, что идеалистическая философия придала специфический смысл слову «искусство».

Так, Шиллер говорил, что «наука и искусство, разум и чувство — вещи взаимно несовместимые...» «Там, где разум освещает сознанием творчество человека, там нет искусства».

Спенсер говорил: «Идея прекрасного исключает все, что необходимо для жизни, все, что полезно для жизни...»

Шопенгауэр говорил: «При эстетическом восприятии вещей воля совершенно уходит из сознания».

Идеалистическая философия строила понятие об искусстве прежде всего, как о «безкорыстном», и продуктом этой идеалистической философии является то, что художники и архитекторы работали независимо от достижений науки и техники, не понимая задач, которые стояли перед обществом и страной.

Таким образом, говоря о том, что архитектура есть искусство, нужно непременно прибавить, что это искусство представляет собой мощный поток, в котором сплавляются между собой в одинаковой степени и чувство, и разум, и воля; социальная устремленность эпохи, и научные и технические достижения, которые имеет человечество, — все вместе сливается в один мощный поток, в котором эти отдельные элементы не мешают друг другу. Настоящее, подлинное произведение искусства не только не может быть независимо от жизни, но оно может получить свое наиболее полное, яркое решение только тогда, когда оно является результатом жизни, отвечает на запросы жизни, когда

в нем есть сознательная воля класса, который хочет и должен построить совершенно новую жизнь, новую эпоху.

ТВОРЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ АРХИТЕКТУРЫ

Необходимо коснуться также всех тех вопросов, которые расширяют границы архитектуры, и первый из них — вопрос архитектурной и строительной техники, строительной индустрии. Массовость потребителя делает для нас совершенно неизбежной индустриализацию строительства. Индустриализация требует по своим производственным соображениям стандарта, фабрика требует стандарта, стандарт нужен для машины, которая будет выпускать этот стандарт. С другой стороны, массовость толкает к типизации.

Что такое тип? Тип — это есть результат работы над осмысливанием новых социальных заданий.

Тип и стандарт — явления в наших условиях вполне закономерные, вытекающие вполне естественно из экономических условий СССР. Однако, к несчастью, у нас большей частью эта задача ставилась на голову.

Стандарт вызывается требованиями индустриализации. Он родился для того, чтобы облегчить производство продукта на фабрике. Во что же превратился у нас стандарт? Стандарт превратился в казенный штамп, в привычку стричь под гребенку человеческую мысль. Отсюда появились «осты», которые имеют смысл только для фабрики, но у нас заставляли эти стандарты среднего качества изготовлять кустарным образом на разных стройках. Между тем задача не в том, чтобы стандартизировать элементы ради них самих, а чтобы понять, в чем нуждается производственный процесс на том или ином индустриальном предприятии и чтобы на этом предприятии думать о количестве и качестве тех стандартов, которые бы раскрывали наиболее широкие возможности работы перед архитектором. Если фабрика будет выпускать один стандарт окна, это безнадежно; но если она предполагает выпускать их уже несколько, то можно продумать и создать самую разнообразную систему сочетаний, доводящих до безконечности возможности архитектора. В этом взаимные задачи строительной индустрии и архитекторов.

Другой момент — типизация, которая у нас тоже получила самое не-

ленное извращение. Тип — это продукт работы над непрерывным уточнением социального заказа. Если нужно создать новый тип клуба, то это значит, что нужно в течение десятка лет осмыслить то, что должен представлять собой новый клуб, а у нас тип превратился в трафарет, в цепь данных, которыми обязательно должны пользоваться архитекторы. Другими словами, тип превратился в простые механические шоры, ограничивающие мысль архитектора и заставляющие его идти по линии наименьшего сопротивления. А в то же время правильно понятая проблема типизации, — это одна из интереснейших социальных и архитектурных задач, решение которой ближе всего может привести к формам новой пролетарской архитектуры.

Чрезвычайно важный вопрос — вопрос ансамбля в архитектуре, вопрос композиции ансамбля в архитектуре, который расширяет границы архитектурного творчества, ставит проблему взаимной связи архитектурных частей, проблему целого и части, изменения одной части при появлении другой.

Запад лишен возможности широкого использования этой особенности. Он вынужден большей частью очень изолированно решать задачу, приспособляясь к существующему ансамблю.

У нас, ввиду исключительного размаха строительства, ввиду отсутствия индивидуальных заказчиков, отсутствия частновладельческого землепользования, — задача ансамбля в самом широком смысле этого слова является ведущей. И поэтому за ансамбль, за понимание этого ансамбля нужно драться особенно сильно, наиболее полно выявляя его значение. Нужно понять, что никакой дом не исчерпывает своей архитектурной ценности, если его брать изолированно. Он является настоящим архитектурным объектом только тогда, когда он вписывается в целый ансамбль, когда он связывается с природой, и с рельефом, и с окружающими людьми.

Следующая из проблем, расширяющих границы архитектуры, — это синтез природы, архитектуры и прочих искусств. Наиболее значительным является синтез архитектуры и природы, и в этом смысле наибольшую пользу может принести освоение наследия прошлого. Самое большое достояние, которое есть у архитек-

туры, — это умение вписать архитектуру в окружающий ансамбль, понять, где архитектура дополняет природу и где она ей противопоставляется, от нее отграничивается. Если в целом ряде условий, где сама природа подготавливает прекрасную почву для архитектора, речь идет о том, чтобы вписать архитектуру в нее, то бывают условия, когда от этой природы приходится отгораживаться, ей противопоставляться, например, в условиях строительства среднеазиатских городов, в почти пустынном пейзаже.

Дальше нужно упомянуть о синтезе архитектуры и цвета. Это стало теперь совершенно элементарным; цвет помогает пространственному выражению архитектуры, преобразует архитектуру, делает язык ее более ясным, конкретным, корректирует те или иные недочеты природных условий и т. д. Точно так же совершенно понятным является и синтез архитектуры и внутреннего оборудования, мебели.

Однако здесь советский архитектор наталкивается на полную неподготовленность индустрии к решению этих задач. Эти важнейшие задачи приходится всегда решать кустарным образом, в самых тяжелых условиях. Необходимо повести серьезнейшую борьбу за создание соответствующих отраслей индустрии, за качество внутреннего оборудования, за мебель, дверную ручку и т. д., которые дополняют и завершают архитектурный ансамбль.

Сложнее вопрос о синтезе архитектуры, живописи и скульптуры. Это одна из самых деликатных творческих проблем.

Как у нас обычно понимают синтез архитектуры и скульптуры? Либо на стенку приклеивают какой-то барельеф, в виде почтовой марки, причем какой — это почти безразлично для архитектора, либо на высоте 7 и 8 этажей ставят статуи, которых никто видеть не будет и которые значения не имеют, т. е., другими словами, скульптура становится только декоративным элементом в архитектуре, скульптура заменяет орнамент. Называть это синтезом, конечно, нельзя. Синтез заключается в очень трудных пересечениях творческих путей скульптора и архитектора, причем они не всегда могут удачно сочетаться, не всегда между любимыми творческими индивидуальностями может быть найден этот синтез. Примеры законченных решений этого вопроса можно лег-

ко найти в исторической архитектуре. Таковы, например, Palazzo Signoria во Флоренции. Это здание было выстроено значительно раньше, чем перед ним поставили «Давида» Микель Анджело. Палаццо само по себе закончено; «Давид» Микель Анджело также имеет самостоятельное художественное значение (сейчас на старом месте установлена копия, оригинал находится в музее), но они поставлены друг против друга таким образом, что углубляют друг друга, и в лунную ночь этот белоснежный «Давид», на фоне грубых желтоватосерых камней, представляет собой высшую форму синтеза. Здесь две творческие индивидуальности пересеклись, углубили друг друга до бесконечности.

Точно так же мы увидим этот синтез в треугольном тимпане греческого храма. Эти фигуры, вынутые и поставленные в любой музей, представляют собой совершенно законченное целое, они полны экспрессии и выражают совершенно самостоятельное действие; но будучи поставлены в тимпан, они углубляют художественное значение архитектурного произведения до бесконечности.

Великолепный пример дает также статуя Афины Паллады, на Афинском акрополе, которая, являясь совершенно самостоятельным произведением, чрезвычайно важна и для всего ансамбля Акрополи. Следовательно, необходимо не затыкать пустые места в архитектуре скульптурой, а стремиться к настоящему синтезу, суметь пересечь две творческие линии, которые взаимно дополняют друг друга.

И, наконец, последняя из задач, которые расширяют границы архитектуры, — это задача претворения современной архитектуры в нашей действительности. Самый большой грех современной архитектуры — это то, что она в большинстве случаев была бумажной, что очень много было изведено бумаги и бумага эта оказывалась во многих случаях совершенно оторванной от реального претворения. Одно выстроенное сооружение дает архитектору гораздо больше, чем сотни вычерченных проектов; реальное строительство перестраивает всю систему его работы, манеру подавать и рисовать проект. Необходимо каждый раз проделывать путь от эскиза к рабочим чертежам, от рабочих чертежей к шаблонам.

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД НАМИ

Первое, о чем нужно сказать, это о поисках критерия законченности в нашей работе, завершенности определенной архитектурной организации. Понимание этой законченности, этой закономерности, преодоление случайностей и работа над созданием законченного архитектурного организма, — вот что необходимо прежде всего в нашей работе.

В чем же заключается законченность архитектурной композиции? Ее можно определить как: «Согласованность разнообразного для единства в форме». Примеры подобной законченности мы можем часто видеть в органическом мире. Человек представляет собой совокупность самых разнообразных элементов: голова, ноги, руки, туловище, — и в этом разнообразии имеется очень четкое и жесткое единство.

Создать такое единство в многообразии архитектурных элементов — наиболее трудная, наиболее сложная задача. Речь идет о выражении какого-то законченного композиционного принципа, который развивается на целый ряд отдельных задач: тектонической закономерности (закономерности построения), математической закономерности (закономерности, которая построена на взаимоотношении определенных пропорций) и закономерности динамической (которая построена на динамике, на ритме). Нужно сказать, что все эти закономерности в первооснове своей возникают на базе функциональной закономерности, и в этом заключается ключ, рычаг, без которого архитектор не может начинать свою творческую деятельность.

Перед многообразием элементов и возможностей их решения можно растеряться, если не понимать, что они возникают из основной функциональной закономерности организма. Лишь тогда, когда правильно решены функциональные задачи превращаются в цельно построенный организм, — тогда этот последний дает необходимые предпосылки в выявлении и конкретизации отдельных закономерностей: тектонической, математической, динамической. Нужно иметь для этого материал, нужно иметь канву, и эта канва есть та первоначальная функциональная законо-

мерность, которая толкает нас на путь поисков той или иной системы формальной закономерности.

Теперь мы переходим к вопросу ритма и пропорций.

Ритм и пропорция относятся к числу тех элементов, о которых говорят, что их можно наиболее смело, наиболее полно заимствовать из архитектуры прошлого.

Прежде всего надо отметить, что и ритм, и пропорции, подобно цвету, являются элементами, которые быстрее всего «телеграфным» путем воздействуют на человека. Это вещи, ощущаемые и ребенком, и дикарем. Это восходит к биологии человека, к нашей природе, наименее подчинено разуму и поэтому является наиболее мощным средством в руках архитектора.

Ритмическая закономерность является в сложности чередования ритмических элементов, глубине и силе ритмических ударов (в ритме мы имеем распорядок чередования элементов, сложность этого распорядка, глубину и силу удара и интервала).

Какие общие выводы можно сделать в области ритмических задач? В сознании человека имеются два порога восприятия: нижний и верхний. И как бы задача ни решалась, важно, чтобы восприятие находилось всегда между этими двумя порогами. Нижний порог, — это порог, определяющий минимум ритмических раздражений, которые вызывают самый факт динамического восприятия. Ниже этого порога находится то, что определяется монотонностью, однообразием.

Верхний порог кончается там, где число раздражений становится слишком большим. Это уже та беспокойность, та пестрота, которая затрудняет восприятие и не дает глазу никогда удовлетворения.

Не менее важная задача — это пропорция; она относится к числу элементов шифровки архитектурного целого и детали. Работа над пропорциями в творчестве архитектора чрезвычайно необходима, но надо понять, что в пропорциях сказывается весь творческий строй архитектора. Поэтому, когда говорят, что пропорций можно добиться при помощи циркуля, хочется ответить, что не плохо проверить себя циркулем, но было бы величайшей архитектурной ошибкой свести этот высокий строй творческого

языка на язык измерений при помощи инструмента.

В характере пропорций нередко отражается целая эпоха, целый стиль. Достаточно сравнить два архитектурных памятника: палаццо Pandolfini Рафаэля и палаццо Farnese Микель Анджело. Оба эти дворца используют одни и те же элементы. Между тем, Вельфлин совершенно справедливо указывает, что один из них является характерным примером эпохи ренессанса, а другой — барокко. Изменились, казалось бы, только пропорции, в действительности же изменилось соотношение всех элементов между собой. Вот почему, помня о циркуле, не надо забывать и чутья архитектора, отыскивая и в пропорциях дух и характер нашей эпохи.

Очень распространено мнение о том, что системе пропорций в ритме можно заимствовать непосредственно из прошлого. Конечно, восприятие ритма и пропорций скорее восходит к биологической особенности человеческой природы.

Но все же не следует забывать, что нет такой биологической особенности, которая не подвергалась бы изменению под воздействием социальной природы и поэтому каждая эпоха вырабатывает определенный строй пропорций и ритма.

Следующая творческая проблема — это проблема дальнейшего развития завоеваний в области решения пространственных задач новой архитектуры. Эkleктическая архитектура, как правило, характерна чрезвычайно слабым выявлением чисто пространственных задач. Наша новая архитектура пошла по противоположному пути, она раскрыла колоссальные чисто пространственные возможности перед архитектором. Это ее несомненное завоевание. Но эkleктическая архитектура, которая свела все решения почти к одной плоскости, к одному фасаду, в этой плоскости сумела сконцентрировать все свои пространственные возможности, она пришла к определенному построению плоскости, когда все эти ложноклассические элементы, пилястры, валички и т. п., которые надеты на окна, хотя и решены почти в одной плоскости, но создают большое пространственное сочетание планов. Вот почему такой фасад производит известное импонирующее впечатление.

Наша же архитектура, решая пространственные задачи достаточно бо-

гато в основном, в плоскости осталась только плоскостной. Наша архитектура нередко остается «коробочной», т. е. она очень часто пассивно принимает плоскость, не давая в ней никакого пространственного богатства и глубины. Конечно, это дефект, и очень крупный.

Если задача пространства понимается и решается нами в основном правильно, то настойчиво надо нам решить задачу пространственного обогащения плоскости объемов и, конечно, надо эту задачу решать не тем путем, которым решает ее эклектическая архитектура, а своими новыми средствами. Однако надо отдать себе ясный отчет в том, что мало сделать объем, — нужно этот объем насытить пространством; мало сделать плоскость — нужно найти в ней игру планов, и эти решения нужно непременно найти на определенной социальной канве в общем органическом материале архитектуры. Если эта задача будет поставлена перед нами достаточно остро, она непременно приведет к тому новому лицу, которое должна получить наша советская архитектура в ее дальнейшем продвижении вперед.

Теперь можно перейти к последнему вопросу, опять-таки чрезвычайно важному и принципиальному, который является одним из самых уязвимых мест нашей новой советской архитектуры. Речь идет о взаимоотношении абстрактного и конкретного, о двух началах, на которых построено всякое архитектурное произведение, и о правильном взаимоотношении этих двух элементов между собой.

Абстрактное в архитектуре. Что надо понимать под этим словом? Это есть степень высочайшей организации, система, поднимающаяся над конкретным, понятие, приводящее к ряду моментов, кристаллизующих наиболее совершенное, наиболее чистое, наиболее ясное сосуществование архитектурного целого. С другой стороны, конкретное начало приближает произведение к человеку, делает его более понятным и близким.

Вся история архитектуры дает нам множество примеров непрерывной

диалектической борьбы этого конкретного с абстрактным.

Южная, греко-италийская эстетика характерна преобладающим элементом абстрактного, а северные народы более склонны к конкретному. И вот эти два предела нужно почувствовать и найти меру взаимосвязи их между собой. Этих вопросов мы как будто никогда не обдумывали, эту задачу никогда перед собой не ставили, между тем надо сказать, что действительно в нашей архитектуре есть избыток абстрактности; причем любопытно, что мы к этой абстрактности сознательно стремились. Несомненно, что эта специфическая абстрактность создала все наиболее ценное, что есть в новой архитектуре. Но мы до сих пор не осознали, что для дальнейшего ее развития необходимы и элементы конкретного.

Пластически очищая свой язык и стремясь к кристаллизации абстрактного начала в архитектуре, нужно найти чувство меры и ввести целый ряд элементов, которые бы по контрасту усиливали значение абстрактного и приблизили бы эту архитектуру к зрителю. И если наша архитектура часто плохо воспринимается, то не в этой ли чрезмерной абстракции, отталкивающей человека от архитектурного произведения, заключается один из существенных пробелов новой архитектуры.

В чем же это конкретное может быть достигнуто? Очевидно, в трех вещах: первое — в более острой постановке проблемы деталей. Проблема деталей по-настоящему нами не была еще поставлена. Между тем она должна быть выявлена из богатства деталей социальной и технической канвы архитектурного произведения. Она должна получить исчерпывающее разрешение в ряде элементов защиты архитектурного организма от атмосферных влияний, в элементах, связанных с функционированием человека, — балкон, цветочный ящик и т. д. Причем во всех этих случаях нужно настойчиво стремиться к отысканию нужной меры конкретного в отношении абстрактного целого.

Вторая из этих проблем (это по существу одна проблема в ее разновидностях) — это масштабность. Через первую проблему можно прийти и к проблеме масштабности, имеющей мерой человека человеческую руку и человеческую ногу, человеческий рост, — все это сказывается на двери,

на окне и т. д., другими словами, на ряде деталей, при помощи которых легче приблизиться к конкретному языку масштабности.

И, наконец, третья сторона того же дела — это «очеловечивание» архитектуры. Через деталь к масштабу, через масштаб — к очеловечиванию архитектуры. Особенно остро этот дефект чувствуется в промышленной архитектуре и в планировке наших новых городов. Например, площади, которые делаются в проектах наших новых городов, представляют собой нередко не площади, а колоссальные полигоны, на которых могут происходить военные маневры.

Таким образом, не снижая тех достижений, которые мы имеем в ясных новых формах нашей архитектуры, радикально противоположных архитектуре классической и эклектической, нужно найти чувство меры в отношении конкретного. Напряженная работа в этом направлении, — через деталь, масштаб, очеловечивание архитектуры, — должна привести нас к новому этапу полноценной современной архитектуры.

Последний вопрос — это вопрос о полноценности творческого диапазона архитектора. В этом вопросе необходимо прежде всего чувство меры. У нас полноценность сейчас понимают элементарно: как можно больше скульптуры, как можно больше выступов и угловочков. Нельзя забывать ни на одну минуту, что мудрая творческая скупость есть одно из самых ценных свойств художника (конечно, не аскетизм, не делачество). Эта мудрая творческая скупость — ценный признак лучших памятников прошлых эпох и нашей архитектуры. Но, конечно, надо понять, что советская наша архитектура развилась в тот период, когда мы были бедны до крайности. На нашу долю выпало выковывать язык новой архитектуры в то время, когда нам приходилось снижать стоимость каждого кубометра стройки, экономить каждую бочку цемента, каждый фунт гвоздя. Мы стали богаче, у нас стало больше возможностей, мы можем себе сейчас позволить отказ от аскетизма и гораздо более широкий размах. Вполне естественно, что наша палитра должна стать полноценной творческой палитрой. Но здесь нужно найти настоящий такт. Такт и экономический и художественный одновременно,

КАК Я РАБОТАЮ

ФРАНК ЛЛОЙД РАЙТ

Изложение и теоретическое обоснование процесса творческой работы архитектора является само по себе творчеством. Попытаюсь все же ответить на поставленные вами вопросы.

В условиях каждого задания следует искать метода его решения. План, форма и общий характер проекта предопределяются характером участка, характером применяемых материалов, способами применения их, природными данными и, наконец, назначением данной постройки. И всегда творческая индивидуальность самого архитектора является фактором, имеющим решающее значение.

В органической архитектуре композиция, как таковая, мертва. Мы больше не занимаемся собственно композицией. Мы задумываем здание как нечто цельное. Исходя из общего к частному, применяя какую-либо определенную схему построения, мы пытаемся отыскать решение, наиболее подходящее, т. е. наиболее свойственное всем факторам, имеющимся налицо и перечисленным выше.

Рисунок и наброски являются только средством пояснения и фиксирования идей. Они и должны играть эту второстепенную роль. Как средство сообщения между архитектором и клиентом или между архитектором и строителем, они необходимы для переговоров и, как таковые, должны как можно проще и точнее воспроизводить то, что требуется сказать, — и не более.

Единственная польза, которую мы можем извлечь из классических или современных архитектурных памятников, — это изучать на них те свойства, которые в свое время делали их полезными или прекрасными, и осознать наличие в них этих свойств. Как готовые, застывшие формы, архитектурные памятники старины могут в настоящее время быть только вредными для нас. То, что в свое время сделало

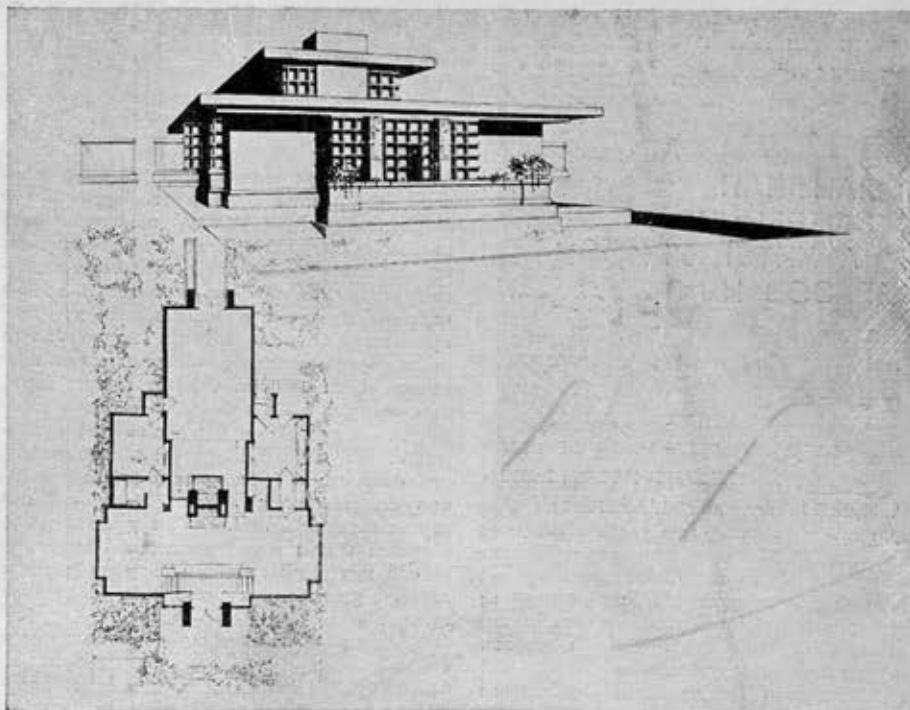
их великими памятниками, способствует и в наши дни созданию великих архитектурных творений. Но те здания, которые должны воздвигать мы, естественно, резко отличаются от них.

Редко бывает, чтобы методы коллективной работы распространялись и на область подлинной творческой работы архитектора, если не считать тех случаев, когда один архитектор выполняет то, что задумал другой. Но даже в этих случаях высшего совершенства нельзя достигнуть.

В искусстве архитектуры замысел и выполнение его должны быть неким единым по содержанию целым. Помощники архитектора должны быть подобны пальцам руки архитектора в отношении той работы, которую он выполняет. Всякие «заседания комиссий» никогда ничего не давали. Они ведут часто лишь к творческому компромиссу. Результаты всяких архитектурных конкурсов всегда были самыми средними из средних. Там, где дело касается творческой работы, всякие конкурсы действуют сугубо отрицательно.

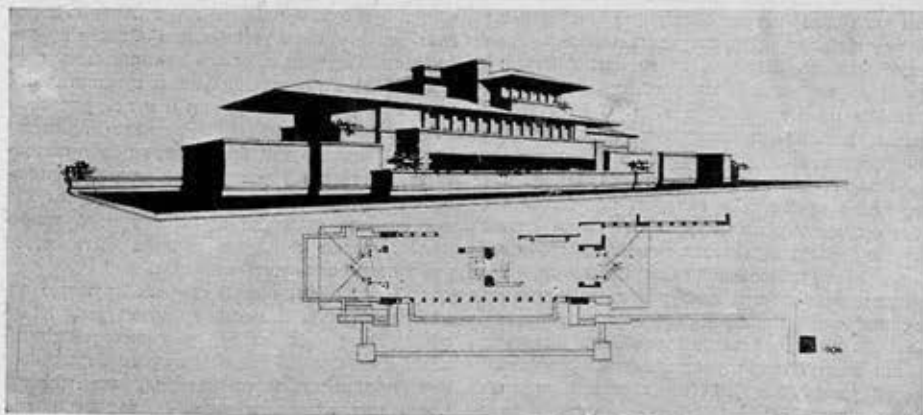
Скульптура и живопись — неотъемлемые моменты в архитектуре, и сам архитектор должен в достаточной степени владеть этими видами искусства, чтоб ясно осознать и воплотить эти моменты в своем творчестве там, где они необходимы. Архитектура, скульптура и живопись должны быть неким синтезом, который воплощается в жизнь с таким же глубоким пониманием, с каким оркестр исполняет музыкальное произведение под управлением самого композитора.

Работа по окончательной отделке проекта должна свестись к созданию некоего гармонического целого, путем оправдания всех деталей, проверки и изменения тех из них, которые выпадают из общей схемы проекта. Если проект хорошо задуман и является правильным разрешением данной за-

Projet d'une maison de Campagne. F. L. Wright

Дом в лесной просеке. Ф. Л. Райт (рисунок)

Maison dans une percée forestière. F. L. Wright

дачи, притом хорошо разработан и соответственно оформлен, работа по отделке его сводится к минимуму.

Работа на строительном участке должна проводиться под непосредственным наблюдением человека, по замыслу которого проектировалось данное здание. Ему необходимо оказывать содействие в такой мере, чтоб обеспечить окончание строительной работы в соответствии с его замыслом.

Всекие исправления, дополнения должны быть сведены к минимуму. Если проект разрабатывался достаточно вдумчиво и серьезно, они просто не нужны. Но иногда в процессе строительства выявляются лучшие способы достижения желаемого эффекта, и этим пренебрегать никак нельзя. Но в таких случаях за архитектором должно быть последнее слово, и ему должна быть предоставлена

свобода при определении изменений в целях наиболее эффективного выполнения задания. Чертежи и спецификации составляются в первую очередь для воспитания архитектора и его помощников. Воспитательная работа не должна приостанавливаться по мере продвижения строительства, конечно, при том условии, что она не усложняет системы возведения здания. Поэтому лучше придерживаться гибкой системы выполнения с тем, чтобы всякие изменения не влекли за собой значительных расходов и не вносили путаницы в работу. Тем не менее, всякое хорошее здание всегда является результатом правильной разработки определенной системы, которую архитектор должен полностью осознать и ею овладеть, прежде чем он примется за проектирование данного здания.

ЗА РУБЕЖОМ

МИЛАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХИТЕКТУРНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Осенью прошлого года по инициативе французского журнала «L'Architecture d'Aujourd'hui» в Милане была созвана конференция, специально посвященная вопросам архитектурного образования. Конференция эта, приуроченная к периоду международной выставки («Триеннале»), привлекла довольно значительное число участников.

Материалы конференции, опубликованные в последнем номере «L'Architecture d'Aujourd'hui», представляют несомненный интерес в двух отношениях: прежде всего мы находим здесь обширную информацию о крупнейших архитектурных школах Франции, Англии, Италии, Германии, Австрии и ряда других стран, их учебные планы, программы преподавания и т. д. С другой стороны, доклады и дискуссии, происходившие на конференции, чрезвычайно показательны для характеристики как того глубокого внутреннего кризиса, в котором находится сейчас архитектурная жизнь и школа на Западе, так и борьбы отдельных течений и группировок, обнаруживающей все новые и новые линии, по которым идет расслоение архитектурных сил в капиталистическом мире.

В этом отношении особенно интересны были выступления таких видных представителей различных флангов западной архитектуры, как Петер Беренс, Андре Люрса, Ж. Ваго, венский академик Гольцмейстер и др. Приводим вкратце основные моменты из их докладов и рефератов.

Петер Беренс выступил с симптоматичным философским обобщением своих взглядов ссылками на Бергсона. Характер будущей архитектуры Петер Беренс рассматривает как победу интуитивно-динамичных начал в противовес атмосфере скептицизма и анализа настоящего и статичности, выраженной в конструкции архитектуры прошлого. Не давая определенных установок в области образования, Петер Беренс утверждает, что архитектурное творчество будет интуитивным, символическим. Фантазия архитектора будет выражать символически ритм и динамику нашей жизни.

Полную противоположность позициям Беренса представляет выступление Андре Люрса, подвергающего суровой и резкой оценке как архитектурное образование во Франции, так и социальные условия, породившие его. Определив архитектуру как функцию социологических условий общества, Андре Люрса выясняет классовый характер архитектурных школ, начиная с знаменитой парижской школы изящных искусств. «Бесплатность» обучения остается лишь на бумаге, поскольку материально студент не поддержи-

вается, не имея возможности посещать в течение столь продолжительного времени эту аристократическую школу, немущие слои населения вынуждены идти во второстепенные школы или в более демократичные технические школы, дающие им возможность только служить в качестве помощников у своих привилегированных коллег. Андре Люрса резко обрушивается на схоластику и академизм преподавания. Студент школы изящных искусств рабски копирует образцы классицизма и ренессанса без анализа их композиции, без выяснения условий, породивших эти композиции, без понятия о взаимоотношении содержания и формы. Поработав над перальными проектами, он вынужден строить в жизни виллы и доходные дома. Подделку зданий под разные «стили» Люрса объясняет именно уродованием студентов в стенах школы.

Андре Люрса протестует против понятия «рациональное красиво», характеризуя его как догму, формализм, как формальное понимание учениками метода творчества крупных архитекторов-новаторов. Отрицая возможность полного расцвета архитектурного творчества при существующем строе, Андре Люрса дает, однако, свои установки в области преподавания. Содержанием его должно быть изучение биологии, социологии и гуманитарных наук как нашей эпохи, так и в историческом разрезе. Это будет «содержанием» архитектуры. «Формой» же будет изучение архитектуры, искусства и технических наук. Правильным соотношением содержания и формы будет создано единство архитектурного творчества, методом которого должен быть метод диалектического материализма.

Призывая, как и Люрса, крупную социальную роль и место архитектуры, Жозеф Ваго приходит в своих рассуждениях к нескольким иным выводам. Формирование архитектуры происходит, по мнению Ваго, под влиянием двух факторов: наших знаний о природе и технике и социальных изменениях. Изучение археологии не приведет ни к чему. Преподавание должно идти по линии изучения, с одной стороны, технических наук, и с другой — изучения потребностей общества. Здесь основное расхождение между Жозефом Ваго и Андре Люрса. Если Андре Люрса предлагает разрушить существующий строй для освобождения творческих сил, то Ваго призывает внимательно изучить потребности этого общества для наиболее верного его обслуживания. Жозеф Ваго предлагает давать знание архитектору только тому, кто по окончании высшей технической школы проработает в Академии на проектах два года с изучением композиции как высшей стадии обучения.

Говард Робертсон выступает также с подробно разработанной теорией архитектурного образования. Его высказывания приобретают особый интерес в связи с тем, что в руководимой им лондонской архитектурной школе проводится в жизнь эти установки. Учащемуся предоставляется максимум творческой свободы и инициативы. Преподают лишь принципы архитектуры. Выбор того или иного стиля, тех или иных форм будет зависеть от характера работ самого проектировщика. План получает новый смысл как

пространственная основа всякой архитектурной композиции в новой архитектуре. Таким образом учащегося необходимо обучить композиции с полным учетом всех пространственных элементов, обучить восприятию пространства. Процесс архитектурного творчества Робертсон рассматривает как учет функциональности проектируемого элемента, свойств, технических средств и методов и художественного выражения, обусловленного конструкцией.

Сходясь в оценке архитектурных течений с вышеприведенными архитекторами, Денис Георгий, профессор венгерской школы прикладных искусств, дает ряд предложений для будущей постановки архитектурного образования. Он предлагает максимальную специализацию преподавания, ее максимальную раздробленность и строгое разграничение архитекторов-проектировщиков от производственников, от архитекторов-конструкторов и т. д. Денис Георгий считает, что в современных архитектурных факультетах политехникумов преподается масса ненужных технических знаний как следствие подчиненности этих факультетов политехникуму, как отражение техницизма эпохи.

Ректор венской Академии изящных искусств профессор Клеменс Гольцмейстер иначе подходит к разрешению проблемы взаимоотношений технической и художественной сторон архитектуры. Не отбрасывая технические науки, подобно Денису Георгию, он предлагает проходить их в соответствующих школах (например, железобетонные конструкции должны изучаться в технической школе), раздробляя таким образом и распыляя самую архитектурную школу. Причем, по его мнению, отсутствие технических знаний не должно быть помехой для поступления в архитектурную школу в силу специфичности архитектуры как искусства. Одновременно Клеменс Гольцмейстер требует усиления практического участия архитектора в строительстве, вплоть до участия архитектора в возведении его проекта.

Альберт Лапрад идет дальше и требует создания школы-постройки со специально оборудованными музеями, лабораториями и т. д. После прохождения этой школы учащийся должен был бы пройти вторую ступень обучения, где большая часть программы была бы посвящена проектировке.

На конференции представлены также отчеты соответствующих организаций о постановке архитектурного образования в различных странах. Недостаток места вынуждает нас, однако, ограничиться лишь вышеприведенным материалом. Основная черта этих выступлений, несмотря на противоположность мнений, сводится в конечном счете к требованию повышения качества архитектурного образования. Целый ряд архитекторов, в том числе и Ганс Пельшиг, прямо требуют качественного отбора по принципу талантливости.

Материал конференции охватывает более широкую область, чем вопрос собственно архитектурного образования. Он является как бы архитектурным «credo», смотром теорий и течений современной западной архитектуры. Как таковой он требует критического изучения и осмысления.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

С конца прошлого года возобновились «архитектурные декадашки» союза. Декадашки посвящены обсуждению актуальных вопросов теории и истории архитектуры и текущей архитектурной практики.

Первый декадаш 21 декабря 1933 г. был посвящен докладу И. Л. Маца «Борьба за художественное качество советской архитектуры».

На следующем декадашке 3 января 1934 г. был заслушан доклад М. В. Алшатова «Проблема образа в архитектуре и живописи ренессанса».

Серия докладов-дискуссий о текущей архитектурной практике была открыта 13 января обсуждением недавно выстроенного Малого театра Дворца культуры Пролетарского района (арх. бр. А., В. и Л. Веснины). Доклад об этом сооружении сделал арх. И. А. Корифельд. В развернувшихся по докладу прениях было отмечено, что это сооружение является одним из наиболее интересных образцов советской архитектурной практики последних лет. При этом, однако, отмечалось, что, достигнув значительных результатов в решении объемных задач сооружения, бр. Веснины еще не сумели по-новому подойти к проблеме фасада.

Следующим крупным объектом, подвергшимся общественному обсуждению на «декадашке», явился Центральный стадион, сооружаемый в Измайлово, в Москве. Доклад о проекте стадиона сделал руководитель проектировочной бригады проф. Н. Я. Колли. В обсуждении доклада приняли участие члены союза, так и деятели физкультуры.

Декадаш 31 января был посвящен докладу французского архитектора Андре Люрса. «О сегодняшнем дне французской архитектуры».

Доклад А. Люрса, привлечший многочисленную аудиторию, печатается в ближайшем номере «Архитектуры СССР».

Далее на декадашках были заслушаны по историческому циклу — доклад проф. Е. В. Шервинского «Парковая и садовая архитектура античности», по циклу проблем советской архитектуры — доклад проф. В. Н. Образцова «Транспорт в планировке города». Первый доклад был организован группой парковой архитектуры, второй — группой планировки (обе группы постоянно работают в составе научно-исследовательского сектора союза).

Семинар по повышению квалификации архитекторов, организованный союзом, продолжает в текущем году свою работу. Занятия семинара распадаются на лекции и беседы по вопросам теории и истории архитектуры и на практические занятия.

По первому разделу пройден цикл «Античная архитектура» и проходит второй цикл — архитектура ренессанса и барокко. Главное внимание направлено на всестороннее изучение и анализ конкретных памятников.

Особое внимание уделяется системе пропорций, определяющих архитектурную композицию каждого памятника. Ряд лекций посвящается сравнительному изучению сооружений отдельных мастеров и отдельных эпох.

По этому циклу до сих пор прочитаны лекции Н. И. Брунова — «Византия, романский стиль, готика»; А. В. Дивилевова — «Культурно-исторические предпосылки Возрождения»; А. В. Кузнецова — «Строительная техника эпохи Возрождения»; Н. И. Брунова и Г. П. Гольца — «Брунеллески»; Н. В. Докучаева — «Проблема ансамбля в архитектуре ренессанса и барокко»; А. А. Сидорова — «Архитектура северного ренессанса»; И. Н. Соболева — «Браманте»; В. С. Балихина — «Синтез искусств в архитектуре ренессанса»; Н. И. Брунова — «Альберти»; М. В. Алшатова — «Проблема изображения в живописи ренессанса и барокко»; А. А. Сидорова — «Архитектура барокко» и «Палладио, Серлио и Виньола»; С. Н. Кожина — «Бернардо Росселино и система пропорций ренессанса».

С конца прошлого года при союзе начали работать научно-исследовательские группы по отдельным отраслевым проблемам советской архитектуры. Группа по вопросам паркового строительства (руковод. арх. А. Карра) заслушала доклад П. Алексеева о проблеме цвета в парковой архитектуре. Группа выделила две бригады под руководством т. Карра и т. Ох по обследованию парков Москвы. Бригадами подготовлена библиография паркового дела и ведется работа по подготовке материалов для фототеки архитектурного кабинета при союзе.

Группа санаторно-курортного строительства (руковод. арх. Тарасов) заслушала доклад инж. М. Я. Русакова о предварительной работе по обследованию района Сочи—Магеста, в связи с районной планировкой. Одновременно информацию о работе Гипрогора по планировке этого района дал арх. Н. Нессис.

Группа по планировке городов (руковод. арх. В. В. Бабуров) заслушала доклад П. И. Гольденберга «Планировка города, жилого района и жилого квартала Москвы XVII столетия».

Группа по вопросам синтеза искусств (руковод. арх. А. Г. Мордвинов) заслушала доклады т. Алексеева о цвете в архитектуре и т. Михайлова на тему: «Специфика архитектуры и вопросы синтеза».

Организовалась и приступила к работе группа по архитектуре малых форм (руковод. проф. Н. Я. Колли).

Сектор иностранных архитекторов выпустил первый номер бюллетеня иносектора, содержащий передовую «К XVII партсъезду» — А. Урбана; статью о задачах бюллетеня; статью арх. Бьюкинга об экскурсиях иностранных архитекторов на стройку здания Наркомлегпрома (проект Ле-Корбюзье); экскурсией руководил проф. Колли; экскурсанты сделали ряд критических замечаний об отдельных сторонах проекта; статью арх. Хеббранда о строительстве Сталинска; письмо американского архитектора Симона Врейнеса к т. Ганнесу Мейеру о состоянии американской архитектуры и обширную информацию о фашизации архитектуры в Германии.

Бюллетень издан в виде стенгазеты на двух языках и снабжен рядом интересных фотографий.

Бюллетень № 1 иносектора Союза советских архитекторов

Bulletin No 1. de la Section étrangère de l'Union des Architectes Soviétiques

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

П. В. Мурашев. «Молодому строителю об архитектуре». Юношеская научно-техническая библиотека. Серия научно-популярная. Под редакцией арх. Н. П. Заплетина. Госстройиздат, 1933 г., стр. 118, цена 1 руб., тираж 10 000.

Небольшая книжка П. Мурашева «Молодому строителю об архитектуре» является первым изданием Стройиздата по вопросам архитектуры.

В своем кратком предисловии издательство отмечает, что работа П. Мурашева «дает первоначальные сведения о строительном деле в широком смысле». «Читатель найдет здесь,— говорится в предисловии издательства,— краткие сведения по истории архитектуры и о важнейших архитектурных стилях, о стандартах и о железобетонном строительстве, о принципах и задачах планировки городов. В брошюре имеются также данные о советском пролетарском строительстве, в частности о проекте Дворца советов, сооружениях стадионов, сведения о зеленом строительстве и перспективах строительства в СССР».

Как видно из этого предисловия, приведенного полностью, никакие методические задачи ни издательство, ни автор перед собой не ставили. Результатом получились тот, какого и следовало ожидать: совершенно бессистемное изложение самых разнообразных сведений обо всем понемногу, изложение, в котором история архитектуры и история стилей мыслится как различные области, глава по строительному делу сводится к сухому конспективному перечислению строительных материалов, описание составных элементов зданий прерывается изложением газетных статей по современным вопросам методологии техники, за которым тут же следует описание строительной техники у первобытных народов, в древнем Египте и т. д.

Иллюстраций методики изложения рецензируемой работы может служить содержание хотя бы одной первой главы «Из чего и как строить». Здесь на семнадцати страничках небольшого формата освещаются следующие вопросы: классификация и описание всех видов материалов, применяемых в современном строительстве от камня и дерева и до морозина, флоридалита, арборита, инсорита и т. п., описание механизации в строительстве, описание составных частей зданий, методов кладки стен, фундаментов, строительная техника древнего Востока, определенные строительных конструкций и описание их применения ан-

тичными греками, римлянами и в современности, продолжительность строительства важнейших исторических сооружений, учение о пропорциях, учение о ритме, о масштабности, о фактуре, о светотени и т. д.

К сожалению, автор рецензируемой работы не является специалистом не только в области методики юношеской литературы, но и, подавно, в области истории и теории архитектуры. Книжка П. Мурашева насыщена таким огромным количеством явно неверных положений, безграмотных и вульгаризаторских определений и искажений исторических фактов, которые в пределах небольшой рецензии даже не поддаются перечислению. Остановимся на некоторых из них.

Первобытные надгробные памятники (дольмены), которые с необычайным трудом складывались из громадных камней, автор описывает как жилище («палатки из больших камней», стр. 8), свайные постройки автор относит к эпохе «...после бронзового и железного века». Излагая существующие теории пропорций, автор ни разу не упоминает, что они складываются в результате работы архитектора над конкретным художественным образом в архитектуре для выражения определенного художественно-идеологического содержания. Из изложения автора вытекает, что существуют определенные арифметические и геометрические «гармонические пропорции», которые следует применять во всякую эпоху (стр. 24—26). На двух смежных страничках автор противоречит тут же приведенному им определению ритма. Так, на стр. 26 он приводит обычное определение ритма, как «закономерной смены уменьшения и увеличения форм», а на следующей странице приводит в качестве примера ритма... биение сердца у человека и животного. Перечисляя видных представителей современного строительства (почему-то в главе о железобетоне), автор пишет: «Братья Перре» (псевдоним швейцарца (!) Шарля Эдуарда Жаншера) (стр. 30), хотя общеизвестно, что братья Перре—это отнюдь не псевдоним одного лица, а настоящая фамилия двух выдающихся архитекторов Франции, у которых учился Корбюзье и многие другие. Известный французский архитектор Люрса отнесен не к Франции, а к «другим странам» (стр. 30). Живописец В. Кандинский отнесен к представителям... железобетонного строительства (стр. 30). Работавший во Франции известный архитектор Малле-Стевенс

называется Моне-Стевен (стр. 30). Вместо того, чтобы изложить Марксово учение о зависимости между искусством и производственными отношениями, автор пишет: «Архитектура, как и политика, право, философия, техника, литература, музыка,— основаны на экономике» (стр. 36).

Очень поучительна классификация архитектурных стилей у автора. Так, по мнению П. Мурашева, архитектура европейского феодализма—это «романский стиль, готика, ренессанс» (стр. 39). Стили барокко, рококо, модери и конструктивизм в классификации автора вовсе отсутствуют, но в дальнейшем он о них пишет. В отличие от всех историков, автор пишет, что архитектура Египта «достигла огромных успехов в создании пирамид, храмов и дворцов» уже за три тысячи лет до нашей эры (стр. 40). Образцом крайне першпективного обращения автора с фактами может служить его хронология стилей Возрождения. На стр. 49 говорится: «В эпоху Возрождения (XIII—XV вв.)», на стр. 52 автор пишет: «Возрождение, начавшееся в XIV в., достигшее развитие получило в XV в.», а на стр. 53 читаем: «ренессанс (XV—XVII вв.)». По поводу дворца Фарнезе в Каприрола (стр. 53), хотя до сих пор мы знали только замок Каприрола (а не Каприрола) архитектора Виньола. Совершенно уму непостижимо, почему архитектура Возрождения излагается перед (!) романским стилем и готикой. Правда, после романского стиля и готики автор исторично излагает ренессанс, который он безграмотно все время путает с барокко не только в смысле анализа, но и в смысле мастеров. Достаточно сказать, что к мастерам барокко автор относит Рафаэли, Браманте и др.

От барокко в Италии автор переходит к древне-русской архитектуре, от последней к амширу (XIX в.), а от него к рококо (XVIII в.); от рококо—к архитектуре «первобытной» Индии, Китая и Японии. При этом, по мнению автора, стиль рококо возник «как бы в виде протеста против строгости классицизма и готики» (стр. 58).

Такой же хаотический характер носит и прилагаемый список «выдающихся архитекторов и их важнейших произведений», где отсутствует целый ряд выдающихся мастеров и приведен ряд совершенно незначительных имен, причем допущены грубейшие ошибки в атрибуции (здание Политехнического музея приписано, например, Баженову).

Эту безграмотную книжку нельзя давать в руки молодому строителю.

Д. Аранович

ПО СТРАНИЦАМ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

(АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ)

Сайке Чарльз. Гармония между архитектурой и ландшафтом. «Architectural Design and Construction», 1933, т. VI, № 1, ноябрь, стр. 14—18, 2 рис.

Говоря о необходимости гармонии между архитектурой здания и особенностями местного ландшафта, автор отмечает особые трудности в этом отношении при возведении здания в плоской, однообразной по ландшафту местности. В качестве примера удачного разрешения проблемы он указывает на

египетское зодчество, храм Софии в Константинополе (без минаретов, которые пристроены позднее), а также на современные небоскребы с их многоступчатыми крышами и некоторые английские деревенские коттеджи: их низкие боковые службы, ступчатые стены и остроконовые крыши образуют массив, который удачно сливается с окружающим равнинным ландшафтом. Этим образцам должен следовать, по мнению автора, и современный архитектор, возводя постройки в сельских местностях, избегая многоэтаж-

ных домов и отдавая предпочтение горизонтальным линиям перед вертикальными.

Хениг Антон. Города барокко на Дальнем Востоке. «Zentralblatt der Bauverwaltung», 1933, № 49, стр. 581—585, 10 рис.

Классическими странами архитектуры барокко за пределами Европы являются, как известно, страны латиноамериканской Америки, города которых обладают ценными образцами старинной испанской и португальской архи-

текстуры. Однако автор считает, что при изучении «аморского барокко» следует обратить внимание также на старинные колониальные города на Дальнем Востоке. Он дает краткую архитектурную характеристику города Гоа, центра португальской колониальной мощи в XVI в., Макао — древнейшей европейской восточно-азиатской колонии с типичными чертами небольшого барочного города, Манилы, Батави и др.; автор отмечает не только отдельные архитектурные памятники, но и характерные для эпохи барокко черты планировки этих городов. Говоря о Батави, автор указывает на процесс постепенного приспособления типичных голландских жилищ к климатическим условиям азиатского Востока и проявление в них чисто азиатских мотивов.

Берар Андро. Воздушная оборона и градостроительство. «Urbanisme», 1933, № 19, стр. 305—308.

Вкратце описав методы воздушной войны и перечислив главные этапы воздушных нападений на города, автор отмечает, что современные города являются необычайно удобной целью для воздушных атак. Это обстоятельство учитывается, между прочим, в предписаниях по градостроительству, которые содержатся во французских законах 1919 и 1924 гг. Согласно этим предписаниям, улицы городов должны быть достаточно широкими для того, чтобы служить не только для удобной связи между различными частями города, но и для массовой эвакуации горожан в окрестности, в случае опасности воздушного нападения. Однако города нового типа с отстоящими далеко друг от друга зданиями и широкими улицами могут разрастись настолько, что будут утрачены многие преимущества городской жизни, в частности, осложнится проблема тесного контакта между жителями. Этой чрезмерной децентрализации можно избежать путем постройки домов-башен, рекомендуемых Корбюзье и Перре, причем каждый такой дом вмещает население, равное населению целого города-сада. Эти дома, расположенные среди зеленых площадей, представляют собой гораздо лучшее убежище на случай воздушных нападений, чем столь популярные в наше время подземные убежища, в которых легко погибнуть от тяжелых стелющихся по земле газов. Крыши домов-башен должны иметь такой наклон, чтобы вертикально падающие снаряды отбрасывались за периметр здания. Следует раз навсегда отказаться от столь любимых современными архитекторами плоских крыш, которые как бы специально изобретены для улавливания неприятельских снарядов.

Проф. Бернулли Ханс. Реконструкция старого города в Базеле. «Werk», 1933, № 11, стр. 350—352, 3 рис.

Анализ составленного арх. Шумахером проекта перепланировки старого города в Базеле.

Автор отмечает, что Базель и по сей день пользуется улицами и переулками, приспособленными для городского движения XI и XII столетий. Это весьма интересно для туристов, но делает город совершенно непригодным для современной жизни. План руководи-

тели городского управления по планировке Шумахера, который стремится приспособить город к новейшим требованиям, на первый взгляд мало чем отличается от плана старого города. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что знакомые улицы и переулки заметно расширены, благодаря отодвинутых вглубь участков красной линии. Это «отодвигание строительной линии», — по мнению автора, простое, скромное и удобное средство. В первое время разрушаются один, два дома, за линией старых фасадов встают новые, лучше освещенные, соседи мало-по-малу следуют этому примеру и вся реконструкция старого города производится в течение нескольких лет. Новая картина города незаметным образом заменяет собою старую и походит на последнюю, но лишь с первого взгляда, как новый план на старый.

Этот способ, по словам автора, имеет много достоинств: он допускает постепенность при реконструкции, не нарушает привычных отношений в сообщении между отдельными частями города, не производит резкой ломки, подавая последнюю «мелкими дозами».

Ж. Г. Проект перепланировки и расширения Марселя. «Urbanisme», 1933, № 19, стр. 289—299, 9 рис., 5 планов.

Подробное изложение «меморандума» о перепланировке Марселя, составленного арх. Жаком Гребером, по поручению Марсельского муниципалитета.

Население Марселя составляет в настоящее время 800 тыс. человек, расселенных на территории в 5 тыс. га, из коих 2 тыс. га образуют густо населенное центральное ядро города. Общая площадь муниципальной территории составляет около 28 тыс. га, причем 18 тыс. га представляют собой сельский и лесной пояс города. По расчетам Гребера в течение ближайших 50 лет (срок выполнения плана) население Марселя возрастет на 400 тыс. человек, для которых нужно освоить и приспособить достаточно большую площадь.

При составлении плана Гребер прежде всего принял во внимание положение Марселя, как значительнейшего средиземноморского европейского порта нового города. Это заставило его особенно тщательно разработать проблему ведущих в город дорог и городской уличной сети. Так, им намечена мощная автострада, соединяющая Марсель с Эксом, Арлем, а также с его воздушным портом Маршильоном. Остальные подъездные дороги или расширяются, или меняют свое направление, причем особо принимаются во внимание интересы туризма.

В проекте интересно разрешена проблема сообщения между вокзалами, центром города и портом. С этой целью прокладывается несколько новых улиц и широко применяется устройство улиц-наддуков. План Гребера уничтожает целую сеть старых улиц и переулков, составляющих в глазах туристов одну из достопримечательностей Марселя, и заменяет их новыми, приспособленными для оживленного городского движения, артериями. Однако он стремится в то же время сохранить не только известные архитектурные и исторические памятники, но и отдельные ценные архитектурные фрагменты-порталы, лестницы и т. п., восстанавливая некоторые дома в их первоначальном, неспорченном позднейшими пристройками, виде. Он считает

также необходимым сохранить типичную для вида Марселя с моря картину зданий, окружающих Старый порт. Равным образом, он хочет и при дальнейшей застройке города сохранить характерный для Марселя стиль домов и их окраску.

Как в старых кварталах, так и в новых, планируемых на весьма удобных для этой цели местах, оставляется большая площадь под открытые пространства, парки и школьные площадки. Кроме того на территории, которая подлежит застройке в более далеком будущем, создается целый ряд заповедников, состоящих из рощ, особенно живописных уголков, берегов водных потоков и т. д.

Луиджи Пиччинато. Градостроительство в Италии. «Werk», 1933, № 11, стр. 330—334 5 рис., 2 плана.

Статья доцента по кафедре градостроительства в Высшей школе строительного искусства в Неаполе, премированного за проект планировки города Сабодия (расположенного, подобно Литтории, в осушенной, санитованной части Кампальи) и за проект перепланировки Падуи.

Италия позже других стран приступила к разрешению проблем современного градостроительства; однако в настоящее время учреждены многочисленные кафедры по градостроительству в различных университетах, открыты специальные высшие школы по планировке городов, устраиваются градостроительные конкурсы и конгрессы. Автор отмечает положительную роль конкурсов, которые немало способствовали разработке основных проблем градостроительства.

Ввиду того, что каждый итальянский город представляет собой совершенно особенную планировочную проблему, трудно наметить для их перепланировки какие-либо общие положения. Возникающие при перепланировке вопросы разрешаются здесь совершенно индивидуально в каждом отдельном случае.

Автор бегло намечает проблемы, подлежащие разрешению в ряде городов: архитектуру Пьяченцины при составлении проекта перепланировки Бергамо-Бассеа пришлось создать рядом со старым городом город современного типа; на конкурсе по планировке Фоджини задача состояла в усилении хозяйственного значения большого южно-итальянского аграрного города, путем устройства ряда сельскохозяйственных поселков; проект перепланировки Кальяри, главного города Сардинии, создает возможность расширения старого «замкнутого» города на соседнюю равнину; в Пизе пришлось разрешить проблему перепланировки густо застроенного города, при условии сохранения его художественного своеобразия; в Брешии рядом со старым городским центром был создан новый центр и т. д.

В программу работ входит проекты децентрализации городов, градостроительство в сельских местностях и создание новых «аграрных городов», примером чего является Литтория.

К статье приложены многочисленные планы. В редакционном примечании отмечается кривляная претенциозность новой итальянской архитектуры, напоминающей германскую модернистскую архитектуру начала XX столетия.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1934 г.

Театр и драматургия

Ежемесячный общественно-политический художественный журнал театра, драматургии и критики.
Ответствен. редактор А. Н. АФИНОГЕНОВ

ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ ставит задачей консолидацию творческих сил советской литературы и театра на основе борьбы за социалистический реализм, на основе утверждения ведущего значения драматургии на театре.

ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ учитывает практику советского и мирового театра, разрабатывает в свете марксистско-ленинской философии вопросы драматургии, творческого взаимоотношения театра и драматурга, вопросы актерского и режиссерского мастерства, творческих систем советского театра, проблемы национального, самостоятельного и колхозного театра и т. д.

ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ рассчитан на квалифицированного работника сцены, драматургии и литературы

В каждом номере „ТЕАТРА и ДРАМАТУРГИИ“

1. Статьи и критические обзоры советского и мирового театра. 2. Монографии о драматургах и актерах. 3. Обзор печати. 4. Театр СССР. 5. Библиография. 6. Пьеса советского или иностранного драматурга, снабженная литературными и режиссерскими комментариями.

ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ выходит тетрадями по 10 печ. листов со многими многокрасочными и одноцветными иллюстрациями (тифдрук, фототипия).

Подписная цена: 12-мес.—72 р., 6 мес.—36 р., 3 мес.—18 р.

Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединение и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

Жургазобъединение

Продолжается подписка на 1934 г.

единственный в СССР иллюстрированный журнал художественного очерка

Наши достижения

Под редакцией М. ГОРЬКОГО

К работе в журнале привлечены:

Г. Адамов, С. Беляев, Н. Вигилянский, С. Виноградская, Е. Габрилович, В. Галин, К. Гальперин, В. Герасимова, С. Гехт, С. Диковский, Н. Зарудин, Е. Зозуля, Л. Каасиль, Ив. Катаев, А. Колосов, Н. Крам, Б. Лапин, Б. Левин, М. Лоскутов, Эм. Миндлин, Н. Панов, К. Паустовский, Я. Рыкачев, Л. Саянский, В. Ставский, Е. Строгова, С. Третьяков, Т. Тэсс, Тих. Холодный, З. Чаган, А. Югов, В. Юрезанский и др.

Во второй пятилетке СССР, ликвидировав капиталистические пережитки в экономике и в сознании людей, станет страной социалистического бесклассового общества.

Во второй пятилетке будет осуществлена новая грандиозная программа дальнейшего развития народного хозяйства, пролетариат полностью овладеет высокой техникой гигантов социалистической индустрии.

Во второй пятилетке СССР станет самой богатой страной в мире.

В 1934 г., вступающая в шестой год своего существования, журнал „НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ“ мобилизует художественный очерк на борьбу за успешное выполнение задач второго года второй пятилетки.

В 1934 г. журнал „НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ“ особое внимание будет уделять пафосу освоения новых предприятий, борьбе за качество продукции социалистической промышленности, общественным отношениям, складывающимся в деревне на новой экономической базе, рождению и росту небывалых прежде потребностей и запросов трудящихся и т. д.

В 1934 г. выйдут специальные номера журнала „НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ“ об освоении необжитых прежде районов, о колхозной деревне, о росте и удовлетворении потребностей легкой индустрии и товарообороте) и др., ряд номеров журнала будет посвящен показу соцстроительства в национальных республиках—Украина, Армения.

ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ТРЕБУЙТЕ В КИОСКАХ СОЮЗПЕЧАТИ.

Подписная цена: год — 15 р., 6 мес. — 7 р. 50 к., 3 мес. — 3 р. 75 к.

Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединение и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

Журнально-газетное объединение

1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.
Page

Дворец советов.	1
Съезд победителей.	2
Против эклектики. Д. А.	7

АРХИТЕКТУРА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ

Площади Москвы.	
Три площади (пл. Дзержинского — Сухарева пл. — пл. Коммуны). Проф. Г. Б. Бархин.	10
Пл. Дворца советов. Б. М. Иофан и акад. арх. В. А. Щуко.	12
Советская площадь. Проф. С. Е. Чернышев.	12
Никитская площадь. Проф. А. Мешков.	13
Площадь Свердлова. Акад. арх. И. В. Жолтовский.	14
Площади Триумфальная, Охотнорядская, Дворца техники. Акад. арх. А. В. Щусев.	14
Центральный парк им. МОСПС. Б. Кондрашев.	16
Головная площадь двух Ордынок. Проф. Н. А. Ладовский.	17
Архитектурная композиция площади. А. Бунин и М. Круглова.	18

МОСТ И ГОРОД. Проф. Павел Щусев.	26
----------------------------------	----

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРЬКОВ

Перепланировка и архитектурная реконструкция Харькова. Проф. А. Л. Эйгорн.	38
Реконструкция центра Харькова. О. Касьянов.	52
Площадь Дзержинского в Харькове. И. Сосфенов.	60

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Проблемы современной архитектуры. М. Я. Гинзбург, В. А. Веснин, А. А. Веснин.	63
Как я работаю. Франк Ллойд Райт.	70

ЗА РУБЕЖОМ

Миланская конференция по архитектурному обр. зованию. Х. Армен.	72
---	----

ХРОНИКА

АРХИТЕКТУРА И КНИГА	74
---------------------	----

ПО СТРАНИЦАМ

ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ	74
----------------------	----

SOMMAIRE

Le Palais des Soviets.	
Le Congrès des vainqueurs.	
Contre l'éclectisme. D. A.	

L'ARCHITECTURE DES PLACES DE VILLE

Les Places de Moscou.	
Trois Places (Pl. Dserjinsky, Pl. Soukhareva, Pl. de la Commune). Prof. G. Barkhin.	
Place du Palais des Soviets. B. Iofane et arch.-acad. W. Schouko.	
Place Sovetskaia. Prof. S. Tchernichew.	
Place Nikitskaia. A. Mechkow.	
Place Sverdlov. Arch.-acad. J. Joltovsky.	
Pl. de Triomphe, Pl. du Okhotny Riad, Pl. du Palais de la Technique. Arch.-acad. A. Schoussew.	
Parc Central des Syndicats ouvriers de Moscou. B. Kondrachew.	
Place à la jonction des deux rues Ordinka. Prof. N. Ladowsky.	
Composition architecturale de la Place. A. Bounine et M. Krouglova.	

LE PONT ET LA VILLE. Prof. Paul Schoussew.	
--	--

LE KHARKOW SOCIALISTIQUE

Nouvel agencement et reconstruction architecturale de Kharkow. Prof. A. Eingorn.	
Reconstruction du centre de Kharkow. O. Kassianow.	
Place Dserjinsky à Kharkow. I. Sosfenow.	

TRIBUNE DE L'ARCHITECTE

Problèmes de l'architecture contemporaine. M. Guinsbourg, V. Wesnine, A. Wesnine.	
Comment je travaille. Frank Lloyd Wright.	

L'ETRANGER

Conference sur la formation de l'architecte.	
--	--

CHRONIQUE

L'ARCHITECTURE ET LE LIVRE

REVUE DES REVUES ETRANGÈRES

АРХИТЕКТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ
АРХИТЕКТОРОВ

Ответственный редактор К. С. Алабян
РЕДАКЦИЯ:
Москва, 1. Ермолаевский пер., 17
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 мес. — 72 руб.,
6 мес. — 36 руб., 3 месяца — 18 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, 6, Стра-
стной бульвар, 11. Жургазобъединение,
уполномоченными Жургаза на местах, пов-
семестно почтой и отделениями Союзпечати

ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ
UNITED MAGAZINES AND NEWSPAPERS

L'architecture de l'URSS

REVUE MENSUELLE DE L'UNION
DES ARCHITECTES SOVIÉTIQUES

Rédacteur-en-Chef K. Alabyan

ADRESSE DE LA REDACTION:

MOSCOU, 1. YERMOLAEVSKY PER., 17

ADRESSEZ LES ABONNEMENTS:

MEJDUNARODNAYA KNIGA, MOSCOU, URSS,
KOUZNETSKI MOST, 18

REPÉRSENTATION COMMERCIALE DE L'URSS
SECTION DES LIVRES, 25, RUE DE LA VILLE
L'ÉVÊQUE. PARIS, VIII

Architecture of the USSR

MONTHLY MAGAZINE OF THE
ASSOCIATION OF SOVIETARCHITECTS

Editor in Chief K. Alabyan

EDITORIAL OFFICE:

MOSCOW, 1. YERMOLAEVSKY PER., 17

SUBSCRIPTIONS ACCEPTED BY:

MECHDUNARODNAYA KNIGA, MOSCOW, USSR,
KUSNETSKY MOST, 18

AMKNIGA, 258, FIFTH AV., NEW YORK CITY USA
KNIGA LTD. BOOK HOUSE, ALDWYCH W. C. 2.
LONDON ENGLAND

Architektur der UdSSR

MONATSSCHRIFT DES VERBANDES
DER SOWJET ARCHITEKTEN

Chefredaktor K. Alabjan

ADRESSE DER REDAKTION:

MOSKAU, 1. JERMOLAEVSKY PER., 17

ABONNEMENTSANNAHME:

MEZHDUNARODNAYA KNIGA, MOSKAU, UdSSR
KUSNETZKY MOST, 18

KNIGA BUCH UND LEHRMITELGES. m. B. H.
BERLIN, W. 35 KURFÜRSTENSTRASSE, 33.
POSTSCHECKKONTO BERLIN 12610.
DEUTSCHLAND